### В. И. Никитин

# МАТВЕЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ИНГУЛЬСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮЖНОМ БУГЕ



### В.И. Никитин

# МАТВЕЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ИНГУЛЬСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮЖНОМ БУГЕ

**К**ИФАЧТОНОМ



Рецензент: доктор исторических наук Иванова Светлана Владимировна

#### Никитин В.И.

Н62 Матвеевское поселение Ингульской катакомбной культуры на Южном Буге : Монография. — Николаев : издательство Ирины Гудым, 2022. — 206 с.

#### ISBN 978-617-576-167-0

Монография посвящена исследованию поселения-зимника Ингульской катакомбной культуры (ИКК) на Южном Буге и относящихся к поселению стойбищ-летовок Матвеевка 2 и Матвеевка 3. В монографии рассматриваются постройки, хозяйственные комплексы, а также некоторые черты скотоводческого хозяйства обитателей поселения и стойбищлетовок.

Жизнь на поселении, по предварительным данным, была прервана из-за внезапного нападения одного из отрядов пастушеско-скотоводческих племен так наз. бабинской культуры. В результате боевой схватки у носителей бабинской культуры погибло или умерло от ран несколько человек, которые и были погребены на территории поселения. В течение какого-то времени носители бабинской культуры преследовали не только обитателей поселения, но и отдельные подразделения племен ИКК далеко за пределы Северо-Западного Причерноморья.

Монография рассчитана на археологов, краеведов, историков, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов, и тех, кто интересуется далеким прошлым нашей Родины — Украины.

УДК 902.2(477.73)

ISBN 978-617-576-167-0

© В. И. Никитин, 2022

Науково-історичне видання

### НІКІТІН Василь Іванович

### МАТВІЇВСЬКЕ ПОСЕЛЕННЯ ІНГУЛЬСЬКОЇ КАТАКОМБНОЇ КУЛЬТУРИ НА ПІВДЕННОМУ БУЗІ

Монографія *(російською мовою)* 

Комп'ютерна верстка, дизайн обкладинки: Торубара В.В. Технічний редактор: Торхов О. Коректор: Кріхтелі А.

Формат 64×90 1/8. Умов. друк. арк. 20,2. Наклад 100 пр. Зам. № 1. Підписано до друку 01.03.2022

#### Видавництво Ірини Гудим

вул. Чкалова, 20, м. Миколаїв, 54020 тел.: (097)301-86-92

Свідоцтво про державну реєстрацію № МК 3 від 14.05.2002

Надруковано: ФОП Швець В. М. м. Миколаїв, тел.: (097)301-86-92

Свідоцтво видавничої справи: ДК №5078 від 01.04.2016

Светлой памяти моих друзей и коллег: Станко Владимира Никифоровича, Чернякова Ивана Тихоновича, Субботина Леонида Васильевича, Шургая Игоря Георгиевича

### СОДЕРЖАНИЕ

От автора
Предисловие8
Топография поселений и стойбищ-летовок. Топография,
планировка и стратиграфия поселения Матвеевка I
Каменные и кремнёвые орудия труда
Орудия труда из кости и других материалов65
Керамика поселения76
Некоторые черты хозяйства Матвеевского поселения
и стойбищ-летовок Матвеевка II и Матвеевка III
Заключение125
Приложение 1:
Материалы летовок Матвеевка II и Матвеевка III
Приложение 2:
Палеоантропологічний матеріал зі стійбища-літовки
Матвіївка III Новоодеського району Миколаївської області.
Результати радіовуглецевого датування
Приложение 3:
О.П. Журавльов. Остеологічні матеріали з катакомбних
поселень Матвіївка II і Матвіївка III
Литература
Список сокращений 206

### **OT ABTOPA**

Автор, прежде всего, выражает благодарность тем бывшим студентам Николаевского пединститута, которые с 1975 по 1982 гг. принимали активное участие в раскопках Матвеевского поселения, и слушателям-учащимся Малой академии наук (секция археологии), которые под руководством автора проводили раскопки стойбищлетовок Матвеевка II и Матвеевка III. Хочу отметить и поблагодарить за помощь в раскопках этих летовок рано ушедшего из жизни Максима Викторовича Догадина. Также в раскопках поселения принимали участие и будущие научные сотрудники Николаевского краеведческого музея Т. Н. Лызь (Губская) и И.А. Снытко, за что им авторская благодарность.

Как правило, завершающим этапом исследования памятника археологии является публикация его результатов. Но перед окончательным исследованием автору приходится углубляться в специальную литературу для поиска подтверждающих авторских выводов, аргументов и аналогий, на что уходит много времени. Иногда трудно отыскать нужную статью или какое-то дополнение к тому или иному факту. И тогда на помощь приходят консультанты и помощники, среди которых: К.В. Горбенко, В.Б. Гребенников, Ю.В. Ковальский, Ю.Г. Лазаренко, В.М. Никитин, В.В. Никитин, Т.Н. Лызь (Губская) и другие. Автор с благодарностью называет эти имена.

Немаловажное значение при определении функций орудий путём трассологического анализа имело исследование, проведённое А.М. Балушкиным, а анализа остеологических материалов поселения и летовок — исследование О.П. Журавлёва.

Существенный вклад в набор текста и сканирование иллюстраций внёс А.В. Торхов. Автор искренне благодарит его за проделанную работу.

Финансовую помощь для издания монографии оказали семья Щербань А.В. и Е.С. и одесский коллекционер, заслуженный работник культуры Украины Максимюк Т. И., а также многочисленные жители Матвеевки и города: Коренкивская Татьяна Васильевна, Любовь Варюхина, Полторак Алина Владиславовна, Мяло Инна Олеговна, Сергей Зубець, Любовь Мирославовна Паранюк, Била Анна Викторовна, Морква Наталия Борисовна, Назарина Ольга Владимировна, Ирина Валерьевна Лабко, Слободян Татьяна Ивановна, Нефедченко Виктория Петровна, Куштан Дмитрий Павлович, Салимова Анна Александровна, Леонид Григорьевич Ященко, Охитина Татьяна Семеновна, Ирина Кононенко, Юрковский Денис, Валентин Валентинович Генчев, Оксана Ильченко, Стоева Светлана Сергеевна, Потупчик Михаил Валентинович, доктор исторических наук Иванова Светлана Владимировна, Григорьян Гурген Григорович, Тригуб Александр Петрович, Сапега Елена Петровна, Марина Ковтунова, Гаврюшова Елена Владимировна, Захарян Л. А., Иванов Никита Сергеевич, Тарас Кравченко, Лисовская Анна Александровна, Цибульский Владимир Всеволодович, Бердюк Надежда Викторовна, Ольга Кулик, Сторчеус Наталья Витальевна, Возна Наталья Владимировна, Татьяна Васильевна Деревьянко, Горова Елена Владимировна,

Дудниченко Татьяна Анатольевна, Покрасс Ольга Теодоровна, Игорь Николаевич Писной, Чмелёва Анна Леонидовна, Махортих Сергей Владимирович, Людмила Николаевна Сурова, Денис Николаевич Бондаренко, Татьяна Анатольевна Островская, Анна Алексеевна Олейникова, Анна Орбан, Гуменюк Дмитрий Николаевич, Примак Руслан Викторович, Куценко Анна Юрьевна, Михаил и Игорь, а также незнакомцы, чьи имена не показал банк (3 человека оплатили по 50 гривен и один — 500). Благодарю вас, добрые замечательные люди, за поддержку.

Нет слов для выражения автором благодарности за оказание финансовой помощи всем лицам, которые откликнулись на призыв издателя И.А. Гудым помочь издать монографию.

В этой связи особого признания и глубокой благодарности со стороны автора заслуживает И.А. Гудым, которая приняла активное участие в сборе средств через Интернет для издания этой работы.

### ПРЕДИСЛОВИЕ

Накопленные археологической наукой материалы, как правило, дают возможность делать широкие исследования и обобщения, и в то же время позволяют высветлять те, пока ещё малоизученные, материалы, которые по-прежнему продолжают изучаться и дополняться новыми сведениями. А это позволяет исследователям полнее и точнее реконструировать многие структуры древних культур, в том числе культурно-исторических общностей.

К числу таких общностей относится катакомбная культурно-историческая общность (ККИО). В состав её входят несколько культурно-территориальных делений, в числе которых — Ингульская катакомбная культура (ИКК). До недавнего времени ИКК, как составная часть ККИО, оставалась неизвестной. И только благодаря широким исследованиям, проведённым О.Г. Шапошниковой на Днепровском Правобережье, удалось среди погребальных комплексов вычленить такой тип катакомбных обрядов, который и послужил основой для выделения ИКК.

Выделив ИКК, О.Г. Шапошникова не ошиблась, так как подтверждение наличия этой культуры уже есть в памятниках степного Причерноморья: в стойбищах-летовках и поселениях.

Но культуре не дано существовать без основы — первобытной экономики, этого питательного источника. Само собой разумеется, что выделение культуры по одному только признаку вовсе не означает, собственно культуры, но выступает как отдельный характерный для неё элемент. Это относится и к ИКК. Пока эта культура известна не в полной мере, а лишь в значительной степени, связанной с материалами погребений, на основе которых и строятся некоторые черты социального устройства и хозяйственного уклада носителей этой культуры.

С момента открытия О.Г. Шапошниковой ИКК и до настоящего времени вопросы изучения её составных частей в Северо-Западном Причерноморье по-прежнему остаются актуальными. И хотя в этом плане есть определённые достижения, они не раскрывают в полной мере весь спектр её изучения.

В связи с этим одной из насущных задач исследования ИКК и разрешения многих её проблем является изучение поселенческих комплексов как наименее известного источника.

Поселения и недавно открытые стойбища-летовки ИКК в науке изучены значительно слабее, хотя они имеют не менее важное значение для всестороннего изучения жизнедеятельности племён ИКК.

Открытие в Поингулье и в Побужье культуры, связанной с обнаруженными в этих районах многочисленными погребальными памятниками ещё не даёт полного представления о хозяйственных структурах в обществе носителей ИКК.

В отличие от других районов распространения ИКК в бассейне Нижнего Побужья исследования погребальных комплексов были дополнены открытием и исследовани-

ями стойбищ-летовок и поселения Матвеевка I, до недавнего времени остававшимися совершенно неизвестными науке. В настоящее время в степном Днепровском Правобережье известно свыше 100 стойбищ-летовок и поселение Матвеевка I. Стационарные раскопки велись только на некоторых памятниках (Матвеевка I, Матвеевка II, Матвеевка III, Малая Корениха, Константиновка II, Мечетняя Балка, Снигирёвка, Козырка IX, Пересадовка и др.).

До недавнего времени такие памятники как стойбища-летовки были несправедливо обойдены вниманием. Некоторые из исследователей считали, что «характер этих памятников таков, что обычные раскопки на них нерезультативны, а потому и нецелесообразны» [1]. Это укоренившееся глубоко ошибочное мнение противоречит самому духу исследования проблем ККИО и, в частности, проблем ИКК. В дальнейшем жизнь опровергла это мнение. Ибо уже сейчас на повестку дня поставлен вопрос о кардинальном изучении поселений и стойбищ-летовок ИКК. Отсутствие исследования этих памятников снижает решение проблем изучения древней истории племён ККИО в целом. Более того, выпадает очень важное звено в понимании хозяйственно-экономической жизни племён ИКК. Информация, полученная в результате изучения хозяйственно-культурных комплексов этих памятников, уже даёт совершенно новые характеристики устоявшимся выводам или же полнее раскрывают те или иные явления в среде носителей ИКК.

Среди памятников ИКК особое место занимает Матвеевка I на Южном Буге, исследование которого даёт возможность по-новому подойти к оценке ряда проблем ИКК, по-новому рассматривать некоторые существенные стороны бытования памятников этой культуры. Впервые получены новые данные, основанные на материалах, характеризующих топографию и планировку поселения и стойбищ-летовок Матвеевка II и Матвеевка III, домостроительство, культурно-хозяйственный и керамический комплексы. Следует также отметить остеологические коллекции поселения и стойбищ-летовок Матвеевка II и Матвеевка III (см. приложения), рассмотренных О.П. Журавлёвым, которые показательны относительно видового состава стада домашних животных и диких зверей, а также некоторых видов рыб. В заключение следует сказать, что результаты раскопок поселения и летовок, на наш взгляд, имеют важнейшее значение для дальнейшего изучения некоторых сторон истории племён ИКК, как и ККИО в целом.

## ТОПОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ И СТОЙБИЩ-ЛЕТОВОК. ТОПОГРАФИЯ, ПЛАНИРОВКА И СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ МАТВЕЕВКА І

\* \* \*

Открытие Ингульской катакомбной культуры дало возможность выявлять и в дальнейшем изучать такие типы памятников этой культуры, как поселения (Матвеевка, Червоная Украина, Пересадовка и др.) и связанные с поселениями летние стойбища (летовки), на которых обычно не обнаруживаются признаки оседлого быта (отсутствие стационарных построек, малая мощность культурного слоя или его отсутствие).

Следы такого типа памятников ИКК отмечались исследователями неоднократно во время разведок и раскопок. Ещё до недавнего времени археологическая наука в своих источниках не использовала термин «стойбище-летовка», а заменяла его на не совсем точные определения таких памятников «местонахождение, летнее пастбище, стоянка или поселение». В то время, как в этнографической литературе стойбище-летовка понимается как месторасположение лагеря скотоводов с весенне-летне-осенним содержанием скота на подножном корме и переносными временными жилищами [2].

В топографическом отношении поселения и летовки ИКК обычно размещались на очень удобных местах: мысах, высоких берегах рек, между балками; хотя подавляющее большинство стойбищ-летовок тяготело к луговой растительности, произрастающей в поймах речных долин.

Изучение же ряда памятников, связанных с ИКК, затруднено в силу некоторых причин. На местах, где могли размещаться поселения или летовки ИКК, со сменой культур могли располагать свои поселения племена более поздних времён, разрушая остатки построек поселений и летовок ИКК (если они были) и используя готовый строительный материал для своих нужд. Как удалось проследить, ряд мест расположений поселений и летовок ИКК обычно совпадает с местами поселений эпохи поздней бронзы, античного времени или черняховской культуры.

Вот почему часто на поселениях эпохи поздней бронзы и других времён среди керамических комплексов определённый процент керамики принадлежит посуде ИКК. И это обстоятельство в своё время вынуждало некоторых исследователей (Н.Н. Погребова, А.В. Бураков) [3] подобные керамические комплексы с поселений эпохи поздней бронзы считать едва ли не едиными. Например, на поселениях эпохи поздней бронзы Анатольевка и Пересадовка, исследованных Н.Н. Погребовой, керамика ИКК не отделена от керамики эпохи поздней бронзы. И, как заявляла в ту пору исследователь, даже сосуществовала с керамикой эпохи поздней бронзы. Подобное явление наблюдалось и при раскрытии комплекса Змеевского поселения. Всё это может свидетельствовать только о том, что в годы исследований указанных выше

поселений наука о существовании ИКК ещё ничего не знала. Тем более для степного Днепровского Правобережья, где практически была открыта ИКК.

Концентрация поселений и летовок Ингульской катакомбной культуры степного Правобережья ограничена в значительной степени с севера границей лесостепи по широте примерно от г. Дубоссары на р. Днестр через г. Первомайск на р. Южный Буг и г. Кировоград на р. Ингул до г. Днепропетровска на р. Днепр и с юга берегом Чёрного моря и сетью лиманов (Хаджибейским, Куяльницким, Григорьевским, Дофиновским, Тилигульским, Березанским, Сосицким, Бугским и Днепровским), а с востока — правым берегом р. Днепр и с юго-запада — правым берегом Хаджибейского лимана, в устье которого исследованы остатки поселения усатовской культуры с небольшой коллекцией керамики катакомбного времени — как свидетельство места расположения в более позднее время летовки катакомбной культуры. Эти места, а также недавно обнаруженная летовка, очевидно, ИКК у с. Маяки — пока самые крайние юго-западные точки распространения поселений и летовок Ингульской катакомбной культуры [4].

Степная зона Днепровского Правобережья с выявленными поселениями Ингульской катакомбной культуры охватывает площадь примерно в 70 тысяч кв. км и расположена, в основном, в пределах Причерноморской низменности, для которой характерен равнинный, более-менее спокойный рельеф степей с высотой 120-150 м над уровнем моря.

Междуречье Днепра и Южного Буга, где наиболее всего сосредоточены поселения и летовки Ингульской катакомбной культуры, изрезаны речной и овражно-балочной сетью со значительной густотой членения. Наибольшая густота балок и оврагов приходится на речные долины и промоины пересохших рек и ручьёв.

По склонам таких балок, оврагов, крутым берегам ручьёв, рек, речных долин, лиманов и моря имеются легкодоступные выходы различных глин (в том числе, и такой глины, как красная охра) и ракушечного камня — известняка в понтических, меотических и сарматских отложениях. С северо-запада на юго-восток, вклиниваясь на значительной площади в степную зону Правобережья, выходят отроги Украинского кристаллического щита. Высота южной оконечности этого щита в районе Вознесенска составляет 43 м над уровнем моря, а в районе Умани — свыше 200 м. Как известно, Украинский кристаллический щит в своём составе содержит гранитногнейсовые и сланцево-кварцитные породы. Кроме этого, небезызвестным является также и южнобугский галечниковый кремень белого цвета.

С северо-запада на юго-восток, огибая отроги Украинского кристаллического щита и резко сворачивая в районе Днепропетровска — Запорожья на юго-запад, течёт большая полноводная река Днепр. Степную зону Днепровского Правобережья с местами поселений и летовок с севера на юг пересекают также такие большие реки, как Южный Буг с Ингулом, и приток Днепра — Ингулец с Висунью. Широкая сеть мелких, часто пересыхающих рек в бассейне Южного Буга, правых притоков Днепра и впадающих в лиманы рек многочисленны.

По берегам нижнего течения рек Ю. Буга, Днепра и мелких степных рек, занимая значительные площади распространения, наблюдались выносы песчаных отложений, занимающих порой десятки квадратных километров (на некоторых из них в настоящее время размещены лесопитомники), на которых произрастали луговые сочные травы — основа кормов для скота [5].

Растительность и почвы Правобережья имеют ярко выраженный степной характер. Степная приморская часть была занята типчакско-ковыльными (почти полно-

стью распаханными в настоящее время) степями с участками заболоченных и песчаных почв в низовьях ряда рек и разбросанными среди степи зарослями кустарников, суходольными и приречными лесами, которые давали приют множеству промысловых и охотничьих животных.

«...Физико-географические условия степной зоны таковы, что лес в ней без вмешательства человека может расти главным образом в поймах рек, на речных надпойменных террасах, ...и на песках». Так что большую часть Правобережья составляли травянистые степи, в которых «...трава и степные кустарники (чилига, бобовник, степная вишня) покрывали не менее 90% территории степного Причерноморья» [6].

Как видно из физико-географических условий степной зоны Правобережья, здесь в достаточной степени имелся корм для скота и вода, которая могла быть как пресной, так и подсоленной, в зависимости от различных условий. В этой связи распространение поселений и летовок в причерноморском степном регионе тяготеет к берегам рек, речным долинам, пойменным участкам, возвышенностям пойменных участков: то есть, там, где имелась вода и корм для скота. В г. Николаеве на юго-югозападе (территория астрономической обсерватории и район Лесков, а также местного ж/д посёлка) находятся песчаные выносы в несколько квадратных километров, если не больше. Подобная ситуация наблюдается также в современном Матвеевском лесу, площадь которого вместе с частью посёлка также равняется нескольким десяткам кв. км. В других местах, выше по течению реки Ю. Буг в районах сёл Андреевка, Варюшино, Ковалёвка (Авдотьевка), Александровка, г. Новая Одесса и др. также имеются такие песчаные выносы. На левом притоке Ю. Буга Ингуле также расположены песчаные выносы, но значительно уступающие по своей массивности. Такие выносы находятся в районах Погорелово, Воскресенска, Калиновки, Михайло-Ларино, Марьевки, Христофоровки, Пески и в других местах. Как правило, в ряде мест этих выносов отмечены следы пребывания скотоводов — носителей ИКК.

Почти в центре г. Николаева, на территории современной астрономической обсерватории, обнаружены скопления культурных остатков, связанных с ИКК, в виде раковин моллюсков, костей животных, фрагментов лепной керамики, изделий из кремня и др. При виде наслоений массы раковин моллюсков, размещённых в наиболее высокой точке города, поневоле возникает вопрос: неужели скотоводы — носители ИКК собирали моллюски за несколько километров от современного берега реки Ю. Буг? Но согласно палеогеографическим и гидрологическим исследованиям [7], оказалось, что почти рядом с нынешней обсерваторией пролегало древнее русло р. Ингул, который в настоящее время поменял своё русло и течёт северо-западнее города, соединяясь с Ю. Бугом и образуя, таким образом, полуостров, на котором находится г. Николаев. Разумеется, моллюски в те времена могли обитать только в пресной воде бассейна Ю. Буга.

Подобное явление наблюдается и в Матвеевском лесу, где на значительной территории имеются песчаные выносы. Здесь выявлены следы стойбищ-летовок Матвеевка II и Матвеевка III, которые находятся в нескольких километрах от современного левого берега реки Ю. Буг (см. Приложение № 1). На этих местах культурные слои ИКК настолько насыщены раковинами моллюсков, что в количественном отношении они в тысячи раз превышают количество других культурных остатков. Палеогеографические наблюдения, проведённые в этих местах, показали, что в те времена река Ю. Буг могла подвергаться разливам на широкой площади и оставлять после разливов останцы или небольшие озёра, в которых и гнездились колонии моллюсков. А, как показывает рельеф местности на стойбище-летовке Матвеевка III, наи-

большая концентрация раковин моллюсков с культурными остатками ИКК как раз приходится на древнюю береговую линию.

На таких песчаных выносах и размещались стойбища-летовки носителей ИКК на левобережье нижнего течения реки Ю. Буг: Александровка I и II, Матвеевка II и III, Жовтневое (ныне Корабельный район г. Николаева), Лесхоз, Лиманы. В низовьях Ингула прослеживается аналогичная ситуация: Зайчевское, Погореловка, Калиновка II, III и IV, Марьевка, Михайло-Ларино I и II и др. [8]. Многие из этих стойбищлетовок не содержат скоплений раковин моллюсков и костей животных.

В отношении топографии этих стойбищ-летовок определённой закономерности не наблюдается. Некоторые стойбища-летовки, такие, например, как Константиновка II [9], Малая Корениха, ранее названная поселением [10], Козырка IX [11], размещались на высоких крутых берегах реки Ю. Буг, или в поймах степных рек (Калиновка I, II, III, Михайло-Ларино, Кашперо-Николаевка и др.), или в местах, где текли мелкие реки или ручьи (Лесхоз и др.). А часть их находилась глубоко в степи, располагаясь в нескольких километрах от берегов рек и лиманов, и занимала, в основном, склоны балок: летовка Водоканал находится в 3,2 км к востоку от берега Бугского лимана, Жовтневое II — в 1,6 км, Балабановка VI — в 2,3 км, Галициновка II — в 1,6 км, Лесхоз VI — в 2,8 км, Лиманы IX — в 1,5 км, Лиманы X — в 1,3 км и др. [12].

Ряд летовок расположен непосредственно в степи среди супесчаниковых почв без каких-то особенностей рельефа местности (Матвеевка II, Жовтневое III, Балабановка II, Галициновка III, Галициновка IX, Лиманы XIII, Обсерватория — Николаев и др.). Некоторые летовки выявлены на высоких крутых берегах лиманов (Червона Украинка, Козырка IX, Лупарево V и др.) на высоте 10-20 м от уреза воды.

Как нам представляется, скотоводам-кочевникам древности приходилось ориентироваться в сложных природных взаимоотношениях по схеме человек-животное-природа. И в этой ситуации топография стойбищ-летовок и поселений зависела и от географического, геофизического, климатического и др. факторов [13].

Постоянное общение — обхождение скотоводов с поднадзорными животными — привело к тому, что со временем скотовод-пастух обратил внимание на поведение животных, изучил их поведение и тем самым усвоил всё необходимое для сохранности, жизнестойкости и увеличения стада. А для того, чтобы где-то сделать привал и отдохнуть при постоянных передвижениях скота, носители ИКК, скорее всего, ориентировались на поведение домашних животных, которые находились под их наблюдением.

Не столь давно наукой были открыты так называемые геопатогенные зоны с положительной и отрицательной энергетикой, к влиянию которых очень чувствительны животные. И если такая зона благоприятно воздействовала на животных, последние останавливались и размещались на этом месте. И носителю ИКК ничего не оставалось, как подчиниться этому процессу. Таким образом, человек в те времена в значительной степени через животных мог расселяться для своего устройства среди благоприятных в природной среде местах [14]. Особенно чутко животные реагируют на различные геофизические явления (землетрясения, аномальность и др.). Поэтому вполне допустимо, что поселения и летовки ИКК, таким образом, и были размещены на местах, в которых и обнаружены следы пребывания и деятельности человека в виде отложений культурных остатков.

Иногда на месте изначального нахождения стойбища-летовки или, возможно, поселения, наблюдаются отложения культурных остатков других эпох и археологических культур. Например, местонахождение стойбища-летовки (?) у с. Баловное Новоодесского района Николаевской области перекрыто слоями культурных остатков эпохи поздней бронзы XII—IX вв. до н. э. и черняховской культуры III-V вв., а местонахождение стойбища-летовки Козырка IX перекрыто слоем культурных остатков античного времени [15].

Как уже отмечалось, остатков каких-либо построек ни на одной из стойбищ-летовок бассейна Нижнего Побужья не прослежено, за исключением постройки у посёлка Коларово, где на распаханной поверхности отмечены следы размытых глиняных сооружений подокруглой формы. Здесь же собрана небольшая коллекция керамики ИКК. Это может свидетельствовать о том, что носители ИКК могли пользоваться временными жилищами с наступлением неблагоприятных погодных условий.

\* \* \*

Изучение поселенческих комплексов, как наименее известного источника по истории степных племён, занимает важнейшее место среди многих проблем ката-комбной культурно-исторической общности Восточной Европы и, в частности, ИКК.

Одним из таких комплексов, изученных в значительной степени, является поселение Матвеевка I, выявленная в 1969 г. А.М. Балушкиным [16].

Поселение находится в 8 км к северо-северо-западу от г. Николаева (рис. 1) у с. Матвеевка и расположено на слегка покатой площадке склона третьей террасы (20 м над современным урезом воды реки Ю. Буга) её левого коренного берега, на мысу балки, с востока вползающей в реку (рис. 2, 3).

Примыкая южным крылом к высокому абразионному берегу реки, площадь поселения ограничена с севера и запада глубокой древней балкой, рассекающей площадку террасы с севера на юг. Глубина балки в отдельных местах доходит до 20 м. Края балки крутые и лишь к устью они становятся покатыми. На склонах балки прослеживаются обнажения аллювиальных и супесчаниковых пород, спондиловой



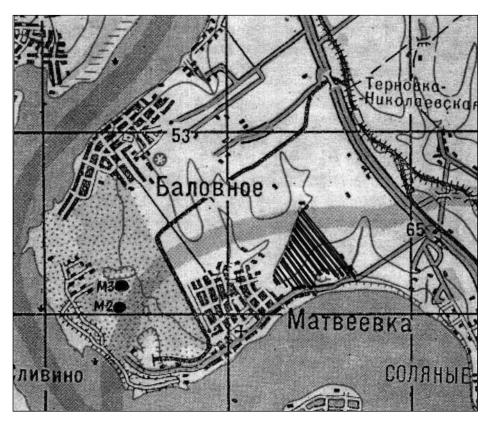
**Puc. 1.** Место нахождения поселения Ингульской катакомбной культуры Матвеевка 1

глины и понтийского известняка. С востока с напольной стороны территория поселения не имеет естественной защиты (рис. 4).

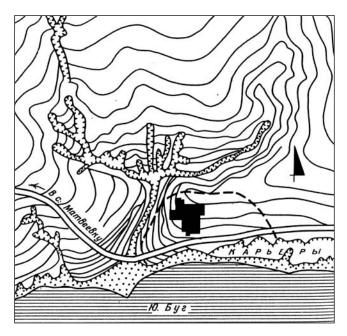
Южная, примыкающая к берегу реки, часть территории поселения уничтожена карьером для добычи известняка и шоссейной дорогой, соединяющей город Николаев с Матвеевкой. Размеры поселения: с востока на запад — 400 м, с юга на север — 250 м. Общая площадь составляет 1,5-2 га.

Топографическая съёмка местности показала, что плато, на котором находится поселение, имеет наклоны в сторону балки в западном и юго-западном направлении. Замеры велись от топографического репера, установленного в 1,5 км от поселения на верху плато на кургане. Перепад наклонов со стороны запада — 2,46 м, со стороны юго-запада — 3,61 м. Точки, проведённые через центр поселения, по линии север-юг имеют следующее соотношение (от края балки до шоссе): 20,25 м - 20,74 м - 20,55 м - 20,58 м - 20,18 м - 19,32 м - 18,81 м. Точки, проведённые по линии восток-запад, имеют следующее соотношение: 20,72 м - 20,58 м - 20,18 м - 19,40 м - 18,12 м.

В течение 1975—1982 гг. проводились раскопки поселения, в результате чего исследована территория площадью около 3000 кв. м. К моменту раскопок часть поселения была задернована, вторая — южная — распахана.



**Рис. 2.** Место расположения поселения Матвеевка 1 (заштриховано) и стойбищ-летовок Матвеевка 2 и Матвеевка 3



**Рис. 3.** Место расположения поселения Матвеевка 1 (пунктиром обозначены границы поселения; чёрным цветом обозначено место раскопок)



**Рис. 4.** Общий вид со стороны северо-запада территории поселения Матвеевка 1 перед началом раскопок

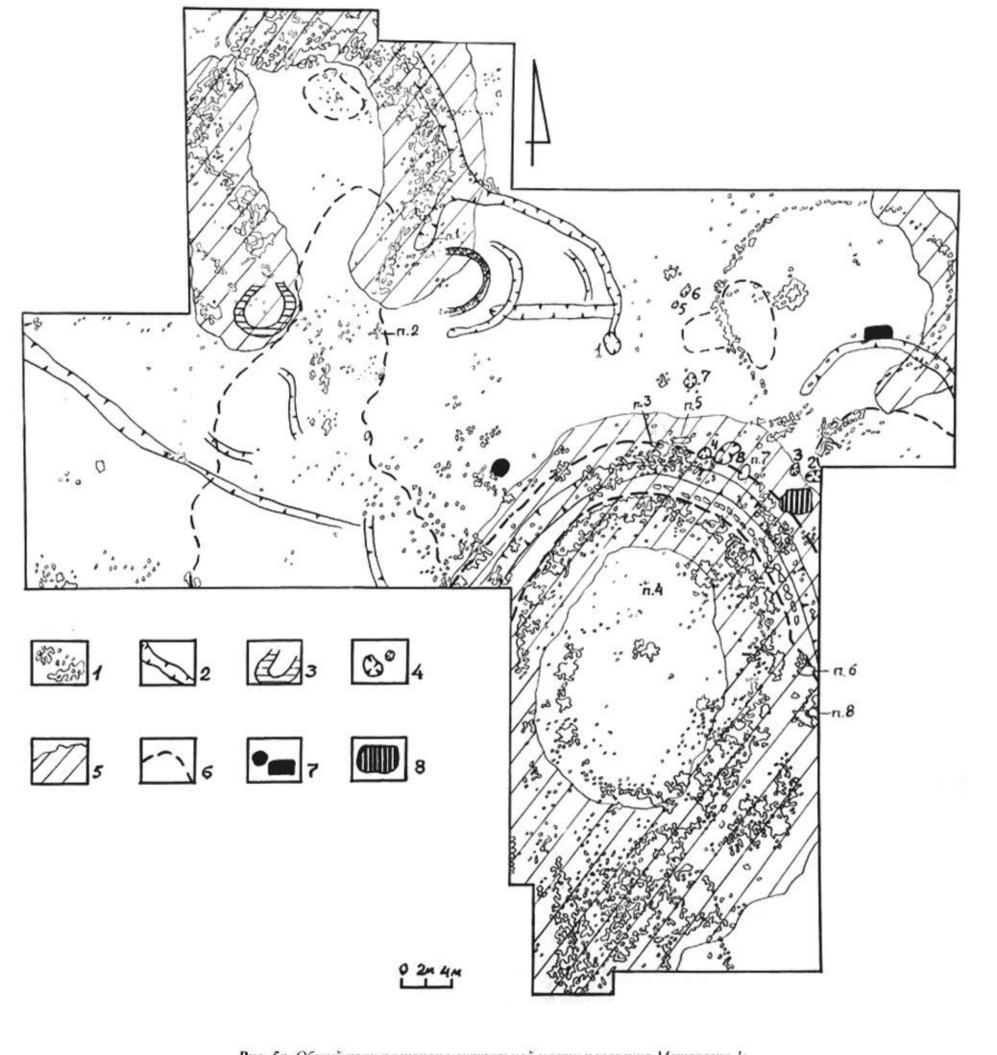
Территория поселения раскапывалась широкими площадями, что позволило полнее исследовать поселенческий комплекс.

Тщательное визуальное наблюдение и изучение, проводимое на протяжении нескольких лет, разрезов стенок раскопов и траншей, а также их замеров позволило выявить следующие компоненты стратиграфии, относящиеся как к поселению в целом, так и к отдельным комплексам:

1. Верхний слой — чернозём, задернованный на не распаханных участках, и смешанный с культурным слоем — на распаханных участках. В этом слое уже начинают встречаться отдельные находки или строительные остатки. Его толщина достигает 0.2-0.4 м (рис. 5).



Рис. 5. Срез культурного слоя под гумусом



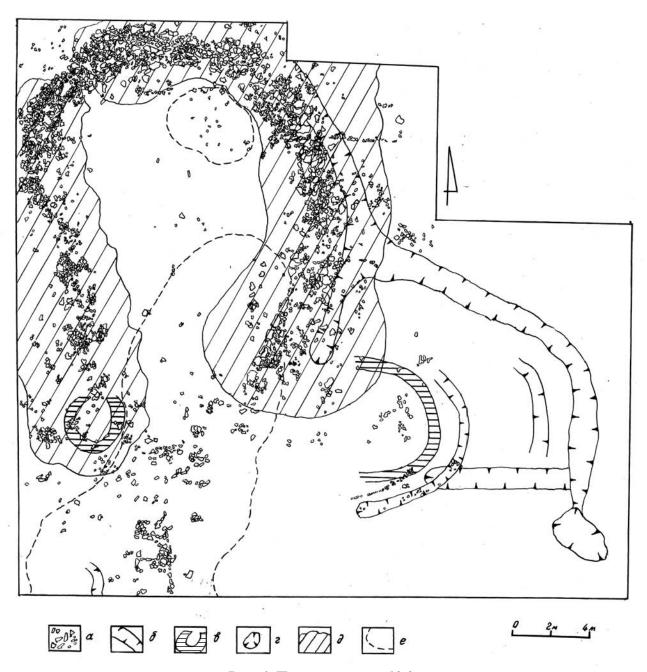
**Рис. 5а.** Общий план раскопок центральной части поселения Матвеевка 1: 1— камни; 2— канавы дренажной системы; 3— основание глиняных стен пристроек; 4— хозяйственные ямы; 5— граница расплывов глиняных стен;

- 2. Культурный слой светло-серого цвета в районах строительных остатков и коричневато-чёрного цвета между ними, то есть слой, переходный от чернозёма к слою древней погребённой почвы. Толщина культурного слоя на поселении неравномерна: в местах хозяйственно-строительных остатков она достигает 0,7 м, а между ними около 0,2 м.
- 3. Глинистый слой, который наблюдается только в районе строительных остатков и представляет собой светло-охристую мелкоструктурную массу, резко отличающуюся от чернозёма и погребённой почвы, как по структуре, так и по цвету. В основном, это размывы скрепляющего состава стен строительных комплексов и обычно находятся между слоем чернозёма и либо слоем погребённой почвы, либо материка. Плотность залегания в разных местах разная: от 0,42 м до 0,01 м.
- 4. Илистый светло-серого цвета слой со значительным включением ракушки. Обычно этот слой прослеживается с внешней стороны строительных комплексов, обозначая чёткие границы размывов и развалов каменных стен построек. Часто этот слой смешан с культурным слоем, так как размывы и развалы стен построек происходили после того, как на поселении уже образовался культурный слой. Этот слой заполняет канавы вокруг строительных остатков, и тогда его плотность достигает уровня от 0,15 м до 0,6 м, и несколько глубже в отдельных случаях.
- 5. Культурный слой с каменной регулярной кладкой, который составляет основу строительного комплекса. Каменные кладки построек строительных комплексов, как правило, состояли из двух, установленных на ребро параллельно каменных плит малых, средних и крупных размеров, врытых в погребённую почву в виде неглубокой траншеи. Обычно кладка укреплялась различными способами. Как показывают наблюдения, например, в постройке № 2 северная сторона кладки укреплена в четыре параллельных ряда установленными на ребро плитами, а в других местах забутовкой каменной щебёнкой и мелким камнем, смешанным с глиной. От кладок внутрь наблюдаются следы глинистого размыва и с внешней стороны смыв илистого слоя со значительным включением ракушки.
- 6. Культурный слой с развалом цоколя стен строительных комплексов, который был каменным, о чём свидетельствует то, что камни развалов цоколей стен лежат плашмя, обычно перекрывая культурный слой или несколько выступая над ним. Как правило, камни регулярных кладок рваные, без дополнительных обработок, хотя на отдельных плитах можно уловить следы подтёсок.
- 7. Культурный слой светло-серого цвета с интенсивным включением раковин моллюсков, костей животных, обломков керамики и других культурных остатков, заполнивших систему дренажных канав и хозяйственных ям поселения. Имеет первостепенное значение, так как непосредственно относится к первоначальному этапу существования поселения и сопровождается остатками катакомбной керамики.
- 8. Слой погребённой почвы или уровень древней дневной поверхности коричневатого цвета часто сливается с глинистым слоем и с трудом различается. По структуре почти ничем не отличается от чернозёма, плотность его в разных местах поселения колеблется от 0,15 до 0,3 м. Как показали наблюдения, слои погребённой почвы иногда намеренно выбирались, как это, например, прослеживалось в постройке № 2.
- 9. Материковый слой представляет собой в разных местах отложения супесчаниковых масс, а в ряде мест супесчаники смешаны с каменистой щебёнкой из подстилающего его мощного пласта понтийского известняка.

Такова в общих чертах стратиграфия раскрытой площади поселения, компоненты которой могли незначительно изменяться при изучении новых раскрытых площадей и от особенностей строительно-хозяйственных комплексов.

За период раскопок в северной и южной частях поселения обнаружены каменные основания трёх построек, восемь хозяйственных ям, семь остатков дренажных канав, восемь одновременных погребений и остатки котлована полуземлянки эллинистического времени (рис. 6).

Исходя из того, что остатки построек, хозяйственные ямы и дренажные канавы, а также находки и основной состав культурного слоя составляют единый хозяйственно-культурный поселенческий комплекс, относящийся к катакомбной культуре, необходимо подетально остановиться на составных элементах этого комплекса.



**Рис. 6.** План постройки № 1:

а) — камни; б) — траншеи дренажной системы; в) — глиняные пристройки к постройке № 1; r) — хозяйственные ямы; д) — границы распространения расплывов глиняных стен; r0 — границы распространения раковин моллюсков

### Некоторые особенности возведения построек

При расчистке места под площадку для возведения построек слой погребённой почвы снимался почти полностью, вплоть до материка, а в ряде случаев снимался и тонкий слой материка, в котором иногда могли устраиваться разного рода сооружения вспомогательного характера (канавы, хозяйственные ямы и др.) внутри построек или за их пределами.

Во время раскопок на поселении были раскрыты каменные основания трёх построек с использованием местных материалов (камень-известняк, глина, песок, речной ил с ракушкой, возможно, камыш и др.).

Использование этих материалов давало возможность в летний период изолировать помещения от горячего воздуха с сохранением прохлады, а в зимний период — сохранять тепло и скрываться от ветров и холодов.

После того, как выравнивалась площадка под застройку, под фундамент сооружения рылась несколько углубленная в землю траншея (глубиной от 0,12 до 0,4 м) с разрывом в месте прохода в постройку. Ширина траншеи могла быть от 0,6 до 2 м.

В этой траншее устанавливались на ребро большие и среднего размера рваные плиточные известняковые камни в два ряда с одной и с другой стороны траншеи на глиняном растворе, и это представляло собой составную часть внешней поверхности кладки. Для устройства цоколя постройки подбирались камни обычной естественной формы, без предварительной обработки. Между уложенным камнем намеревались уложить дополнительно ещё в два параллельных ряда такие же плиточные камни. В том месте траншеи, где такой способ укладки камня отсутствовал, засыпали мелким камнем, смешанным со щебёнкой, иногда костями животных и облом-ками посуды, которые скреплялись глиняным раствором, что образовывало, таким образом, своеобразную трёхслойную однорядную регулярную кладку.

При устройстве цоколя большие плиточные камни для большей прочности постройки устанавливались с севера, с внешней стороны цоколя.

И хотя принципа определённой системы и симметрии в композиции постройки не придерживались, тем не менее, вышеописанного в устройстве кладок построек, как видим, старались придерживаться.

Стены построек, как нам представляется, возводились на каменной основе и были глиняно-плетнёвыми, если судить по тем глинистым расплывам, которые наблюдались возле кладок построек во время раскопок. Основываясь на ширине развалов кладок и стен, а также глиняных расплывах, можно утверждать, что высота стен колебалась где-то в пределах 2,0-2,5 м, и глиняно-плетнёвые стены построек путём сплетения создавались, видимо, как единое целое.

После того, как были сплетены и возведены стены, общим и характерным для них являлось обмазывание глиной с внутренней и внешней сторон. К глиняной обмазке с внешней стороны некоторых стен добавлялась обмазка речным илом, смешанным с глиной и ракушкой, что, скорее всего, цементировало внешнюю сторону стен и укрепляло их. Это исполнялось с помощью плоских известняковых дисков — своеобразных мастерков (рис. 7) диаметром от 7 до 11 см и толщиной от 1,7 до 3,5 см. Рабочие поверхности этих мастерков пришлифованы, относительно плоские, со следами затёртостей, что свидетельствует о том, что ими, скорее всего, затирались стены построек. Вероятно, для плетения стен использовался местный материал — камыш или кустарник, которые во множестве произрастают по берегам рек или на склонах оврагов и балок и до настоящего времени.

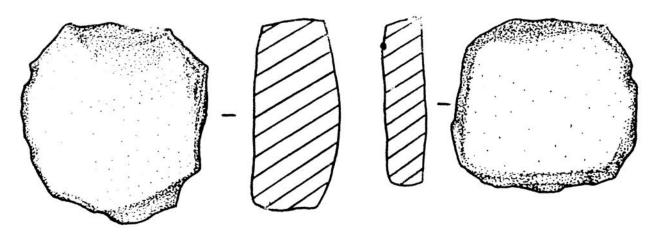


Рис. 7. Известняковые диски-мастерки для затирания стен построек

После закладки основы постройки — цокольной кладки — и возведения стен, приступали, на наш взгляд, к наиболее ответственному и громоздкому предприятию: установлению каркасно-столбовой конструкции и покрытию крыши.

Но, кроме общих черт, при возведении построек был и ряд признаков, которые присущи каждой из них в отдельности.

Постройка № 1 находилась в северной части раскопа и представляла собой остатки наземного каменного основания овально-вытянутой формы длиной 20 м с севера на юг и максимальной шириной 12 м с востока на запад. Северная часть постройки расширена, южная — сужена, что в плане несколько напоминает грушевидную форму [17].

Внутренняя площадь её составляет 220 кв. м. Ширина каменного развала основания неравномерна по всему контуру постройки: в северной, наиболее широкой части, она доходит до 3,6 м, а в южной, узкой части — до 1 м. Рваные плиты камня-известняка разных размеров (от  $0.6 \times 0.3$  до  $0.1 \times 0.15$  м) установлены на ребро с углублением на 0.2–0.3 м в слое погребённого чернозёма и материка почти двумя параллельными рядами, что составляло внутренние и наружные поверхности кладки стен. Пространство между ними шириной 1–2 м заполнялось мелким камнем и щебёнкой, смешанными с глиняным раствором, в котором иногда попадаются кости животных и фрагменты керамики. Высота сохранившейся цокольной кладки стен составляет 0.3 м. Вдоль нижней кладки стен по всему периметру, как с внутренней, так и с внешней стороны постройки, на расстоянии 2–3 м прослеживаются глинистые расплывы толщиной 0.1–0.3 м.

Как видно, глинистые расплывы представляют собой остатки глиняных стен постройки, которые были созданы в результате разрушения их природными процессами. Особенно чётко прослежены слои размытой глины со стороны востока, северовостока, севера и северо-запада (рис. 8).

Глиняные стены постройки перед тем, как возводились, вероятнее всего, для прочности изготавливались из глины, замешанной с навозом животных. Такой способ возведения стен с добавлением рубленой соломы распространён и в настоящее время в сельской местности многих южных районов страны при сооружении домов.

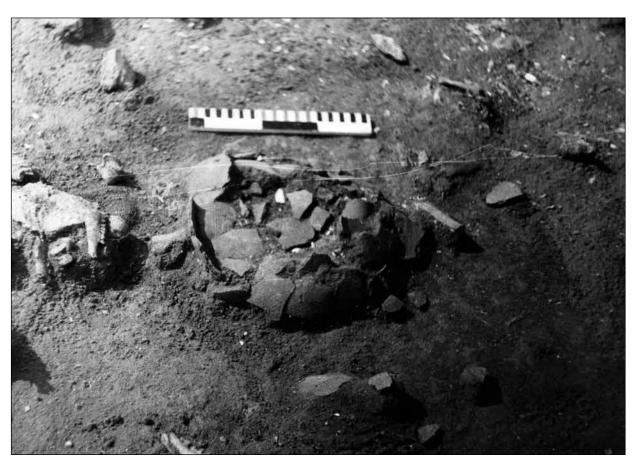
Уровень пола постройки совпадал с уровнем древней дневной поверхности и понижался, как и рельеф местности, на запад и северо-запад на 0,4 м. Поверхность пола постройки отличалась незначительной уплотнённостью грунта. В северной части постройки на уровне пола обнаружен развал большого сосуда (рис. 9). Вход в постройку был с юга, где кладка сужалась, и между камнями кладки прослеживался разрыв (рис. 10).



**Рис. 8.** Северная апсидная сторона развала каменного основания постройки № 1 c остатками глиняных расплывов стен

Возле восточного края входа в постройку на уровне древней дневной поверхности выявлены остатки глиняной расплывшейся траншеи, образующей подокруглую форму с диаметром, в среднем, 10 м, а у западного − такая же самая, но диаметром 6 м. Возможно, это были глиняные пристройки к постройке № 1 и имели какое-то хозяйственное назначение (рис. 11).

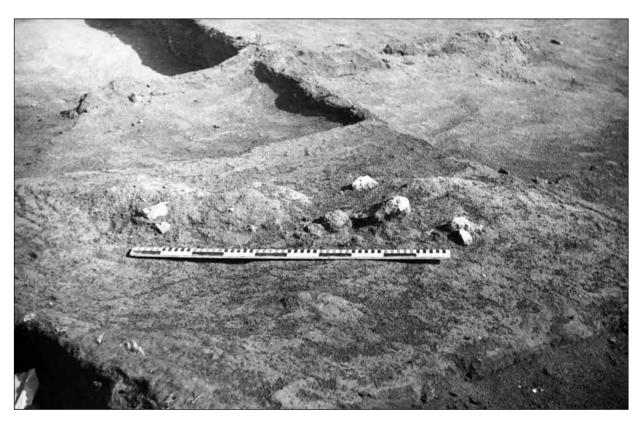
Постройка № 2 раскрыта в юго-западной части раскопа, и по форме приближается к вытянутому овалу, который сужается к югу. Длина постройки с севера на юг 33 м с наибольшей шириной 17 м. Внутренняя площадь составляет 320 кв. м. Каменная кладка стен этой постройки, в целом, аналогична устройству кладки в постройке № 1. Она исполнена по системе трёхслойной регулярной кладки с облицовкой внешних и внутренних сторон необработанными известняковыми плитами разных размеров и забутовкой между ними мелким камнем и щебёнкой, реже — костями животных, обломками керамики на глиняном растворе; кладка была углублена на 0,35 м от уровня древней дневной поверхности. Высота кладки, которая более всего сохранилась в северной части постройки, достигала 0,33 м. Ширина развалов каменной кладки в разных местах неодинакова и колеблется от 0,6 до 5,2 м, а иногда до 7 м (рис. 12).



**Рис. 9.** Развал сосуда в постройке №



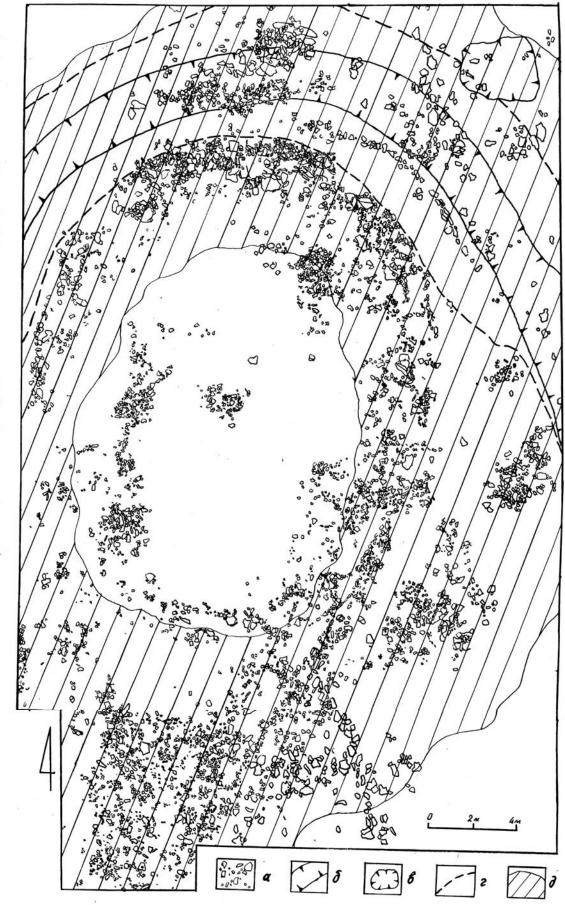
**Рис. 10.** Общий вид каменного основания постройки №



**Рис. 11.** Следы глиняной пристройки у входа в постройку № 1: a) — c восточной стороны;



 $\delta - c$  западной стороны



**Рис. 12.** Общий план раскопок постройки N = 2:

а) — камни; б) — траншея дренажа; в) — котлован землянки эллинистического периода; г) — границы распространения раковин моллюсков; д) — границы распространения расплывов глиняных стен

Так же, как и в постройке № 1, по всему периметру стен с внутренней и внешней сторон прослежены глинистые расплывы шириной 2-3 м. Более чёткий характер, чем в постройке № 1, носят отложения илисто-глиняных расплывов, смешанных с ракушкой, шириной до 4 м, которые были расположены выше развалов глиняных стен по всему периметру с внешней стороны. Очевиднее всего, это может свидетельствовать о том, что глиняно-плетнёвые стены обмазывались дополнительно с внешней стороны речным илом с ракушками.

В южной половине постройки № 2 внутри прослежена перпендикулярная кладка из камня-известняка шириной 0,8 м, которая разделяла, очевидно, всю внутреннюю часть постройки на две неравные части: круглую и большую — северную и южную — узкую и значительно меньшую по площади со входом в постройку. Камни этой кладки уложены в один ряд с запада на восток с разрывом в 1 м (для прохода) между каменным основанием постройки с востока. Стена, которая разделяла постройку на две части, могла использоваться для опоры крыши (рис. 13).

Кроме этого, с устройством столбов-опор для крыши, вероятно, связано восемь групп каменных подмосток внутри постройки, которые перекрывали собой гнёздаямки как для столбов-опор, так и для подпоры. Все они размещены вдоль каменного основания постройки и представляют собой отдельные группы мелких камней. Особенно ясно прослеживаются такие растянутые с перерывами четыре группы камней, которые размещены на расстоянии 3,2 м к востоку от западной стороны основания постройки. Эти группы камней не обработаны, но размещены плашмя и компактно. Среди них имеются и такие, которые намеренно оставлены под углом; а это является характерной чертой, свидетельствующей о наличии гнёзд-ямок для опорных столбов. И, кроме этого, могли служить для подклинивания с целью устойчивости опорных столбов в гнёздах-ямках.

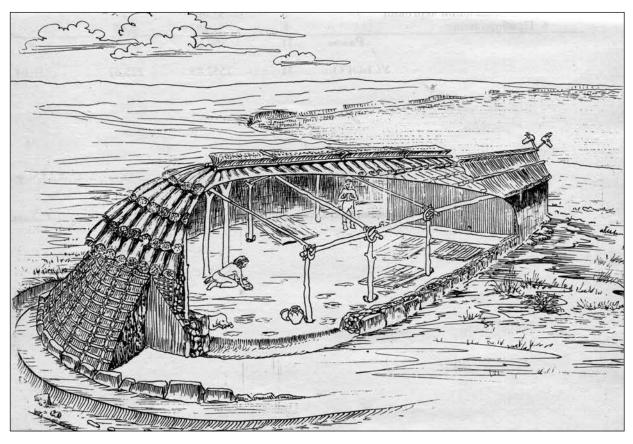


Рис. 13. Реконструкция общего вида постройки № 2

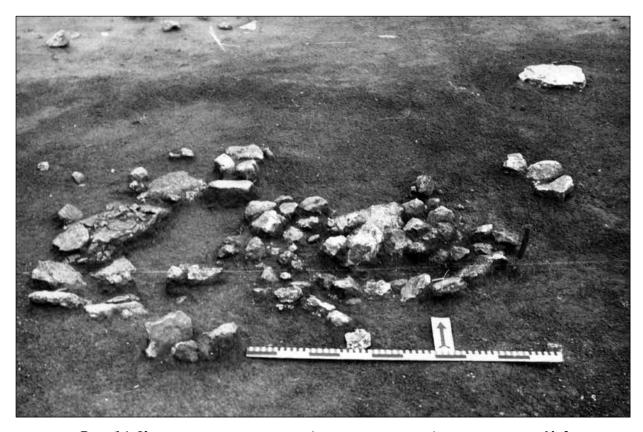
Такие же группы камней размещены вдоль восточной стороны постройки на расстоянии 2,4 м.

А в центре основной (большей по площади) части постройки размещена последняя компактная группа камней, вытянутая с запада на восток (рис. 14). С западной стороны она ограничена массивной плоской каменной плитой; между этой плитой и другими камнями выявлено гнездо-ямка, вырытое в материковой известняковой щебёнке диаметром 0,4 м. Такое же гнездо-ямка диаметром 0,5 м с несколькими плоскими камешками на дне находилось восточнее и было окружено группой плоских небольших камней. Третье гнездо-ямка находилось немного южнее. Глубина гнёздямок — 0,16 м.

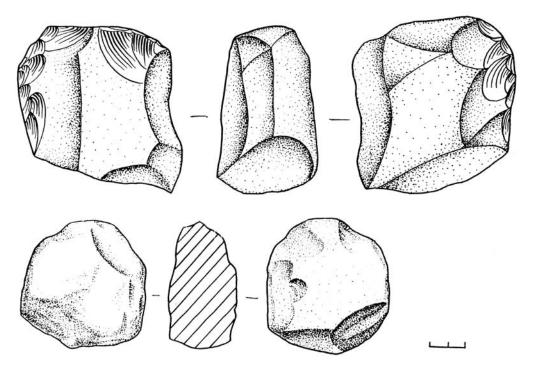
Место, на котором возведена постройка № 2, было относительно хорошо расчищено и выравнено, о чём свидетельствует отсутствие погребённого чернозёма, который внутри постройки был снят до материкового супесчаника, смешанного в этом месте с отложениями известняковой щебёнки. А что касается опорных столбов-стояков в центре, то здесь материковый щебень даже выбирался для устройства гнёзд-ямок. Возле центральной группы камней с гнёздами-ямками на полу найдены каменные растиральник и топор (рис. 15), а возле восточной стенки основания постройки — целый глиняный лепной горшок (рис. 16-б).

Обращает на себя внимание устройство кладки со стороны севера, где установленные на ребро плиты находились не только по краям кладки, но и в середине (видимо, для устойчивости), что создавало, на наш взгляд, ещё большую возможность укрепления стены со стороны севера.

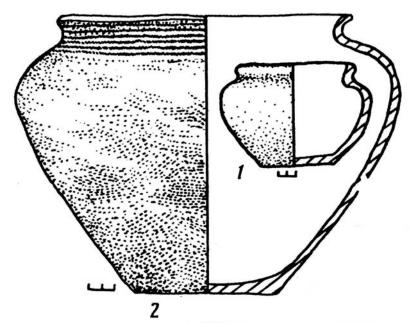
Чаще всего с северной стороны основания постройки № 2 прослеживаются упавшие массивные каменные плиты, когда-то (по аналогии с цокольной кладкой постройки № 1) установленные на ребро.



**Рис. 14.** Камни, перекрывающие одну из ямок в середине постройки № 2 при её каркасно-столбовой конструкции



**Рис. 15.** Каменные растиральник и топор, обнаруженные в постройке № 2



**Рис. 16.** Сосуды, обнаруженные в постройках: 1 — сосуд из постройки № 2; 2 — сосуд из постройки № 1

С северо-восточной стороны по овальному внешнему периметру стены на расстоянии 2 м выявлены остатки каменной ограды, состоящей из установленных в один ряд в вертикальном положении известняковых плит длиной 0,6-0,9 м, углубленных в слой погребённого чернозёма на 0,18-0,26 м. Возможно, каменная ограда выполняла роль своеобразного контрфорса (рис. 17), пространство между которым и стеной постройки заполнялось, очевидно, землёй, что создавало значительную устойчивость стены и могло служить стоком для атмосферных осадков с крыши постройки. Сразу же за оградой, а также по периметру, повторяя контуры северной стены, прослежены границы древней траншеи шириной от 1,8 до 2,6 м и глубиной около 0,22 м.



**Рис. 17.** Северо-северо-западная сторона каменного основания постройки № 2 c оградкой-контрфорсом

Возможно, что в месте, которое отделено от остальной площади перегородкой, стены постройки были значительно тоньше и более низки, чем, скажем, северная стена, о чём свидетельствуют развалы мелкого камня, который заполнял южную часть постройки до перегородки.

Крыша, как нам представляется, покоилась на вертикально-горизонтальных столбовых деревянных (или частично из камышовых, обмазанных глиной и обожжённых) конструкциях, которые устанавливались в гнёзда-ямки, обложенные камнем (и, возможно, обмазанные для стойкости) и проходили в середине постройки почти по периметру с некоторыми разрывами. По своим конструктивным особенностям крыша, по всей вероятности, в этой части постройки была конусовидной, потому что расстояние от гнёзд-ямок до стен колеблется (с запада, например) от 3,5 до 4 м. Другие гнёзда-ямки, расположенные в центре постройки, предназначались для опорных столбов, которые несли на себе всю вертикально-горизонтальную столбовую конструкцию. С юга вертикально-горизонтальные конструкции опирались, очевиднее всего, на перегородку. Суженная южная часть постройки площадью 80 кв. м, отделённая перегородкой, видимо, несла на себе двухскатную крышу. Таким образом, крыша, по нашим предположениям, могла быть комбинированной: скорее всего — конусовидно-двухскатной (рис. 13).

Пол был земляным и понижался к югу с уклоном, доходящим до 0,86 м.

Вход в постройку  $\mathbb{N}_2$  был, вероятнее всего, со стороны юга (по аналогии с постройкой  $\mathbb{N}_2$  1), о чём свидетельствует относительно свободный проход и тяготение к сужению в этой части постройки.

В 4 метрах к северо-западу от древней траншеи, окаймляющей постройку № 2, обнаружены остатки кострища в виде круглого скопления обгорелых ракушек диа-

метром 0,7 м и толщиной 0,1 м. Возле него найдены каменные растиральник и пестик (рис. 18).

Остатки каменного фундамента постройки № 3 (рис. 19) выявлены в 20 м на восток от постройки № 1 и в 4-5 м к северо-востоку от постройки № 2. Её кладка сильно разрушена современными земляными работами и выборкой камня местным населением (рис. 20). Судя по остаткам кладок стен, постройка № 3, как и две предыдущие, имела овально-вытянутую форму, ориентированную по длинной оси с юго-запада на северо-восток. Её длина — 16,2 м, ширина — 12,6 м, внутренняя площадь — 215 кв. м. Развал

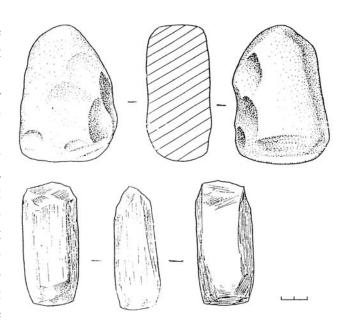
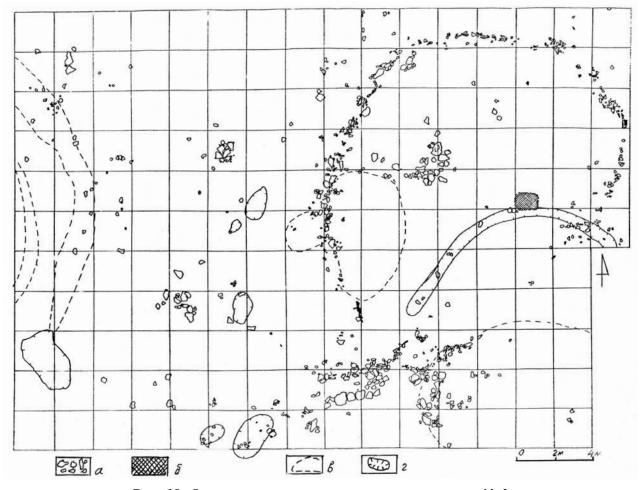


Рис. 18. Каменные растиральник и пестик

каменного основания постройки имеет различную ширину — от 1,9 до 3,4 м. Характер кладки такой же, как и в предыдущих постройках

Лучше всего кладка постройки сохранилась с юго-запада. Здесь сконцентрирована группа камней, лежащих плашмя на уровне древней дневной поверхности,



**Puc. 19.** Остатки каменного основания постройки № 3: а) — камни; б) — очаг; в) — границы распространения раковин моллюсков; г) — ямы и траншеи дренажной системы

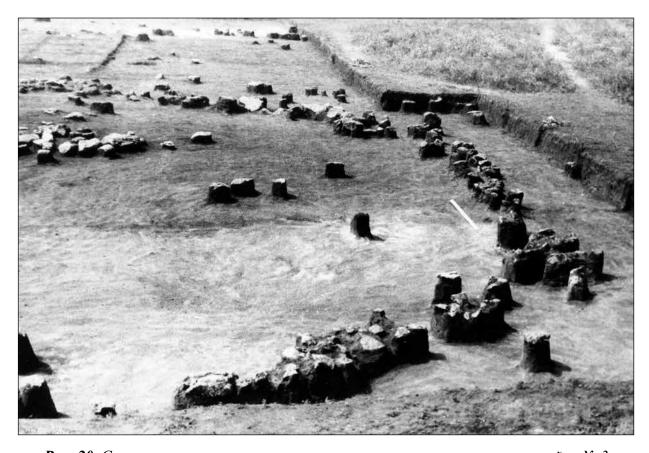
тянущихся с запада на восток расстоянием 9,6 м компактной группой. Нижние камни кладки были установлены на ребро один возле другого. На расстоянии 4,4 м от крайнего камня этого участка развала находился установленный на ребро поперечный камень размером 0,14 х 0,4 м, стягивающий кладку. Возле этого камня со стороны запада прослеживались упирающиеся в него три установленные на ребро плиты, которые, возможно, являлись основным элементом кладки постройки.

Внутри постройки на уровне пола выявлена группа камней, лежащих компактно плашмя, которые, возможно, являлись платформой для поддержания центрального столба, на который опиралась каркасно-столбовая конструкция постройки.

В юго-восточной части постройки на уровне древней дневной поверхности обнаружены остатки открытого очага в виде пятна горелой земли подпрямоугольной формы, окаймлённого невысоким глиняным бортиком, размером 1,0 х 1,2 м. Плотность горелой земли составляет 0,1 м. Рядом с очагом в полу постройки прослежена дугообразная в плане траншея, которая проходит через центр сооружения, расчленяя её почти пополам и изгибаясь с юго-запада на юго-восток. Своим юго-западным краем траншея упирается во вход в постройку, а юго-восточным — выходит за пределы постройки. Её ширина 0,55 — 0,66 м, глубина от 0,1 до 0,16 м, а прослеженная длина — 13,1 м. На дне траншеи обнаружены обгорелые камни, угольки и кости животных (рис. 21).

Вход в постройку находился со стороны запада и проходил по тамбуру 4,4 м длиной и 2 м шириной. Сохранилась только южная сторона тамбура.

Таким образом, открытые на поселении каменные основания овальных в плане громадных по площади трёх построек представляют чёткую планировку. Постройки размещены компактно, гнездом, все они ориентированы в одном направлении (вход в виде коридора — с южной стороны), кроме постройки № 3, у которой вход — со



**Рис. 20.** Северная сторона остатков развала каменного основания постройки № 3

стороны запада. Обращает на себя внимание их форма, конструкция и монументальность. Строительным материалом, как указывалось выше, служили камень-известняк, глина, песок, речной ил с ракушкой (своеобразный цементирующий материал), вероятно, дерево и камыш. Если судить в целом о выявленных постройках, то апсидная форма их и некоторые приёмы строительства с применением камня находят аналогии в широком хронологически-территориальном диапазоне от Балкан, Малой Азии до Закавказья. Известные по Михайловскому ямному поселению наземные жилища с каменными основаниями стен по форме иные, они имеют прямоугольную форму.

Раскрытые на поселении постройки делятся на три типа по способу сооружения и назначения:

- 1. Загоны для скота.
- 2. Длинные каркасно-столбовой конструкции крытые сооружения для зимнего содержания скота (не исключено и проживание в таких сооружениях обслуживающего персонала).
- 3. Крытые сооружения каркасно-столбовой конструкции с очагом и предполагаемым каналом-дымоходом посередине.

Кроме этого, следует учесть, что такие типы построек можно было возводить только при участии надёжно слаженного коллектива родственников и односельчан под руководством специалиста — мастера строительного дела, о чём свидетельствуют некоторые этнографические параллели [18].

Исходя из второго и третьего типов построек, можно судить о том, что при разработке конструктивных особенностей постройки старательно подбирались и учитывалась симметрия каркасно-столбовой основы, которая должна была поддерживать чердак и крышу. Монументальность сооружения таких типов построек допускала опыт многих поколений и мастерство руководителя строительных работ.



**Рис. 21.** Траншея (для обогрева?) внутри постройки  $N_2$  3 (возле траншеи справа крестиком отмечены остатки очага)

Правда, не всегда удавалось придерживаться симметрии в каркасно-столбовой конструкции (как это прослеживается на примере второго типа постройки), и тогда приходилось обращаться ко вспомогательным способам — установке дополнительных опорных столбов.

Из-за незначительного распространения дерева в условиях степного Причерноморья и, таким образом, его дефицита и дороговизны, оно при сооружении построек могло использоваться только для столбов каркасов и перекрытий.

И вряд ли можно что-либо сказать о системе продольных и поперечных прогонов, как и о разных вариантах конструкции чердака, если он существовал. Об этом можно говорить лишь в общих чертах.

Исходя из планирования построек второго и третьего типов, для поддержания центральных прогонов и каркаса, на который мог бы опираться чердак, устанавливались один или два столба. Для этого в полу в материковом слое земли делалось углубление на 0,15-0,3 м, на дно углубления укладывался плоский камень, на который устанавливался столб. Низ столба в таком гнезде старательно забутовывался каменным щебнем и мелким камнем.

Если судить по второму типу постройки, то симметрии в ней почти не придерживались, зато старательно поддерживалась стойкость всей каркасно-столбовой конструкции в постройке, несмотря на некоторые, с точки зрения строительного дела, отклонения.

Возможно также, что вместо деревянных опорных столбов могли использовать и опоры из связок камыша, обмазанных глиной.

Опираясь на примеры из этнографических источников, можно утверждать, что при таких конструктивных особенностях, которые характерны для указанных выше построек, крыша, возможно, опиралась на каркасно-столбовую конструкцию и при этом могла состоять из местного материала (камыш, солома, сено или др. растительность) [19]. Камыш для крыши, возможно, был особо связанный. Что касается последнего, то он, очевидно, употреблялся в постройках также как подстилки, перегородки и потолки, но главным образом использовался для крыши. Кроме этого, на наш взгляд, крыша могла иметь ещё довольно значительные свесы по сторонам постройки. А отсутствие леса на стропила могло быть причиной употребления при конструкции крыши её шатровой или конусоподобной формы (рис. 13).

Как свидетельствуют некоторые исследователи, нельзя ли связывать происхождение купольных построек с куполообразными постройками из камыша? Подтверждением правильности этой мысли, с нашей точки зрения, может быть интересное замечание А.Н. Берштама о том, что скотоводческая юрта ещё со скифских времён могла быть прототипом сферического перекрытия в постройках оседлого населения и что «идея купола и осуществление её в монолите принадлежала кочевникам» [20].

Полы у всех типов построек были земляные. Поверх полов могли укладывать сплетённые маты из камыша или набрасывать сено и сверху на них — шкуры животных или войлочные подстилки.

Проживание человека, зафиксированное в третьем типе постройки, наводит на мысль о несколько иных конструктивных элементах этой постройки, в отличие от конструктивных особенностей первых двух типов построек.

Наличие тамбура, вход в постройку со стороны запада (а не с юга), отсутствие внутри постройки гнёзд-ямок по периметру постройки для поддержания каркасно-столбовой конструкции, открытый очаг с предполагаемым каном — дымоходом в полу — всё это вызывает определённые сомнения в принадлежности к таким типам построек, как постройки № 1 и № 2.

Тем не менее, нельзя не отметить те детали, которые присущи постройке № 3 и отсутствуют в постройках № 1 и № 2. Упомянутый тамбур постройки № 3, как свидетельствуют исследования этнографов «…предохраняет обитателей дома от затекающего извне холодного воздуха. Главное местопребывание семьи — очаг удаляется от входа» [21].

Отапливание, очевидно, проводилось по-чёрному — с помощью костра, и для топлива могли использовать высушенные кизяки животных, камыш, кости, кустарник [22].

Нельзя не остановиться и на такой особенности третьего типа постройки, как наличие рядом с очагом жарового канала, как одного из элементов отопления постройки. Явление это в данном случае необычное, но известное и распространённое среди тюрко-монгольских народностей, как по данным археологии, так и по данным этнографии. Опираясь на эти данные, попытаемся реконструировать картину отопления и обогревания в третьем типе постройки. «На место будущей комнаты ниже уровня её пола, устраивали извивающиеся жаровые каналы... В эти каналы из топок... уходил дым, который обойдя все извилины, выходил через специальные отверстия в стенах... Жаровые каналы перекрывались сверху... Пазухи каналов до уровня пола заполняли щебнем или галькой... которая, накалившись... остывала очень медленно» [23]. Таким образом, тепло сохранялось в постройке довольно долго. Так изображают этнографы способы отопления чурбадоу (каном) у дунганов и уйгуртов Ферганской долины в XIX веке.

Отсутствие очагов в первых двух типах построек можно объяснить соображениями пожарной безопасности. Уже тогда избегали содержать животных в помещениях с очагами: в случае пожара часть скота могла погибнуть. Во-вторых, те, кто ухаживал за животными и, возможно, проживал с ними, обогревался, очевиднее всего, среди скота [24]. В-третьих, топливо являлось чрезвычайно дорогим, и дерево, если и было, то использовалось, как уже упоминалось выше, главным образом, на каркасно-столбовые конструкции построек и, скорее всего, привозилось издалека.

Первые два типа построек имеют ещё такие детали, как обтекаемость стен и апсидная форма, что создавало надёжность, прочность и относительную долговременность существования построек в суровых степных условиях. Следует ещё добавить, что апсидной стороной постройки обращены к северу. Но когда прочность постройки находилась под угрозой, апсидную сторону укрепляли дополнительной стеной на расстоянии двух метров и засыпали, скорее всего, землёй пространство между апсидной стеной снаружи и дополнительной стеной (оградкой), что создавало своеобразный контрфорс.

Но борьба человека за прочность постройки против степных стихий этим не ограничивалась. Дополнительно сооружались дренажные отводные каналы, которые окружали апсидную сторону построек и создавали в соединении с другими канавами на территории поселения разветвлённую дренажную систему.

А что же касается проживания людей в таких постройках, где содержались и животные, то это явление подтверждают и различные этнографические материалы, в том числе и на поблизости расположенных территориях [25]. Это подтверждает также и В. Николов, который выделяет три основные причины для сооружения апсидных построек скотоводов [26].

«Какова же связь между скотоводством (главным образом овцеводством) и апсидным планом жилища?» — вопрошает исследователь, и поясняет: «...Имеются три причины: 1) для удобства содержания овец, так как овца защищена от ветра изогнутой стеной; 2) для прочности конструкции — апсидный план даёт возмож-

ность сплести вертикальные стены воедино; 3) стены и соломенное (камышовое) покрытие надо возможно крепче связывать — иначе помещение (постройку) сорвёт и разнесёт ветер».

Во всех исследованных им апсидных постройках, как и на поселении Матвеевка I, наиболее изогнутая стена обращена на север, а вход — на юг (исключение — на запад). Археологические данные теперь допускают использование таких построек как на поселении Матвеевка I, так и в качестве жилищ (находки в постройках сосудов, каменных и других орудий труда).

Во время исследования памятника античного времени Козырка IX В.М. Отрешко пришёл к выводу на основе полученных материалов, что памятник двухслойный, и нижний слой его имеет прямое отношение к катакомбной культуре. Более того! В северной стороне раскрытой площади обнаружена близкая к подковообразной форме траншея с разрывом со стороны юга, возле которой иногда попадались мелкие камни, свидетельствующие, очевиднее всего, об интенсивной выборке, что и подтверждает исследователь [27].

Если принять во внимание то обстоятельство, что подобные траншеи окружали со стороны севера апсидные постройки, подобные открытым на поселении Матвеевка I, то становится ясным, что подковообразная траншея на памятнике Козырка IX могла иметь прямое отношение к подобного рода апсидной постройке, камень которой мог уйти на устройство построек Козырского городища первых веков нашей эры, исследованное А.В. Бураковым [28].

Помимо этого, нами допускается мысль, что выделенные три типа построек отражают базовый характер такого поселения как Матвеевка I, на котором содержался скот в неблагоприятные для него погодные периоды (снег, метели, гололёд, отсутствие кормов, отёл и др.), а в остальное время отгонялся на летние стойбища-летовки, такие как Матвеевка II и III, Малая Корениха, Константиновка II, Каборга и др. [29].

Таким образом, говоря словами Г. Кларка, «...несомненное влияние на выбор места каждого отдельного поселения оказывала топография местности, а именно — рельеф поверхности, грунты и расположение источников воды. При выборе формы крыши, сооружения стен и расположений входа, нужно было учитывать климат, понимая под этим количество солнечного света, выпадение осадков, а также направление и силу преобладающих ветров. Самое большое значение имели, однако, строительные материалы, поскольку для постройки обыкновенных жилищ... употреблялись материалы, которые были тут же, под рукой, и наличие их определяло до некоторой степени форму строения» [30].

Что касается последнего условия, определяемого Г. Кларком для сооружения построек, то поселение Матвеевка I располагалось на месте, с севера и запада которого в глубоких балках имелись выходы известнякового камня.

При реконструкции построек поселения Матвеевка I неизменно приходят на память реконструкции толосов халафского периода в Месопотамии, выполненные американскими археологами М. Меллартом и Д. Роузом [31]. Толосы, обнаруженные в халафских слоях Арпачии, имеют меньшие размеры (диаметр — 6 м, толщина стен — 1,65 м), но по своей конфигурации могут быть сравнимы и отдалённо напоминают постройки Матвеевского поселения, хотя и имеют отношение к разным периодам истории, культур и территорий.

Если судить в целом о выявленных на поселении Матвеевка I постройках, то апсидная их форма и некоторые способы строительства с применением камня находят себе многочисленные относительные аналогии в широком хронологически-

территориальном диапазоне от Балкан, Малой Азии до Закавказья [32]. Известные по Михайловскому поселению ямной культуры наземные жилища с каменной основой стен по форме иные — они имеют прямоугольную форму [33]. Такая форма сооружений является наиболее распространённой в энеолите и эпохе бронзы Европы, иногда с некоторыми отклонениями.

Неизвестные до настоящего времени у катакомбных племён в общем, и, в частности, Северо-Западного Причерноморья, апсидные формы построек, значительные по размерам, имеют широкое распространение среди скотоводов Балкан и существуют с эпохи неолита до настоящего времени, в том числе и на территории Нижнего Побужья.

Как свидетельствуют некоторые этнографические материалы, в степях Северного Причерноморья ещё кое-где существуют подобные к упоминаемым выше сооружения — кошары для овец [34], площадь которых доходила до 500 кв. м, где могла разместиться отара в 200-300 голов. На сооружение такой кошары необходимо было, как отмечает И.Г. Чабанов, уложить 200-250 куб. м камня. Высота её доходила до 2-2,8 м, а толщина стен колебалась от 0,6 до 0,8 м. То есть, современное возведение такого типа кошар или помещений-загонов для скота практически ничем не отличается от древних способов их строительства. А это даёт основание утверждать об устойчивости, однородности и консерватизме форм построек, однообразии приёмов их сооружения, проверенных опытом и традициями поколений обитателей причерноморских степей, в которых яркими представителями кочевников до этого времени выступают чабаны с тысячелетними обычаями.

## Хозяйственные сооружения

Кроме таких сооружений, как постройки, на вскрытой площади поселения прослежены остатки дренажной системы в виде траншей, окаймляющих постройки № 1 и № 2, а также следы траншей, пересекающих поселение в широтном направлении. Как удалось проследить, эти траншеи копали с уровня древней дневной поверхности, пересекая её, и углублялись в материк на 0,1-0,15 м. А в районе построек глубина таких траншей доходила от 0,2-0,3 м до 0,6-0,8 м.

Причём, траншеи отчётливо прослеживались на фоне светло-коричневого материкового супесчаника, в особенности утром, после росы, либо через несколько часов после дождя, задерживая в себе надолго влагу благодаря наличию в них раковин моллюсков (рис. 22). Как правило, такие траншеи со временем заполнялись хозяйственным мусором в виде мелкого камня, каменной щебёнки, костей животных, битой керамики, ракушки.

С северо-восточной стороны, окаймляя остатки постройки № 1, была открыта траншея, начало которой терялось в каменной щебёнке развала стен постройки с севера. Окаймляя остатки постройки до середины, траншея доходила до 13,3 м длины, а с середины, ответвляясь от неё, часть траншеи резко сворачивала на юго-восток длиной 20,5 м и, изгибаясь, южным концом упиралась в хозяйственную яму № 1. Ширина и глубина траншеи отличается в разных местах. У границы ямы № 1 её ширина составляет 0,72 м, откуда она постепенно расширялась до 0,95 м и, соответственно, 1,1 м в сторону северо-северо-востока, а далее её границы терялись. В районе стыка траншеи с ямой № 1 глубина траншеи доходила до 0,29 м. В разных местах глубины траншеи отличаются: 0,3 м, 0,26 м; от 0,1 до 0,38 м. Ширина траншеи до северной стороны остатков постройки доходит до 0,85 м. Таким образом, ширина и глубина траншеи в пределах её границ не везде одинакова.



Рис. 22. Часть дренажной системы в виде канавы

Параллельно с этой траншеей выявлены остатки ещё одной траншеи длиной 4,1 м, несколько изогнутой, шириной 0,4-0,5 м и глубиной 0,2-0,22 м. Траншея была пуста.

К юго-юго-востоку от входа в постройку № 1 была вырыта ещё одна траншея в строгом направлении восток-запад. Длина её составляла 6 м, ширина — 0,8 м, а в материк была углублена на 0,1 м. В северо-восточном конце её перекрывала другая такая же неправильно изогнутой формы траншея, проходящая с северо-северовостока на юго-юго-восток длиной 5 м. Ширина её неодинакова. В северо-северовосточной части её ширина 1,2 м, а к юго-юго-востоку она постепенно сужается и её очертания теряются. Улавливаемая ширина этой траншеи 0,6 м.

С северо-западной стороны прямую траншею восток-запад перекрывала ещё одна траншея, тянущаяся полуовалом с северо-востока на юго-юго-запад. Полуовал её загибался в сторону запада и следы терялись. Общая длина этой траншеи —  $10,6\,\mathrm{m}$ . Ширина её колеблется в среднем от  $0,4\,\mathrm{дo}~0,6\,\mathrm{m}$ . Только её южный конец имеет ширину от  $0,8\,\mathrm{go}~1,0\,\mathrm{m}$ , углублена в материк на  $0,1\,\mathrm{m}$ .

Самая длинная траншея, границы которой были нечёткими (едва улавливались, но их удалось проследить), имела длину 20,95 м при средней ширине 0,45 м, хотя ширина её могла варьироваться от 0,8 до 1,4 м. Глубина траншеи колебалась от 0,1 до 0,13 м. Основное направление траншеи: северо-запад-юго-восток. Границы траншеи не совсем прямые, а несколько извилистые, но тяготеющие к прямым. Траншея была забита землёй тёмно-коричневого цвета с редкими включениями ракушки, с отдельными, редко встречающимися камнями, которые могли входить в основание постройки № 1 (рис. 23).

Со стороны севера и частично со стороны северо-востока были выявлены границы траншеи, окаймляющей постройку № 2. Всю длину траншеи проследить не удалось, поскольку её западная и восточная стороны не были до конца раскопаны. Раскрытая же длина траншеи по данным замерам равнялась 54,6 м. Максимальная ширина её колебалась в пределах 1,8-2 м, а глубина от уровня древней дневной по-

верхности доходила до 0,6-0,8 м в разных местах. Сама траншея была заполнена слежалой ракушкой, камнем и каменной щебёнкой, битой керамикой и костями животных (рис. 12).

Обращают на себя внимание скопления горелой ракушки, что наводит на мысль о применении ракушки вместе с какими-то органическими компонентами в качестве топлива, а, исходя из этого, можно предположить и наличие переносных очагов в постройках.

Большинство исследованных канав, таким образом, входили в разветвлённую дренажную систему поселения, но со временем они превращались жителями поселения в сбросовые мусорные траншеи.

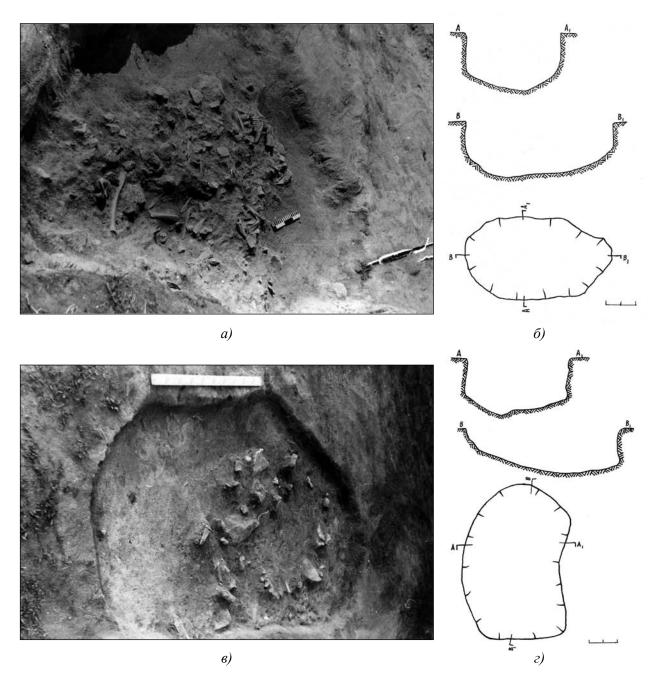
А в районах выявленных остатков каменных оснований построек на уровне древней дневной поверхности обнаружены пятна со светло-серым заполнением ракушками моллюсков; эти пятна оказались хозяйственными ямами (рис. 12).

**Яма** № 1 находилась в 16 м к юго-юго-востоку от входа в постройку № 1 и имела неправильно овальную форму с ломаными краями. По верху яма имела размеры  $3.1 \times 1.95 \text{ м}$ , а по низу —  $2.63 \times 1.55 \text{ м}$ . Глубины ямы неодинаковы: со стороны запада и севера — 0.73 м, с востока — 0.61 м, с юга – 0.54 м. Средняя глубина яма — 0.67 м.

Состав заполнения ямы представлен мелким камнем и каменной щебёнкой в количестве 188 экземпляров; 3815 костями животных, из которых выделены следующие виды: бык — 447, овца — 6, коза — 2, овца-коза — 7, лошадь — 2, лисица — 1, сайга — 1, осетровая рыба — 1, створки мидий — 160, неопределённых костей — 955; фрагментов лепной керамики катакомбной культуры — 129, из которой обращают на себя внимание фрагменты стенок, подработанные со всех сторон подокруглой формы; кремней — 8; каменного сырья из твёрдых пород камня — 2; 2 кусочка глиняной обмазки и 2 каменных уплощённых кружка (рис. 24).



Рис. 23. Участок вскрытой площади со следами дренажной канавы на переднем плане



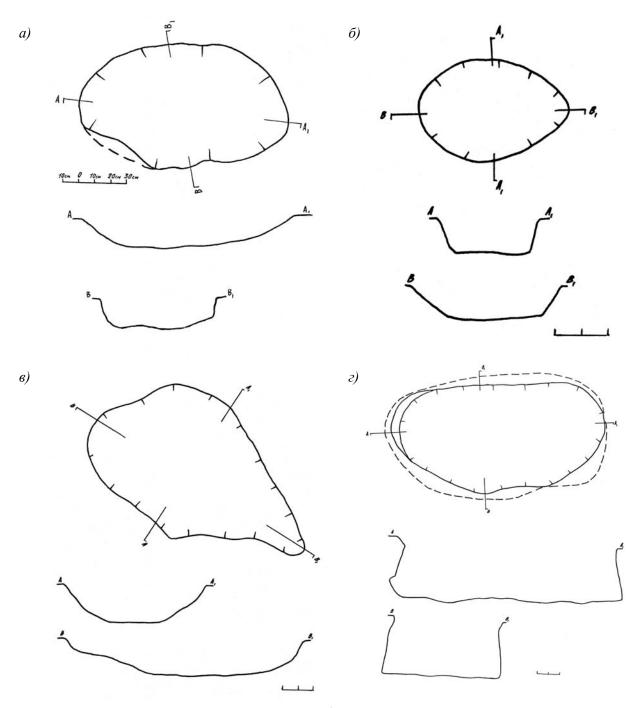
**Рис. 24.** Контуры и профили хозяйственных ям: а) — заполнение костями животных хозяйственной ямы № 1; б) — хозяйственная яма № 2; в) — начало раскрытия хозяйственной ямы № 3; г) — хозяйственная яма № 3

**Яма** № 2 открыта в 8,5 м к северо-северо-востоку от каменной оградки — контрфорса постройки № 2. Яма имеет форму неправильного ломаного овала и находится на глубине 0,35 м от уровня древней дневной поверхности. Размеры ямы с северо-запада на юго-восток — 0,6 м, с юго-запада на юго-восток — 0,95 м, углублена в материке на 0,14 м. Яма содержала, помимо скопления ракушек моллюсков, 11 фрагментов лепной керамики катакомбного облика, 1 бедренную кость человека, 55 различных мелких костей животных.

**Яма № 3** обнаружена рядом в 1 м к западу от ямы № 2. По длинной оси яма сориентирована почти с юга на север и имеет бобовидную форму. От уровня древней дневной поверхности находится на глубине 0,37 м. Размеры ямы — 1,1 х 0,7 м, углублена в материке на 0,16 м. Контуры ямы обозначились по границе скопления ракушек моллюсков. В заполнении ямы, кроме этого, обнаружено 14 мелких необра-

ботанных известняковых камней, 1 фрагмент плиты для растираний (зернотёрки?), 1 каменный топор-молоток с поперечным перехватом (мотыга?) — брак производства, 70 мелких костей животных, 1 кремнёвый отщеп, 15 фрагментов керамики катакомбного облика.

**Яма № 4** располагалась в 6,4 м к северу от каменной ограды — контрфорса постройки № 2, по длинной оси сориентирована с юго-запада на северо-восток и имеет подовальную форму. Границы ямы обнаружены на уровне древней дневной поверхности по светло-серому заполнению на глубине 0,38 м, углублена в материке на 0,2 м. Размеры ямы — 1,3 х 0,77 м. В заполнении ямы обнаружено 14 камней, 27 костей животных и 2 фрагмента катакомбной керамики (рис. 25).



**Рис. 25.** Контуры и профили хозяйственных ям: а) — хозяйственна яма № 4; б) — хозяйственная яма № 5; в) — хозяйственная яма № 6;  $\varepsilon$ ) — хозяйственная яма № 8

Яма № 8 выявилась в 0,78 м к востоку от контуров ямы № 4. Яма № 8, как и яма № 4, расположена вблизи от входа в постройку № 3 и имела в плане подовальную форму. Яма была заполнена беловато-серой землёй и очень чётко выделялась на фоне жёлтого материкового супесчаника. Сориентирована по длинной оси с юго-запада на северо-восток и имеет длину — 2,8 м, а ширину — 1,4 м. В заполнении ямы встречены ракушки моллюсков (иногда горелых), каменная щебёнка, 62 камня, 293 кости животных, из которых выделяются 9 костяных скобелей, 58 фрагментов лепной керамики катакомбного облика и 1 кремнёвый пластинчатый отщеп.

**Яма №** 5 располагалась в 5,7 м к западу от основания постройки № 3 и имела подовальную форму с несколько ломаными краями. Сориентирована по длинной оси с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Длина её — 0,8 м, ширина — 0,55 м. От уровня древней дневной поверхности яма углублена в материк на 0,18 м, постепенно углубляясь к центру. Всего в заполнении ямы обнаружен 1 камень, 42 кости животных (две кости с подработкой), 5 фрагментов стенок лепной керамики катакомбного облика.

В 3-х метрах к западу от каменного основания постройки № 3 обозначились границы хозяйственной **ямы № 6**, имеющей ломаную подовальную форму, вытянутую по длинной оси с юго-запада на северо-восток. Длина ямы — 2,2 м, ширина — 1,3 м. От уровня древней дневной поверхности яма углублена в материк на 0,35 м. В заполнении ямы обнаружен фрагмент каменной плиты для растираний (зернотёрка?) крупной зернистой структуры размером 20,9 х 17,6 х 11,2 см, небольшой известняковый камешек с подработкой размером 5 х 2,1 х 1,6 см, 6 камней, 56 костей животных, 8 невыразительных фрагментов стенок лепной керамики и один кремнёвый пластинчатый отщеп.

Яма № 7 находилась в 0.6 м к юго-юго-западу от ямы № 6. Яма имела подовальные очертания, по длинной оси сориентирована с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Длина ямы — 0.8 м, ширина — 0.55 м. Глубина ямы от уровня древней дневной поверхности равнялась 0.2 м. В заполнении ямы не оказалось ничего, кроме трёх камней и трёх неопределяемых костей животных.

## каменные и кремнёвые орудия труда

Среди артефактов, происходящих из памятников археологии, значительное внимание уделяется орудиям труда. Как правило, орудия изготовлялись из подручных и широко распространённых материалов и лишь в отдельных случаях, при соблюдении определённых технологий, изготавливались из металла.

В результате раскопок поселения Матвеевка I была собрана и обработана значительная коллекция инструментария этого времени [35]<sup>1</sup>.

Материал, из которого изготовлены орудия, разделяется на:

- кремень и кварцит;
- камень твёрдых и мягких пород (гранит розовый и серый, песчаник, сланец, гнейс, диорит, порфирит, мрамор, известняк и др.);
  - кость и рог;
  - глина и керамика;
  - раковины.

Изучение и реконструкция функций этих орудий проводилась методом экспериментально-трассологического исследования, разработанного С.А. Семёновым и Г.Ф. Коробковой [36] и на основе этнографических параллелей и наблюдений за современными технологическими приёмами отдельных производств.

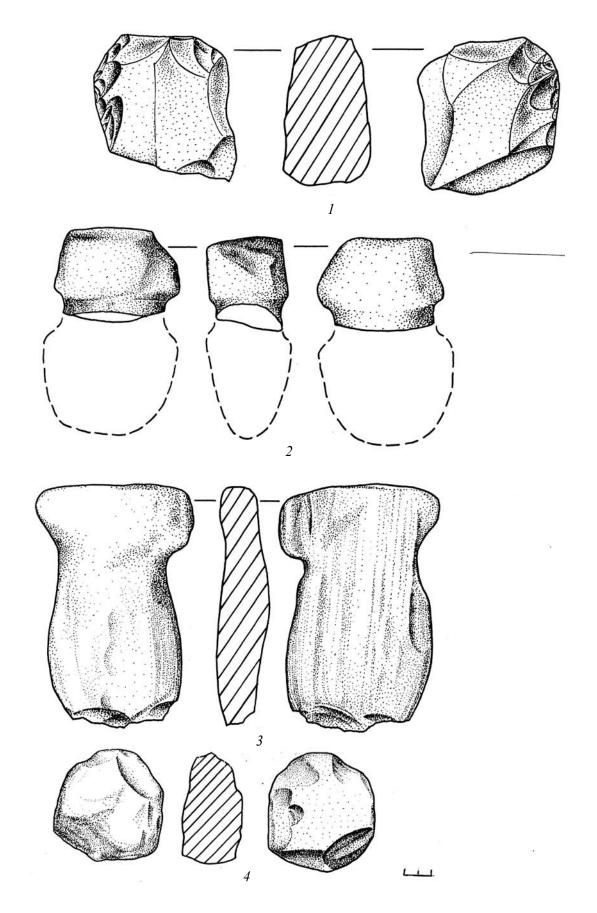
Что же касается типологического метода, то он не даёт возможности правильно определять функции каждого орудия, ограничивает характеристики его свойств, отчего снижается общий уровень исследования как отдельного предмета материальной культуры, так и комплексного изучения памятника в целом. Метод же экспериментально-трассологического анализа заставляет уточнять результаты работ, по-новому интерпретировать проблемы хозяйственной деятельности и ведёт, в конечном счёте, к пересмотру устоявшихся критериев в науке.

Исследование орудий, происходящих из поселения Матвеевка I, позволило выделить следующие применяющиеся в хозяйстве группы: для горных разработок, для дробления и обогащения горных пород и минералов, металлообработки, деревообработки, для изготовления керамики, для строительных нужд, для деталей станочной техники, для обработки шкур и кож животных и др.

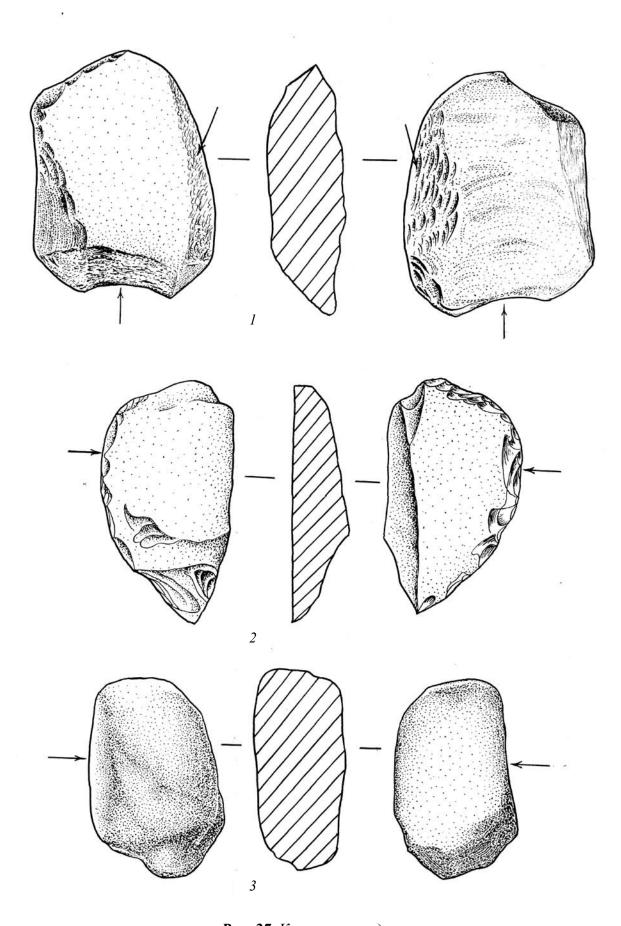
Прежде всего, рассмотрим орудия из камня, как наиболее многочисленные среди артефактов, происходящих из поселения.

К орудиям, изготовленным из твёрдых и мягких пород камня, относится группа горнодобывающих и обогатительных орудий. К их числу относятся ручные и привязные молоты и молотки, кирки-молоты (рис. 26) для добычи и дробления пород камня, а также обогатительные плиты (рис. 28, 1-2). Ручные и привязные молоты и молотки (41 экз.), как правило, изготовлены из мягких пород камня (известняки разной плотности) и имеют шаровидную или близкую к шаровидной форму

 $<sup>^{1}</sup>$  Изучение и анализ орудий Матвеевского поселения методом трассологии было осуществлено сотрудником Ингульской экспедиции ИА НАН Украины  $\boxed{\text{A. M. Балушкиным}}$ .



**Рис. 26.** Каменные изделия: 1- ручная кирка-молот для дробления минералов; 2- кирка-молот для добычи горнорудных пород; 3- молот для дробления разных пород камня; 4- молоток-кирочка для дробления минералов



**Рис. 27.** Каменные орудия: 1 — ручная кирка-молот; 2 — привязная кирка-молот; 3 — ручной молот для дробления твёрдых пород камня и подставка-наковаленка (стрелками обозначены рабочие края орудий)

(из поселения происходят также и фрагменты таких орудий) с диаметром от 4,3 до 12 см. Среди них встречаются и такие орудия, которые имеют цилиндрическую или близкую к ней форму размерами от 4,2 до 10,5 см (рис. 29). В ряде случаев в поселении обнаружены эти орудия, лежащие попарно (рис. 30). До последнего времени их назначение толковалось неопределённо и в литературе они бытовали под общим названием «боласы», хотя не исключены и такие их функции. Но как свидетельствуют трассологические исследования, эти молоты и молотки тяжёлых, средних и лёгких действий имели одну или несколько уплощённых и уплотнённых рабочих ударных площадок как результат нанесения ударов при дроблении и разминании мягких пород (известняк, глина, каолин, охра и др.) и некоторых иных материалов (кость, керамика). И если молоты тяжёлого действия выполняли предварительную грубую, общую работу, то молотки среднего действия выполняли уже определённую, конкретную работу, а уточняющего характера, мелкие работы, очевиднее всего, выполнялись молоточками лёгкого действия<sup>2</sup>.

Примерами молотков тяжёлого действия могут служить два молота для дробления мягких пород и некоторых материалов. Первый молот размером 11 х 9,5 х 7,5 см имел два уплощения или ударные площадки диаметром 7 и 7,8 см. Второй молот размером 11 х 10 х 8,8 см имел две ударные площадки диаметром 8 и 8,9 см, боковые грани которых округлые со следами забитости. Часть орудия повреждена массивным сколом вследствие употребления в работе. На одной из площадок имеется слабая вогнутость в результате использования его как ударного орудия (рис. 37, *I*).

На две группы делятся кирки-молоты и молотки-кирки.

К первой группе можно отнести привязные кирки-молоты и молотки-кирки, напоминающие мотыги несколько удлинённой формы с поперечным пазом-перехватом (рис. 26, 2-3).

Эта группа представлена как целыми, так и фрагментами орудий. Как правило, эти орудия предназначались для горных разработок и дробления твёрдых минералов и изготавливались из гранита, сланца, кварцита. Их форма и размеры варьировались. Например, одно из таких орудий длиной 15,7 см, шириной в верхней части (обушка) — 10,3 см, шириной лезвия 6,8 см и толщиной 3,2 см изготовлено из сланца и представляло собой привязную топоровидную с поперечным перехватом кирку для горных разработок (рис. 26, 3). Обычно лезвийные рабочие края таких орудий заострены грубыми сколами или же притуплены вследствие длительных работ.

Вторая группа молотков-кирок и кирок-молотов представлена ручными и привязными орудиями. Форма этих орудий неоднородна и в качестве примера приведём ручную молот-кирку размером  $6.7 \times 6.3 \times 3.5 \text{ см}$ , для дробления минералов изготовленную из сланца (рис. 29, 1). Рабочий край её заострён с обеих сторон грубыми сколами.

Фрагмент верхней обушковой части с поперечным перехватом привязного молота-кирки служила для добычи горнорудных пород (рис. 26, 2). Для дробления минералов была приспособлена молоток-кирочка ручная дисковидной уплощённой формы размером  $5 \times 4.8 \times 2.8$  см (рис. 26, 4). Рабочим является приострённый край, сформированный грубыми сколами.

Среди орудий, используемых для дробления и обогащения горных пород и минералов, следует отметить всего лишь две плиты размерами  $12,7 \times 10 \times 3$  см и  $12,5 \times 7,6 \times 4$  см, у которых поверхность со следами растирания в виде микроскопических насечек и тщательно прошлифована (рис. 28, 1-2).

<sup>&</sup>lt;sup>2</sup> Функции таких орудий и их классификация определены [А.М. Балушкиным].

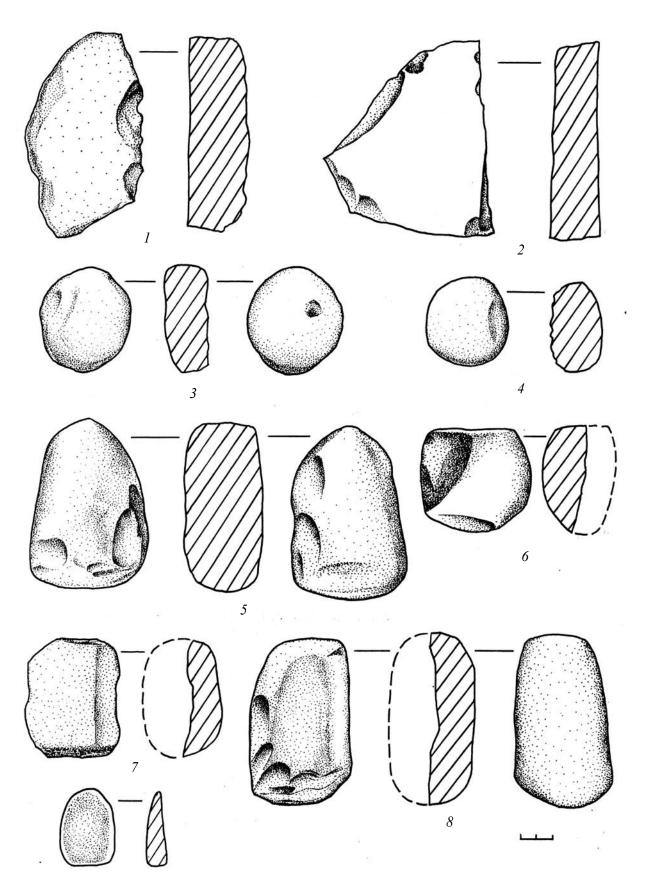


Рис. 28. Каменные изделия:

1, 2 — обогатительная плита и плитка для растирания красок, минералов и др. (2); 3, 4 — растиральники; 5 — ручной молот для ковки и разгонки металла; 6 — подставка для ковки металла; 7 — подставка-наковаленка для ковки металла; 8 — ручной молот для ковки металла; 9 — лекало-правило при изготовлении керамики

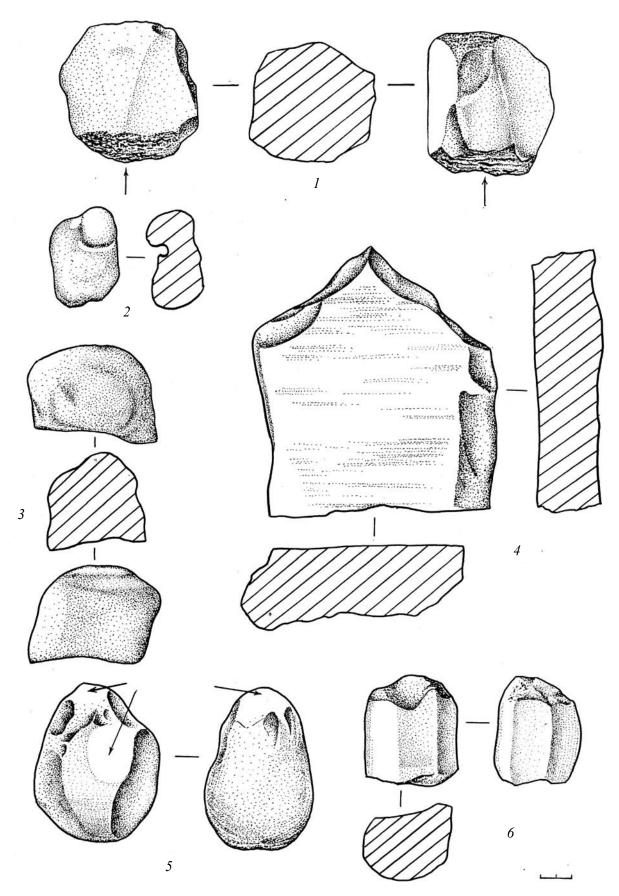


Рис. 29. Каменные изделия:

1 — ручной молот для дробления минералов; 2 — абразив для заточки стержней и правки ножей-кинжалов; 3 — универсальное орудие: подставка-наковаленка для горячей ковки металла; 4 — зернотёрка и подставка-наковаленка; 5 — молоток тяжёлого действия и подставка-наковаленка; 6 — подставка-наковаленка для горячей разгонки и ковки металла, ручной молоток

Для растирания минералов служили и песты-растиральники подокруглых очертаний или же по форме близкой к цилиндрической. Правда, растиральник размером 6,7 х 6,0 х 2,8 см имел дисковидную форму (рис. 28, 3) и рабочими краями у него служили боковая поверхность и торцевые стороны. Изготовлен он из гальки полевого шпата. Среди шести пестов-растиральников обратил на себя внимание один из них, на рабочей поверхности которого прослежены следы медистых окислов, что может свидетельствовать о дроблении медной руды.

На рабочих поверхностях некоторых пестов-растиральников отмечены следы красной охры, чёрной краски и редкие следы медистых окислов (рис. 28, *3-4*).

Находимые на поселении шаровидные изделия изготавливались с помощью ступок-подставок чашевидной формы (рис. 31, I), грубо обработанных. Из поселения известен только один экземпляр размером  $10.8 \times 10 \times 6.5$  см, выполненный из ноздреватого средней плотности камня-известняка. Тыльная сторона орудия слегка подработана пикетажной техникой.

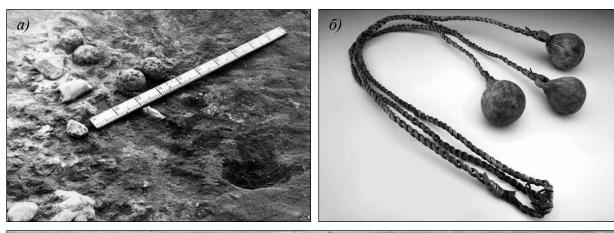




Рис. 30. Боласы и их применение:

а) — каменные шары-боласы, обнаруженные возле постройки № 1; б) — реконструкция метательных боласов; в) — применение боласов при охоте и стреноживании животных

Для оббивки кристаллических пород и грубой пикетажной обработки орудий служили отбойники, изготовленные как из кремнёвых ядрищ, так и из известняка (рис. 31, 2). На последнем, размером 8,6 х 6,9 см, на поверхности прослеживаются следы мелких сколов.

Среди орудий, используемых как ударные инструменты для пикетажных обработок, служили молотки-киянки шаровидной или подконусовидной формы со слегка уплощёнными ударными площадками (рис. 31, *3-6*), на которых сохранялись следы глубоких выбоин.

Как показывают трассологические исследования, при изготовлении ряда орудий или украшений широко применялся такой приём как сверление, о чём свидетельствуют находки сверлёных каменных топоров, а также высверлин из них (рис. 32, 10-12), грузил, подвесок, подшипников для ручной дрели и балласт для сверлильного станка.

Сверлёные каменные топоры чаще всего обнаружены во фрагментах (рис. 33, 1) и помимо своих общеизвестных функций имели и вторичное использование, как например, обломок сверлёного топора с односторонним сверлением размером 10,2 х 4,3 х 33 см (фрагмент), изготовленный из сланца (рис. 33, 4). Вторично он служил как ручной молоток среднего действия для пикетажных работ и обработки поверхностей каменных орудий. Обломок сверлёного топора из породы порфиритов размером (фрагмента) 4,5 х 4 х 2,6 см (рис. 32, 10) вторично использовался как молоточек лёгкого действия при изготовлении ювелирных изделий.

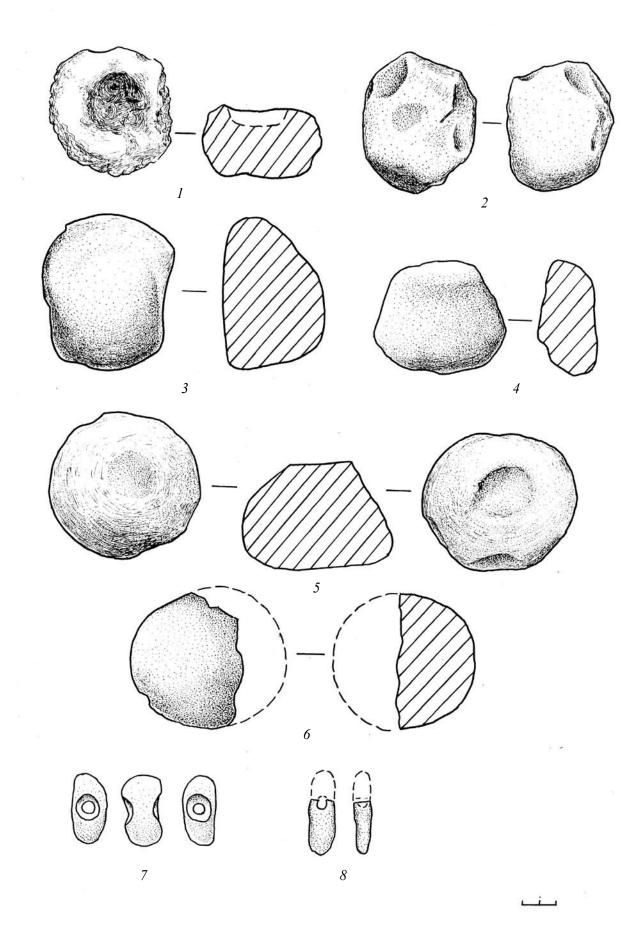
Грузила представляют собой куски камня-известняка, окатанного водами реки. Отверстия в грузилах выполнены станковым встречным сверлением. Одно из грузил неправильной подовальной формы размером  $10.3 \times 8.9 \times 3.5$  см служило, видимо, для рыболовных сетей (рис. 32, 4). Диаметр отверстия — 0.9 см.

Обнаруженные на поселении две подвески (одна — фрагмент) выполнены из окатанной гальки мелового известняка (рис. 31, 7-8). Одна подвеска, размером 4,2 x 2,4 x 2 см, имела диаметр отверстия от 1,6 до 0,7 см, другая, с размером фрагмента 3,5 x 1,6 x 1 см, имела диаметр отверстия 0,7 см. Отверстия в подвесках выполнены в верхней части встречным и односторонним сверлением с помощью перового сверла.

Немаловажную роль при сверлении играли такие приспособления как подшипники для ручной дрели. Обычно они изготовлены из камня-известняка. Форма таких подшипников, как правило, подокруглая и уплощённая (рис. 33, 2). Например, подшипник диаметром 10,3 см при высоте 3,1 см (рис. 32, 2) имел верхнюю опорную рабочую часть с диаметром 3,5 см с вогнутостью на 0,6 мм.

Среди приспособлений при сверлильных работах обращает на себя внимание находка балласта или утяжелителя для сверлильного станка (рис. 33, 3) размером 24 х 13,5 х 6,4 см. Изготовлен из плотного мелкоструктурного известняка. Форма балласта подпрямоугольная с закруглёнными углами. На внешней поверхности на расстоянии 0,5 см друг от друга имеются два поперечных боковых желобчатых паза шириной 2 см для крепления к рычагу или ко второй половине такого же балласта. Внутренняя поверхность плоская; вдоль неё пробит аналогичный желобчатый паз. На плоскости имеются следы крупнозернистого абразивного воздействия (гранитной плите?). Применялся балласт в качестве весового давления при помощи рычага на шпиндель сверлильного станка, а также как двусложный маховик для того же станка.

В литературе такие балласты названы утяжелителями и известны ещё в ямной культуре. Так, при раскопках курганов у с. Червоный Яр Одесской области (раскопки И.Л. Алексеевой) два подобных балласта обнаружены в погребении № 6 кургана № 1 первого курганного могильника [37]. Эти балласты выполнены также из камня-



**Рис. 31.** Каменные изделия: 1- ступка-подставка для изготовления шаровидных орудий; 2- отбойник (известняк); 3, 4- молоток-киянка; 5- молоток среднего действия — киянка; 6- фрагмент молотка-киянки; 7подвеска из известняковой гальки; 8 — подвеска из меловой гальки

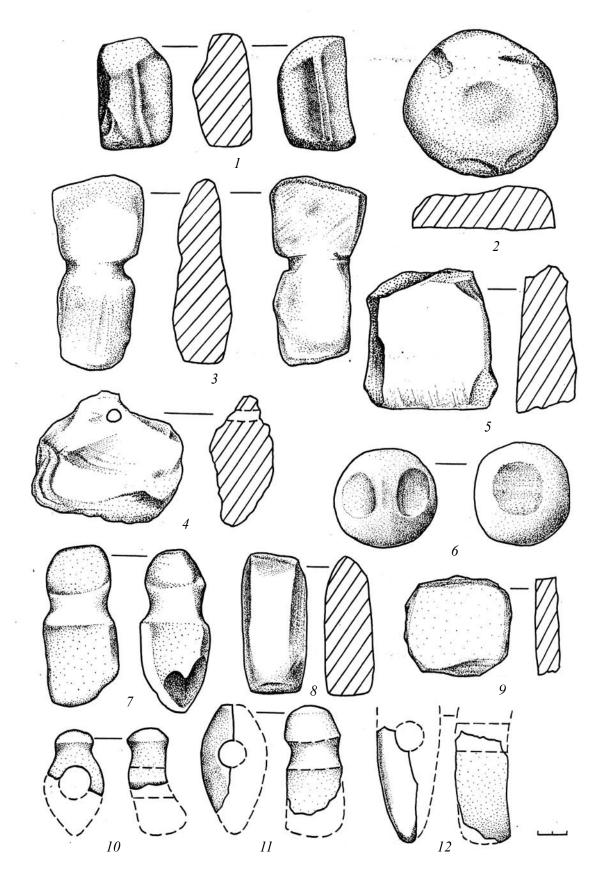


Рис. 32. Каменные изделия:

1 — пассивный абразив; 2 — подшипник для ручной дрели; 3, 4 — грузила для рыболовных сетей; 5 — фрагмент зернотёрки; 6 — курант для растираний; 7 — привязной молоток, применяемый при горячей разгонке и ковке металла; 8 — ручной молоток для растирания красок и холодной ковки металла; 9 — мастерок для штукатурных работ; 10 — молоток для изготовления ювелирных изделий; 11, 12 — каменные топоры

известняка. А вот другой балласт подобного типа, изготовленный из твёрдой породы камня (сланец?), был случайно найден на месте стойбища-летовки Константинов-ка II на левом берегу реки Ю. Буг [38].

При отделке стен построек на поселении применялись мастерки для штукатурных работ. Все они изготовлены из плоских подокруглых известняковых плиточных камней диаметром от 7 до 11 см и толщиной, в среднем, от 1,7 до 3,5 см, которыми затирали стены. Рабочие поверхности мастерков пришлифованы, относительно плоские, со следами затираний (рис. 32, 9).

В коллекции каменных орудий имеются отдельные экземпляры, свидетельствующие о многообразии их функций.

Вот некоторые из таких образцов:

Для изготовления керамики предназначалось лекало-правилка, выполненная из гальки камня-известняка подовальной формы размером 3,5 x 2,6 x 1 см. Её плоские поверхности пришлифованы (рис. 28, 9).

Следует отметить пест-растиральник для зерна шаровидной формы размером  $7 \times 6.5 \times 6.7$  см, изготовленный из сланца (рис. 32, 6).

К орудиям, служащим для растирания зерна, следует отнести и фрагменты зернотёрок, изготовленных из крупнозернистого гранита и слюдистого сланца, рабочие поверхности которых отшлифованы, и в ряде случаев — до блеска (рис. 32, 5; 34, 3; 35, 2).

Кроме рыболовных грузил со сверлёным отверстием, имеются грузила и с поперечным перехватом, также изготовленного из камня-известняка, несколько подработанного и окатанного водами реки. Одно из таких грузил вытянуто-подпрямоугольной формы имело размеры 13,2 х 6,3 х 41 см и поперечный желобчатый паз-перехват шириной 1 см (рис. 32, 3).

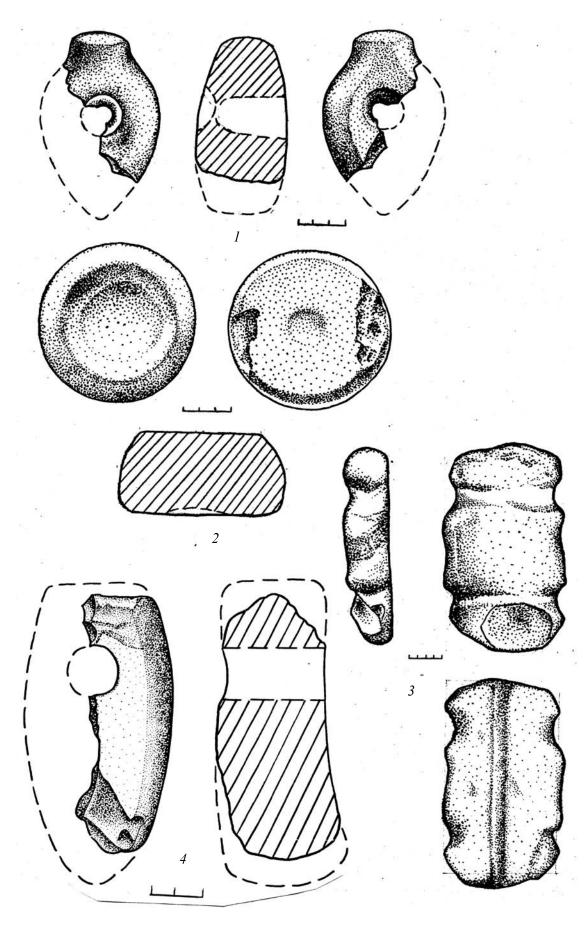
Значительно представлена серия абразивных инструментов, которые разделяются на станковые абразивы, активные и пассивные абразивы.

К станковым абразивам, найденным на поселении, можно отнести пока два экземпляра (один из них — фрагмент). Самый выразительный изготовлен из пористого известняка в виде усечённого конуса высотой 2,8 см (рис. 34, 1). Диаметр верхней рабочей площадки — 3,7 см, диаметр нижней — 5,3 см. Эти абразивы служили для обработки мягких материалов.

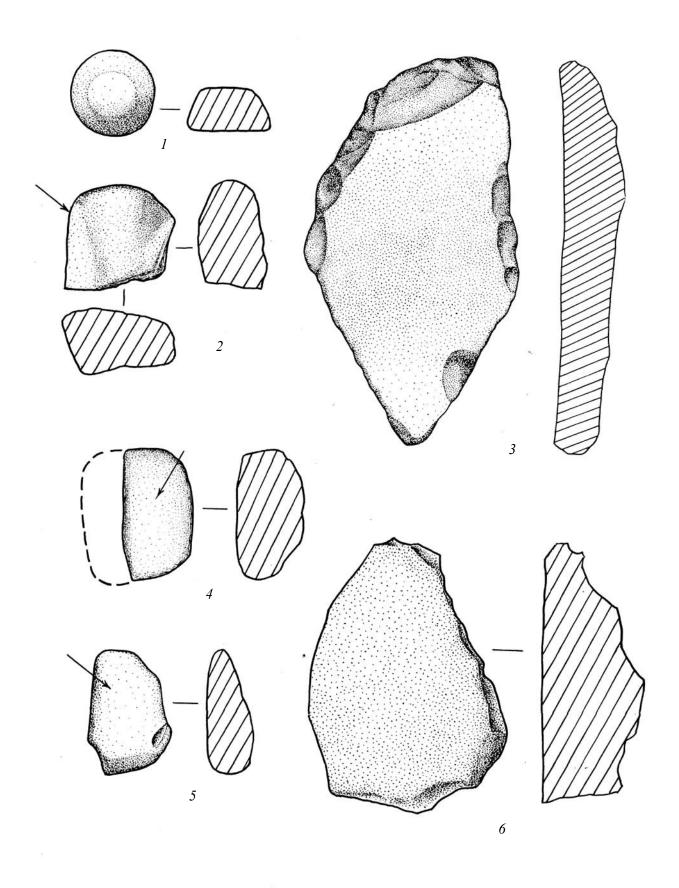
Абразивы, относящиеся к активным, не имеют определённую и устойчивую форму и размеры. Они изготовлены из разных пород камня, в основном, из обломков орудий иного назначения или из кусков каменного сырья. И функции их могут не совпадать. Вот, скажем, абразив, изготовленный из крупнозернистого песчаника подовальной формы размером  $7.6 \times 5 \times 2.9 \text{ см}$ , служил для обработки металлических поверхностей и шлифовки (рис. 34, 2, 4). А вот абразивом из крупнозернистого гранита, похожего на плиту размером  $15.8 \times 11.9 \times 6.2 \text{ см}$  с гладкой шлифованной рабочей поверхностью (рис. 34, 6), обрабатывали поверхности на каменных орудиях, делая их ровными.

Другие абразивы с аморфной формой, изготовленные из песчаника, имели все рабочие стороны — шлифованные. И служили, в основном, для первичной обработки металлических изделий после ковки и для заточки ножей, кинжалов (рис. 36, 1-2). На некоторых этих абразивах имеются следы окислов меди и серебра в виде мельчайших крапинок.

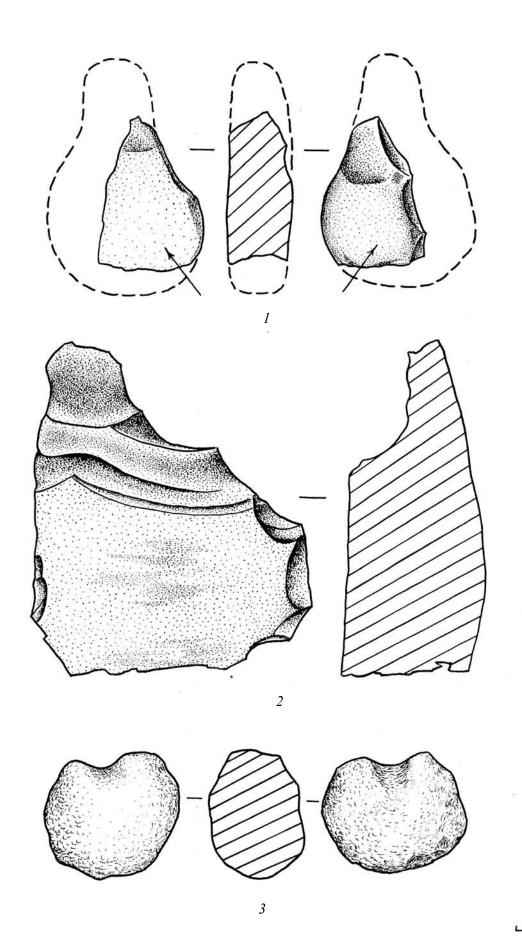
Функции пассивных абразивов также разной формы, размеров и разных пород камня (сланец, песчаник, гранит) сводились, в основном, к главной — правке и заточке ножей, кинжалов, тесел, топоров и мелких металлических предметов, как то: игл, шильев, свёрл, бритв и др. (рис. 32, 1; 29, 2).



**Рис. 33.** Каменные орудия: — обломок каменного топора со встречным сверлением; 2 — подшипник для ручной дрели; 3 — балласт (утяжелитель) для сверлильного станка; 4 — обломок каменного топора



**Рис. 34.** Каменные орудия: 1— станковый абразив; 2— активный абразив; 3— зернотёрка; 4, 5— активные абразивы; 6— крупнозернистый абразив (стрелками обозначены рабочие поверхности)



**Рис. 35.** Каменные изделия: — обломок куранта; 2 — обломок зернотёрки; 3 — грузило для подвязывания (стрелками обозначены рабочие поверхности)

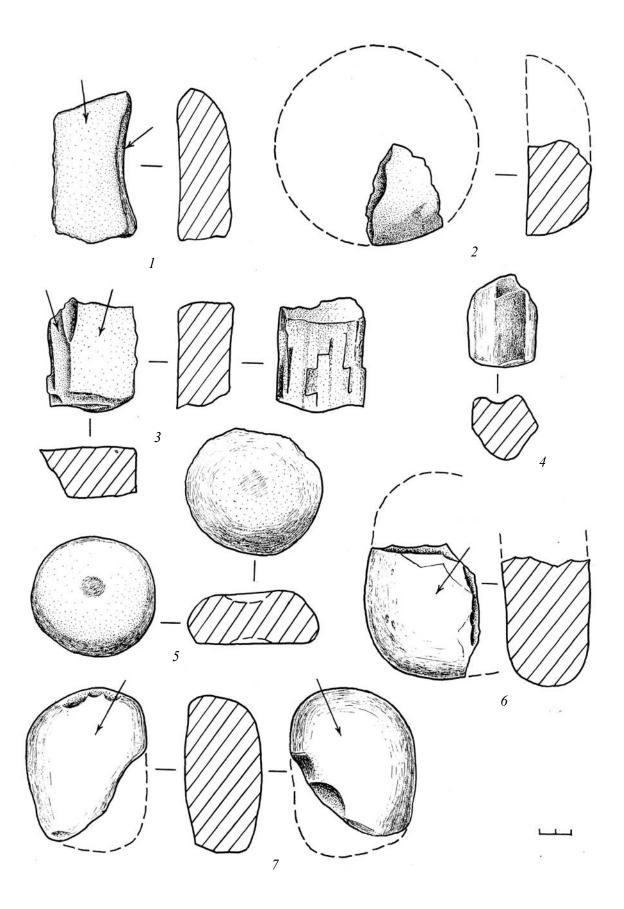


Рис. 36. Каменные изделия:

1 — обломок абразива для заточки ножей; 2 — дисковидный активный абразив; 3 — наковаленка; 4 — молоточек для холодной ковки металла; 5 — полифункциональное орудие: абразив, подшипник-подушка; 6, 7 — обломок подставки-наковаленки (стрелками обозначены рабочие поверхности)

Раскопками на поселении не найдено ни одного металлического изделия. Но это не значит, что ими не пользовались. Об этом свидетельствуют уже упомянутые орудия и те орудия, о которых речь пойдёт ниже.

Для холодной ковки металла предназначались подставки-наковаленки. Одна из них имела подпрямоугольную форму, изготовленную из полевого шпата, размером  $7.3 \times 5.5 \times 3.4$  см. Орудие служило для холодной ковки и гибки ювелирных изделий. Основные и боковые рабочие поверхности тщательно отшлифованы (рис. 29, 3). Другая подставка-наковаленка изготовлена также из полевого шпата размером  $5.8 \times 4.3 \times 4$  см цилиндрической формы (рис. 36, 4) и имела те же функции ковки.

Другие подставки-наковаленки использовались для горячей ковки металла. Они по форме и размерам также разнообразны, изготовлены из сланца, песчаника и песчаниковой гальки. Большинство из них представлено во фрагментах (рис. 29, 5, 6; 28, 6, 7).

В коллекции каменных орудий из поселения имеются и полифункциональные орудия, которые подразделяются на орудия для работ с камнем и орудия для работ с металлом.

Орудия для работ с различными породами камня представлены абразивом, кир-кой-молотом и киркой-мотыгой, ручными молотками и топором.

Абразив, изготовленный из пористого известняка, в виде усечённого конуса с диаметром нижней рабочей площадки 11,3 см и верхней — 8,2 см и высотой 5,4 см первично использовался как опорный подшипник-подушка, а затем, как абразив входил в станковый комплекс для обработки мягких материалов (рис. 36, 5). К орудиям для работ с камнем относится и ручная кирка-молот подовальных очертаний размером 14,3 х 11 х 4,3 см, изготовленная из сланцевой плитки. Два рабочих края её заострены естественным путём (рис. 27, I). Помимо основного назначения (для дробления минералов), орудие применялось также для пикетажных работ. Сохранился и обломок привязной кирки-мотыги размером 13,6 х 7,7 х 3,2 см с сегментовидным рабочим лезвием, заострённым с двух сторон крупными и мелкими фасетками (рис. 27, 2). Плоские стороны орудия прошлифованы и орудие могло использоваться для раскалывания дерева, а при вторичном использовании — это ручной молоток-кирка для обработки твёрдых минералов и пикетажных работ. Из гранита подовальной формы размером 11,6 х 7 х 5,3 см (рис. 28, 5) изготовлен ручной молот среднего действия, предназначался для дробления и обработки твёрдых пород камня и вторично — как подставка-наковаленка. Обломок сверлёного топора (рис. 33, 4) с односторонним сверлением (размеры фрагмента — 10,2 х 4,3 х 3,3 см), изготовленный из сланца, вторично использовался как ручной молоток среднего действия для пикетажных работ и обработки поверхностей каменных орудий.

О некоторых орудиях для работы с металлом уже было сказано выше, и они, выполняя двойную функцию, были представлены обломком зернотёрки (рис. 29, 4), активными абразивами (рис. 34), подставкой-наковаленкой для горячей ковки металла и как молотком тяжёлого действия для разгонки металла (рис. 28, 5), универсальным орудием для горячей ковки металла и как абразивом многопланово для обработки плоскостей округло-выпуклых деталей, и для заточки изделий типа топоров-тесел (рис. 27, 3), подставкой-наковаленкой для горячей разгонки и ковки металла (рис. 29, 6), обломком каменного топора для изготовления ювелирных изделий (рис. 32, 10).

Кроме этого, с поселения происходят находки сырья и бесформенные обломки твёрдых пород камня (кварцит, кварц, гнейс, песчаник, разновидности гранитных, вулканических пород и др.), железистые песчаниковые конкреции и куски железной руды, из которой, возможно, извлекали красящее вещество — магнетит, куски красной охры.

Коллекция кремнёвых и кварцитовых изделий за время раскопок поселения составила 615 экземпляров, среди которых имеются орудия труда, предметы вооружения и отходы производства<sup>3</sup>. Кремнёвый материал, в основном, белого цвета, за редким исключением — дымчатого и чёрного цветов.

Кремнёвые изделия распределяются по следующим типам: скребки, скобели (рис. 42), резцы, сверло или развёртка, отщепы с подретушированными сторонами, наконечник дротика, наконечник копья, отбойники, нуклевидное орудие, нуклеусы, отщепы и осколки.

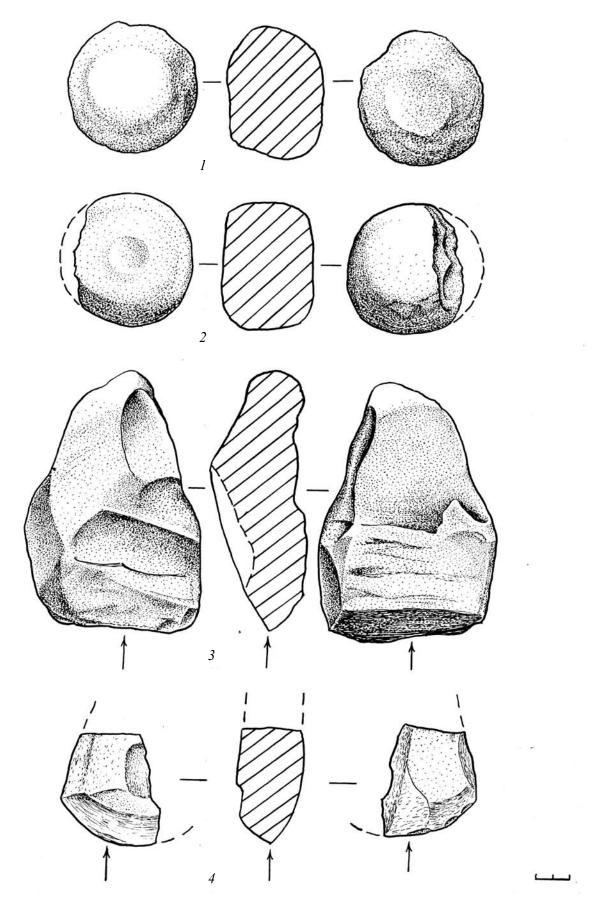
Наибольшую группу кремнёвых изделий составляют скребки, которые подразделяются на: 1) скребки на отщепах; 2) скребки округлые; 3) скребки подокруглые; 4) скребки концевого типа; 5) скребки на отщепах и осколках грубой формы; 6) двойные скребки на отщепах с противоположными лезвиями; 7) нуклеусы-скребки; 8) боковые скребки.

- 1. Скребки на отщепах и осколках разных форм диаметром от 6,2 до 2,8 см и толщиной от 2,4 до 0,6 см; ретушь у них крупная, крутая: крупная слегка отлогая, изредка ступенчатая, край в процессе работы выщербленный. Отщепы чаще всего пластинчатые, однако большая группа неправильной формы, грубые, без чётких геометрических форм (рис. 39, 1-8).
- 2. Скребки округлые: один изготовлен на пластинчатом отщепе с крутой ретушью диаметров 2,8 см и толщиной 1,3 см, а другой скребок высокой формы диаметром 4,6 см и толщиной 2,5 см (рис. 40, 1; 38, 1).
- 3. Скребки подокруглые и скребки на отщепах: не имеют чётких геометрических очертаний, у многих края обработаны крутой притупляющей ретушью по дуге, однако чаще всего ретушью оформлено менее 50% края, что не даёт возможности классифицировать их как подокруглые, и их следует отнести к группе скребков на отщепах (рис. 39, 13-14).

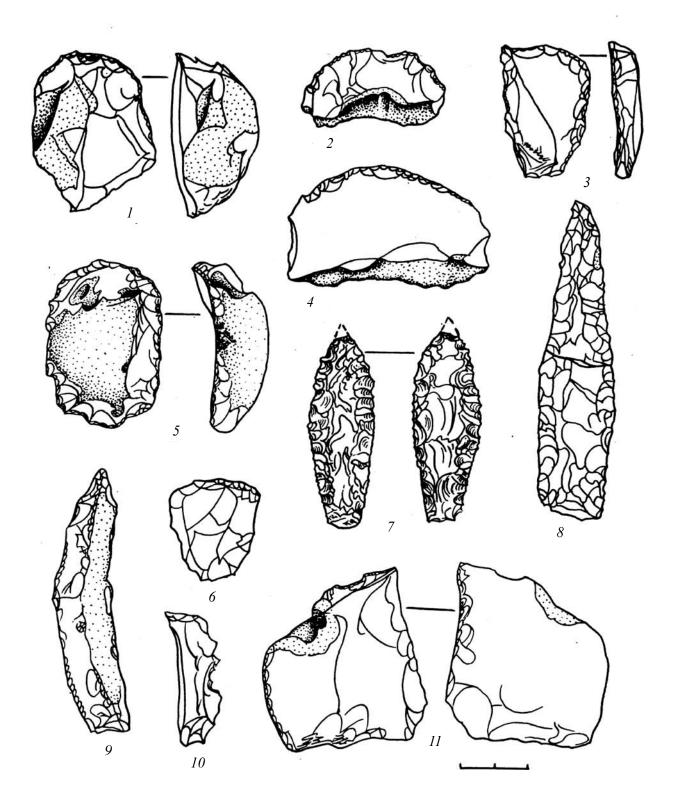
Скребки на отщепах и осколках грубой формы. Эти изделия, практически, представляют собой орудия без систематической вторичной обработки. Чаще всего мелкая ретушь оформляет только незначительную часть края. В некоторых случаях ретушь, вероятнее всего, является результатом процесса работы, когда неретушированным отщепом обрабатывался твёрдый материал, в результате чего выщерблины типа ретуши появились на концах этих изделий.

- 4. Скребки концевого типа изготовлены на массивных удлинённых отщепах, ретушью обработан один из концов отщепа нижний, ретушь крутая, рабочий край высокий. Один скребок оформлен высокой, но слегка отлогой ретушью по двум боковым краям, ретушь по одному краю имеет местами ступенчатый характер. Длина этого скребка 3,9 см, ширина 2,6 см, толщина 0,6 см (рис. 38, 3, 5-6).
- 5. Скребок двойной на отщепе с противоположными лезвиями, оформленными крутой ретушью (рис. 40, 4).
- 6. Нуклеусы-скребки: один одноплощадочный, призматический, односторонний нуклеус; по одному ребру имеет сработанность в виде ступенчатой ретуши. Второй скребок аморфный нуклеус, по ребру имеет ступенчатую ретушь (так же, как и первый) (рис. 39, 9-10).

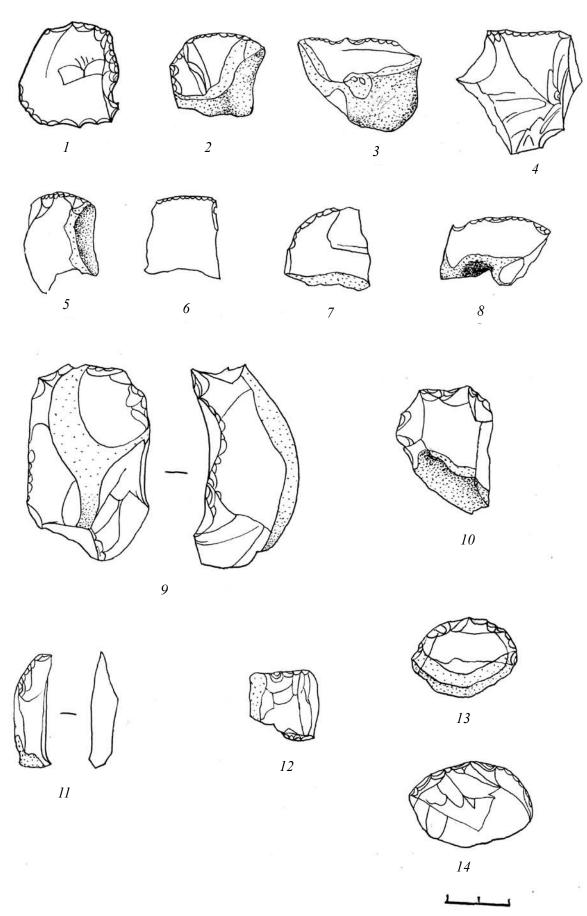
<sup>&</sup>lt;sup>3</sup> Функции некоторых орудий определены профессором В.Н. Станко.



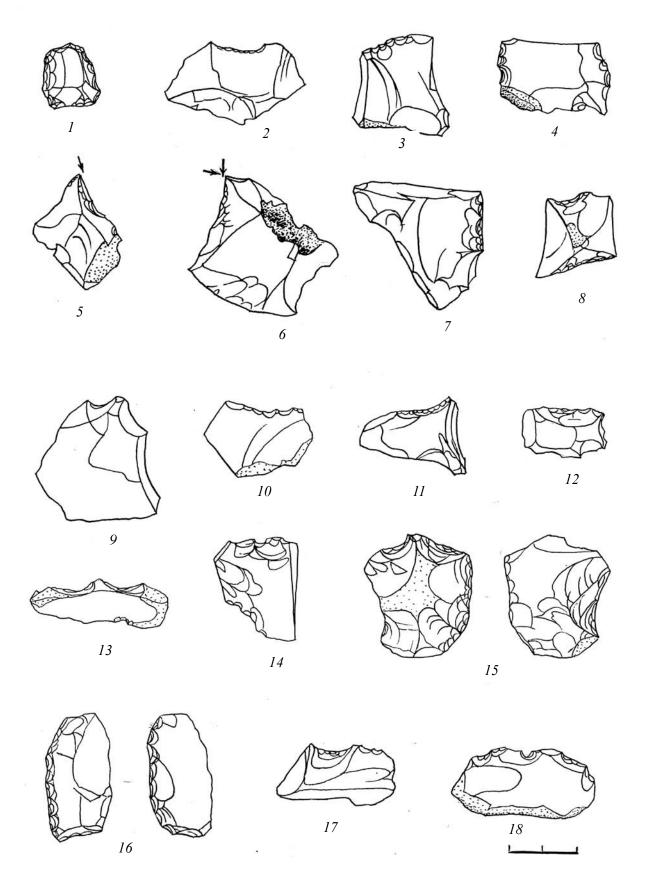
**Рис. 37.** Каменные изделия: 1, 2 — ручные молоты тяжёлого действия; 3 — привязной молот-кирка; 4 — обломок молота-кирки (стрелками обозначены рабочие края орудий)



**Рис. 38.** Кремнёвые орудия: 1— округлый скребок; 2— скребок на отщепе грубой формы; 3— концевой скребок; 4— подокруглый скребок; 5, 6— концевые скребки; 7— наконечник дротика; 8— наконечник копья; 9— развёртка на реберчатой пластинке; 10— скобель; 11— универсальное орудие с функциями бокового скребка, скобеля и резца



**Рис. 39.** Кремнёвые орудия: 1-8— скребки на осколках и отщепах грубой формы; 9, 10— нуклеусы-скребки; 11— краевой скол, подработанный под резчик; 12— отщеп с подтеской; 13, 14— подокруглые скребки



**Рис. 40.** Кремнёвые орудия: — округлый скребок; 2 — скобель; 3 — концевой скребок; 4 — скребок с двойным противоположным лезвием; 5 — резец; 6 — псевдорезец; 7, 8 — нуклеусы-скребки; 9-13 — скобели; 14-18 — скобели по твёрдому материалу

7. Боковой скребок на утолщённой пластинке. Слегка отлогой ретушью обработан один край. В процессе использования рабочее лезвие частично обломано. Эта пластинка является универсальным орудием с функциями бокового скребка, скобеля и резца (рис. 38, 11).

Следующую группу по функциональному назначению составляют скобели, для которых использовались отщепы и осколки разных форм. Эти орудия не имеют чётких очертаний, размеры их тоже варьируются по длине от 5 до 2,5 см. Бывают они на массивных и пластинчатых отщепах. Рабочие сработанные края не имеют стабильную форму, чаще всего это глубокая выемка, образованная в процессе обработки твёрдого материала. Некоторые из скобелей имеют зубчатый рабочий край. Скобели с равными и слегка выемчатыми рабочими лезвиями сильно сработаны, иногда имеют «подтёску» с брюшка — результат длительной работы по очень твёрдому материалу (рис. 41; 38, 11).

Резцы угловые изготовлены на плоских удлинённых отщепах. Один резец размером  $2.6 \times 1.5 \times 0.5$  см имел плоский резцовый скол по брюшку, у второго, размером  $3.3 \times 2.3 \times 0.8$  см, резцовый скол нанесён по грани, срезая оформленную перед этим скоблевидную выемку (рис. 40, 5).

Псевдорезец размером  $3.7 \times 3.4 \times 1.5$  см изготовлен на массивном отщепе. Значительная часть его краёв имеет следы сработанности скребка и скобеля (рис. 40, 6).

Сверло или развёртка на реберчатой пластине со следами использования в виде скобеля и скребкового орудия с ретушью по одному краю. А острый конец её имеет следы сработанности, характерный для развёртки (рис. 38, 9).

Определённый интерес представляет собой краевой скол (рис. 39, 11), подработанный сколом под резчик (?). Резчики могли служить для самых разнообразных целей как при работе по мягким материалам (шкура, кожа, кора и др.), так и по твёрдым (дерево, камень, кость и др.).

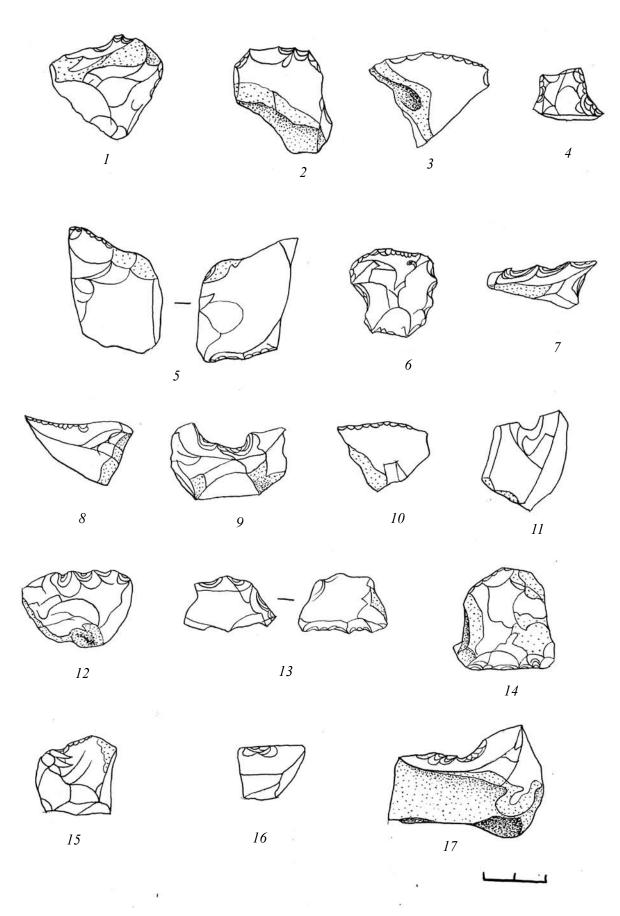
На отщепе с подтеской указанным способом создано долотовидное рабочее лезвие (рис. 39, *12*), очевидно, для узко специализированной (миниатюрной?) работы.

Наиболее многочисленными среди отходов производства являются отщепы. В их среде могут встречаться и орудия. Края многих из них выщерблены, что может свидетельствовать о возможности их использования в процессе работы без вторичной обработки.

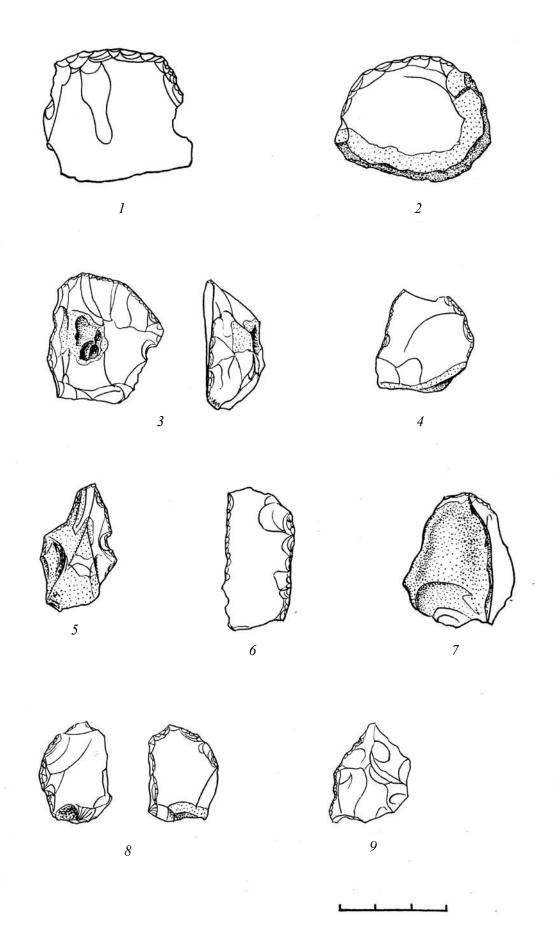
Из оружия, применяемого для охоты или для военных целей, обнаружены лишь отдельные экземпляры, что, на наш взгляд, может свидетельствовать об относительно мирном развитии взаимоотношений между отдельными группами катакомбных племён и их соседями.

Обнаружены пока только два таких изделия. Это наконечник копья и наконечник дротика. Первый имел размеры 9,2 х 2,3 х 1 см и обломанный черешок, был подромбовидной удлинённой формы, овальный в сечении, обработанный плоской, заходящей на спинку ретушью (рис. 38, 8); такой же ретушью обработаны обе плоскости. Состоит из двух частей. Наконечник дротика был по форме листовидный, обработан с двух сторон плоской струйчатой ретушью, а боковые стороны — нисходящей ретушью (рис. 38, 7). Размер наконечника 5,7 х 2 х 0,4 см. Кончик наконечника обломан.

В заключении необходимо констатировать следующее. Представленная исследованная часть коллекции Матвеевского поселения каменных и кремнёво-кварцитовых орудий технолого-трассологическим методом позволяет по-новому переосмыслить устоявшиеся стереотипы на некоторые орудия и по-новому рассматривать инструментарий непосредственно под углом вышеуказанного метода.



**Рис. 41.** Кремнёвые орудия: 1, 17— скобели на нуклевидном обломке; 2-16— скобели на осколках



**Рис. 42.** Кремнёвые орудия: -4 — скребки; 6 — пластинка с мелкой боковой ретушью; 7 — концевой скребок; 5, 8, 9 — скобели

## ОРУДИЯ ТРУДА ИЗ КОСТИ И ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ

Кроме многочисленных каменных и кремнёвых орудий, происходящих из поселения Матвеевка I, в работе рассматриваются орудия, изготовленные из легко доступного материала — кости, и других подручных материалов (раковины, керамика).

Если для изготовления каменных и кремнёвых орудий необходимо было знать местонахождения и выходы определённой породы камня или кремня и снабжать на это место экспедиции для его добычи или приобретать его путём обмена, то кость всегда находилась, что называется, под рукой, и это, естественно, облегчало задачу изготовления нужных орудий и поделок из кости. То же можно сказать и о других легко доступных материалах, о которых речь пойдёт после рассмотрения инструментария из кости.

При определении функций таких орудий также применялся экспериментальнотрассологический метод, что позволило выявить довольно широкий спектр применения костяного и из других материалов инструментария<sup>1</sup> [39].

Костяные орудия по своим функциональным особенностям, форме и размерам составляют определённые группы. В состав таких групп входят от одного до десятка и более экземпляров орудий, но у них либо различные функции, либо они полифункциональны.

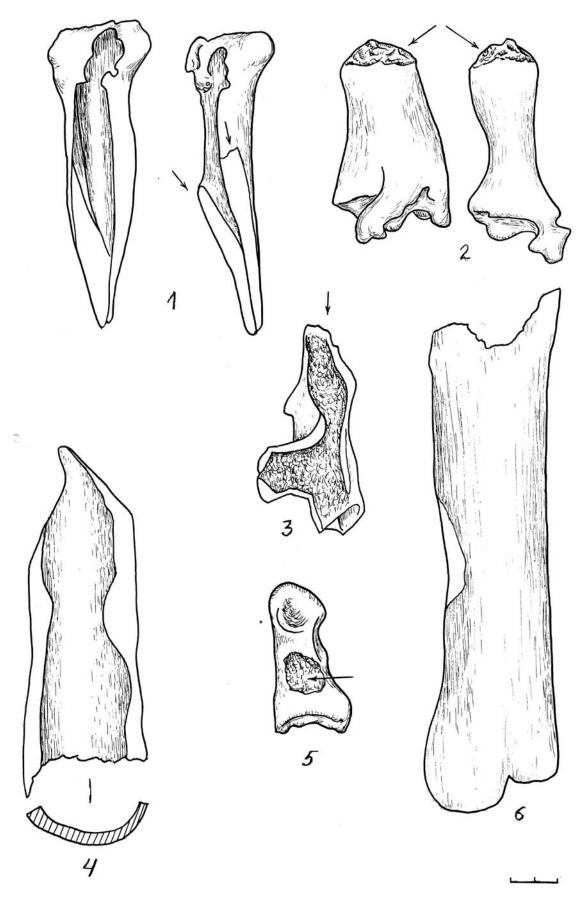
Если рассматривать костяные орудия в порядке их изготовления и применения, то прежде всего следует отметить рычаги для поперечного членения костей (4 экз.), которые, как правило, изготовлены из трубчатых костей крупных животных (рис. 43, 4, 6; 46, 2). Обычно у этих орудий внутренняя поверхность слегка заполирована и на ней прослежены механические повреждения в виде незначительных царапин и сколов. Внешняя поверхность орудий заполирована от взаимодействия с рукой.

При членении костей использовалась в качестве орудия подставка-амортизатор (4 экз.), чаще всего изготовленная из пяточной кости крупного рогатого скота (рис. 43, 2, 3). Одна из подставок служила для фиксации деревянных изделий при обработке (рис. 43, 5). Изготовлена из фаланги крупного животного.

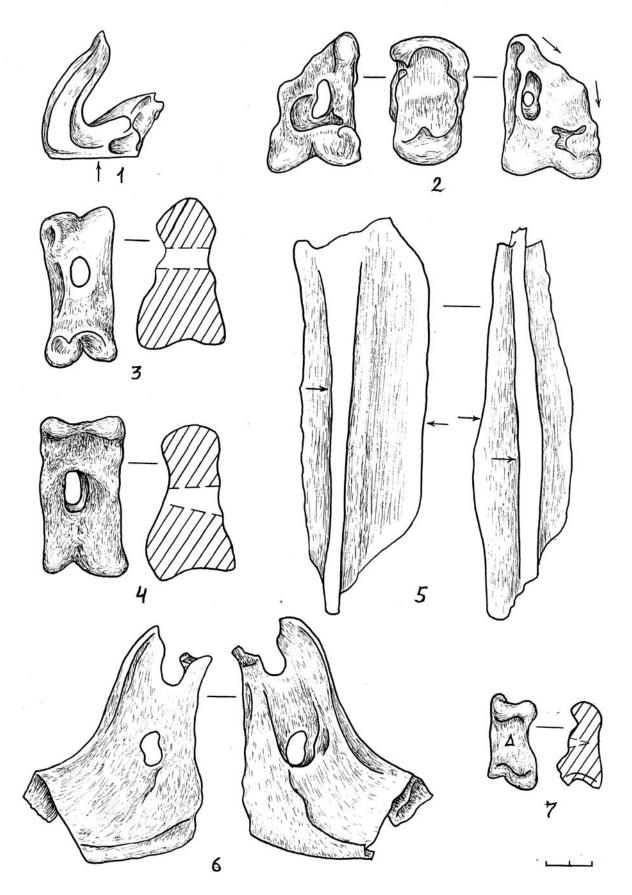
Для обработки дерева и его поверхностей использовались обломки костей, срезанных или сточенных до пористой костной ткани, заранее подготовленных и служащих активными абразивами (4 экз.) или рашпилем (рис. 44, *I*, *3*). Среди этих орудий выделяется абразив, изготовленный из фаланги крупного животного (рис. 46, *4*). Рабочей поверхностью орудия служила пористая костная ткань, сработанная с одной стороны. Отверстие в орудии пробито механическим путём и служило, вероятнее всего, для подвешивания. Абразив предназначался для продольной обработки деревянных изделий диаметром до 3-5 см.

Определённые группы костей подбирались также и для строительных работ.

<sup>&</sup>lt;sup>1</sup> Изучение и анализ орудий экспериментально-трассологическим методом был осуществлён научным сотрудником Ингульской экспедиции ИА НАНУ А. М. Балушкиным.



**Рис. 43.** Костяные орудия: 1— клин для расклинивания горных пород камня; 2, 3— подставки-амортизаторы; 4, 6— рычаги для поперечного членения костей; 5— подставка-фиксатор (стрелками обозначены рабочие края орудий)



**Рис. 44.** Костяные орудия: 1, 3— активные абразивы; 2, 5— приспособления для калибровки и разминания узких полос кожи; 4, 6— разминатели шкур, кож и ремней; 7— кость, используемая для извлечения костного мозга при пропитке керамики

Например, из трубчатых костей изготавливались клинья (3 экз.), которые служили для расклинки мягких пород камня (известняк), каолина или монолитов глины (рис. 45, 10). Одно из таких орудий служило не только для расклинивания горных пород средней и малой плотности (руд) (рис. 43, 1), но также и для размешивания и нанесения красок на поверхности керамических и кожаных изделий.

В трещинах и порах рабочей поверхности этого орудия прослежены вкрапления солей меди и следы чёрной и красной красок.

При сооружении стен построек из глины (глинобитных), земли, использовались лопатки крупных животных (быка, коровы) в качестве мастерков (6 экз.), которыми заглаживали стены (рис. 46, 6; 47, 1-3). При изготовлении мастерков, некоторые из них, очевидно, предварительно обрабатывали абразивом. Поверхность у них имеет матовый блеск, края заполированы в результате частого употребления. На кромке эпифиза лопатки животного, используемой в качестве мастерка, наблюдаются характерные следы забитости, образованные вследствие уплотнительных при сооружении стен работ.

Ряд орудий из кости служили при изготовлении керамики и при этом многие из них являлись полифункциональными.

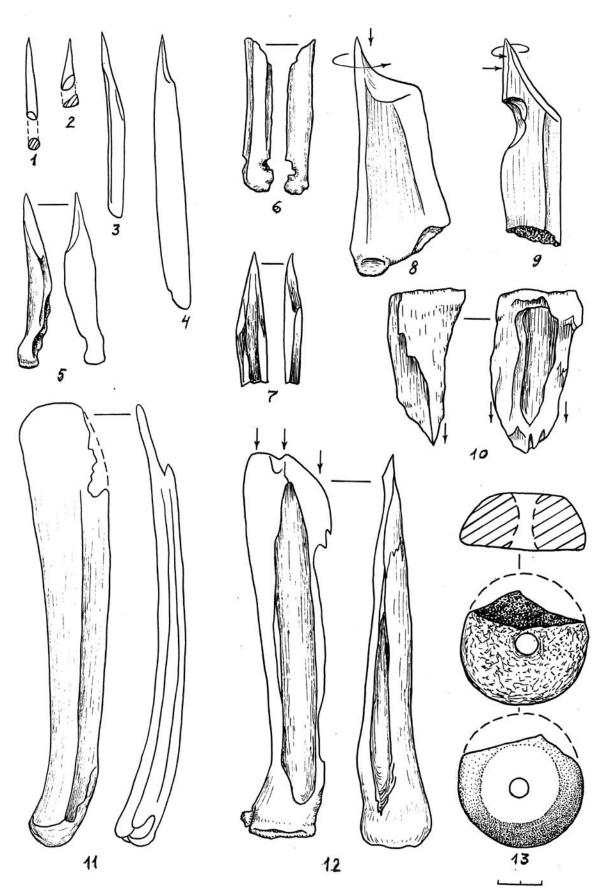
Костяные орудия для замешивания глиняного раствора, формовки керамических изделий, первичной обработки поверхности керамики (при грубых работах) и других функциях представляют шпатели (2 экз.), изготовленные из лопатки козы-овцы. Рабочие края этих орудий сглажены, залощены и имеют матовый блеск.

Три других шпателя, изготовленные из рёбер животных, имели иные функции и были полифункциональны. На поверхности одного из них обнаружены следы забитости чёрной и красной красками — свидетельство того, что орудие служило для нанесения красок на поверхности разных изделий. Два других шпателя также были полифункциональны. Один из них, изготовленный из расщепленного ребра (рис. 48, 6), помимо основной функции — для нанесения и втирания красок на поверхность различных изделий, выполняло также функции: а) ножа для раскроя керамического теста; б) правилки (лекала) для формовки и обработки глиняных изделий и в) штихеля для нанесения орнамента в виде врезных линий. Мог применяться как для работы с керамикой, так и для работы с кожаными изделиями.

Другой шпатель (рис. 45, 11), также изготовленный из ребра животного, имел рабочий край, обработанный абразивом, и поверхность, заполированную до зеркального блеска. Служил для изготовления и нанесения красок на поверхности изделий (дерево, керамика, кожа и др.). Противоположный край орудия служил при работе с кожей и мог выступать в качестве концевого тупика для формовки изделий из кожи и при скорняжных работах на болванке или по лекалу. Мог также служить и как тупик-теснитель для кожаных изделий.

При работе с керамическим тестом использовались ножи (4 экз.), обычно изготовленные из продольно срезанных трубчатых костей животных (рис. 46, 7). Острая кромка рабочего края орудия залощена и при микрообследовании поверхность её имела микроштрихи продольных направлений вследствие взаимодействий с керамическим тестом.

Некоторые орудия с функцией ножа имели ещё дополнительные функции (3 экз.). Так, помимо функции ножа, два орудия (рис. 47, 7-8) служили также и двусторонним штихелем для нанесения орнамента на поверхность керамики, а третье орудие, кроме уже известных функций ножа и штихеля, обладал ещё и функцией шпателя для красок, о чём свидетельствуют обнаруженные на поверхности орудия вкрапления солей меди, а также следы чёрной и красной красок.



**Рис. 45.** Костяные орудия: 1-4— проколки; 5-7— качедыки; 8, 9— развёртки; 10— клин для раскалывания мягких пород камня; 11— полифункциональное орудие; 12— тупик для сгонки жира; 13— опорный подшипник для малой ручной дрели

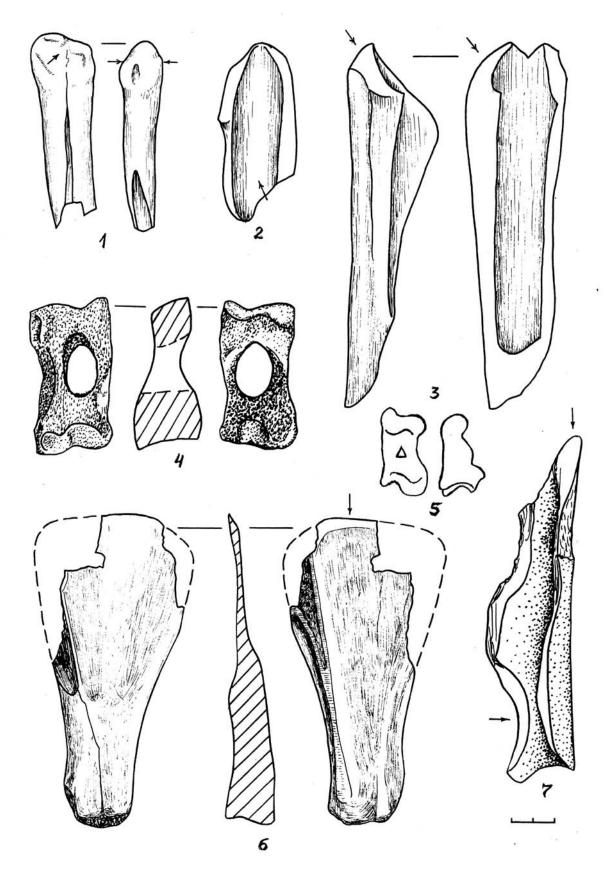


Рис. 46. Костяные орудия:

1 — правило-лекало для формовки керамики; 2 — обломок рычажной ручки; 3 — гладилка для разглаживания швов кожаных изделий; 4 — абразив-рашпиль для обработки деревянных изделий;
 5 — кость, используемая для извлечения костного жира при пропитке керамики; 6 — мастерок для заглаживания поверхностей стен; 7 — нож для раскроя керамического теста.

Отдельную группу орудий при обработке керамики составляют штихели для нанесения врезного или углублённого орнамента на поверхность лепных сосудов (5 экз.), изготовленных из трубчатых костей или их обломков (рис. 48, 6-9). Одно из таких орудий имело двустороннюю рабочую поверхность (рис. 48, 9). Рабочий край другого штихеля (рис. 48, 7) имел матовый блеск и при микроисследовании обнаружил следы от микроабразивов (в качестве такового могла выступать глина). Третий штихель служил также и для обработки поверхности керамики (гребенчатое сглаживание до обжига) и мог выступать в качестве зубчатого шпателя (рис. 48, 8).

К работе с керамикой относятся и такие костяные орудия как правилки (лекала) для формовки и обработки поверхности керамики (4 экз.).

Эти орудия изготавливались из рёбер и лопаток животных или же из трубчатой кости со срезанным и обработанным в процессе работ эпифизом (рис. 46, I). У одного из орудий, изготовленного из лопатки животного, поверхность и рабочие края имеют матовый блеск и микроштрихи от соприкосновения с абразивной поверхностью. Служило для формовки, обработки и нанесения орнамента на глиняные изделия.

При работе с керамическим тестом и изделиями из глины пользовались также костным мозгом для пропитки керамики. Среди коллекции костяных изделий обнаружена фаланга животного с пробитым отверстием (рис. 44, 7) для извлечения костного мозга.

Отдельно следует упомянуть одну из составных частей орудия с широким диапазоном применения. Это изготовленный из эпифиза бедренной кости опорный подшипник для малой ручной дрели (рис. 45, 13) усечёно-конусовидной формы. Нижний диаметр его — 5,4 см, верхний — 3,7 см, высота — 2,5 см, диаметр отверстия — 0,8 см. В ряде мест орудие повреждено. Верх подшипника заполирован.

Остальная серия орудий служила для обработки шкур и кож разных животных. Наиболее многочисленную группу орудий составляют тупики (14 экз.), различные по своим функциональным особенностям.

Среди них — тупики для сгонки жира при скорняжных работах (4 экз.). Изготовлены из продольно расчленённых трубчатых костей. Рабочими краями служили острые боковые кромки. Одно из таких орудий изготовлено из продольно расчленённой кости, края которой оформлены острыми рабочими сколами. Внутренняя костная ткань у орудия выбрана. Рабочие края, как и вся поверхность орудия, вследствие работы залощены. Имеется также один экземпляр тупика для сгонки жира и тиснений (рис. 47, 4). Подобный тупик-теснитель для формовки изделий из кожи имел залощённые рабочий край и поверхность.

При скорняжных работах использовали и миниатюрный тупик для сгонки мездры (рис. 47, 6), а изготовленный из лопатки крупного животного тупик предназначался для сгонки жира и для формирования швов на шкурах и кожах животных (рис. 44, 5). Из фрагмента тазовой кости изготовленный тупик служил частично для сгонки жира и мездры при обработке шкур на колодке. Вследствие использования рабочие края стали острыми, и большая часть орудия залощена. В коллекции находится и тупик, изготовленный из основания челюсти крупного животного (корова-бык), который служил также для сгонки жира и разминания на колоде (рис. 47, 5).

Для деталировки швов на кожаных изделиях использовался тупик при скорняжных работах, изготовленный из продольно срезанной трубчатой кости. Двойную функцию имел тупик для мездрения на колоде при скорняжных работах (рис. 45, 9). Рабочим краем орудия служила боковая поверхность кости с острой кромкой и с характерной залощённостью поверхности. Орудие также служило и в качестве развёртки для расширения отверстий.

Из костяных орудий при работах со шкурами и кожей животных служил также и нож для раскроя тонких шкур (рис. 48, 10). Орудие изготовлено из обломка кости. Рабочими являются острая и пильчатая кромки кости. Рабочая кромка имеет характерную залощённость при работе со шкурами.

Среди орудий следует также отметить два пассивных разминателя для вычинки шкур и разминания узких кожаных полос (ремней?). Одно орудие (рис. 44, 5) изготовлено из обломка лопатки крупного животного (коровы-быка). Острые рабочие кромки инструмента залощены. Другое орудие, изготовленное из фрагмента челюсти козы-овцы, служило для разминания узких полос шкур и кожаных ремней (рис. 44, 6). Инструмент имел также функцию лощила. В его теле пробито отверстие для фиксации. Рабочие поверхности орудия заполированы.

Для калибровки и разминания дратвы и сыромятной кожи использовались приспособления, выполненные из таранной кости с двойным боковым срезом (рис. 44, 2). В процессе работ поверхность орудия стала залощённой. Для указанных целей использовались и фаланги крупных животных, в которые посередине пробивались или просверливались сквозные отверстия (рис. 44, 3-4). Кромки отверстий заглажены до блеска, а поверхности орудий залощены.

При работах с кожаными изделиями употреблялась гладилка для разглаживания швов (рис. 46, 3). Орудие изготовлено из трубчатой кости крупного животного. Рабочий край оформлен с помощью абразива и залощён. В процессе работ остались следы полировки на внешней поверхности орудия.

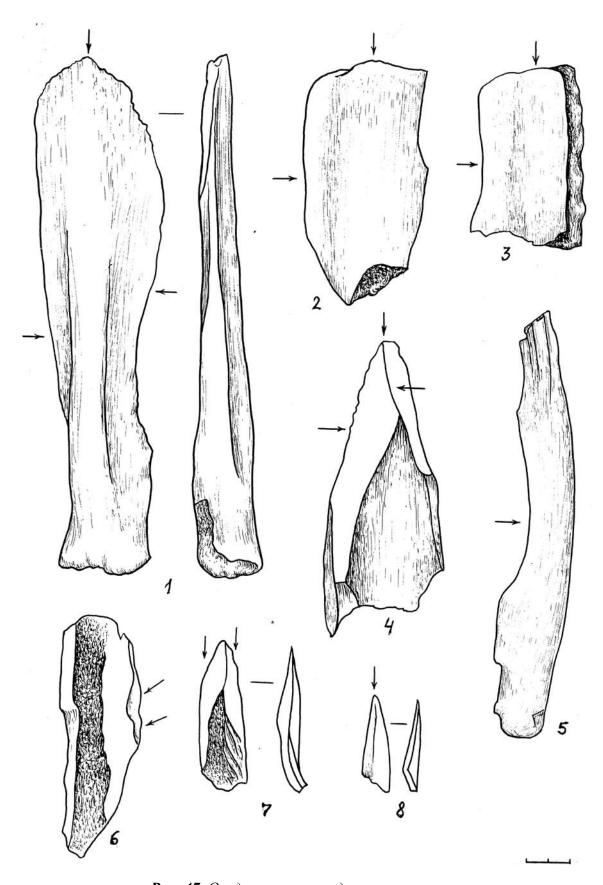
Вязание и плетение сетей выполнялось с помощью наконечников сложных качедыков (3 экз.), среди которых выделяется обломок наконечника такого качедыка с перехватом (рис. 45, 5-7) для привязывания (фиксации) при плетении сетей. Изготовлен из трубчатой кости мелкого животного (овцы-козы). Поверхность и кромки орудия залощены.

Для разметки кож и расширения отверстий служили развёртки (5 экз.), выполненные из трубчатых костей (рис. 45, 8-9).

Также при скорняжных работах использовались проколки (рис. 45, *1-4*), которые применялись в работах с тонкими шкурами и кожаными изделиями толщиной 1-3 мм. Некоторые проколки обломаны и остался только их конец. На проколках рабочий конец был плоской, треугольной или круглой формы.

Таким образом, среди нескольких десятков тысяч костей с поселения выделено всего лишь 84 костяных орудия труда, из которых имеются как единичные экземпляры (опорный подшипник для ручной дрели, гладилка, нож для раскроя тонких шкур, кость, из которой извлекли мозг для пропитки керамики), так и многие экземпляры с различными функциями. А некоторые из орудий являлись полифункциональными. Наибольшее количество орудий относится к их числу (11 экз.) и к таким орудиям как тупики (14 экз.). К другим орудиям, но с меньшим числом, относятся мастерки для заглаживания (штукатурки) стен, рычаги для расчленения костей, клинья, развёртки, качедыки, правилки, подставки-амортизаторы, абразивы, ножи для керамики, проколки, штихели, шпатели и др. На наш взгляд, коллекция костяных орудий поселения является внушительной и разнообразной, что может свидетельствовать об определённых направлениях в хозяйстве поселения, связанном с использованием костяных орудий.

Не менее важным для установления некоторых черт хозяйственной деятельности на поселении является рассмотрение орудий и поделок, которые изготовлены из таких материалов как глина, керамика и раковина. К сожалению, некоторые из них исчисляются единицами. Тем не менее, о них нельзя не говорить.



**Рис. 47.** Орудия из кости и других материалов: 1-3 — мастерки для заглаживания стен; 4 — тупик для сгонки жира и тиснения; 5 — тупик для сгонки жира и разминания кожи на колоде; 6 — тупик для сгонки жира и мездры; 7 — керамический нож; 8 — керамический нож и штихель.

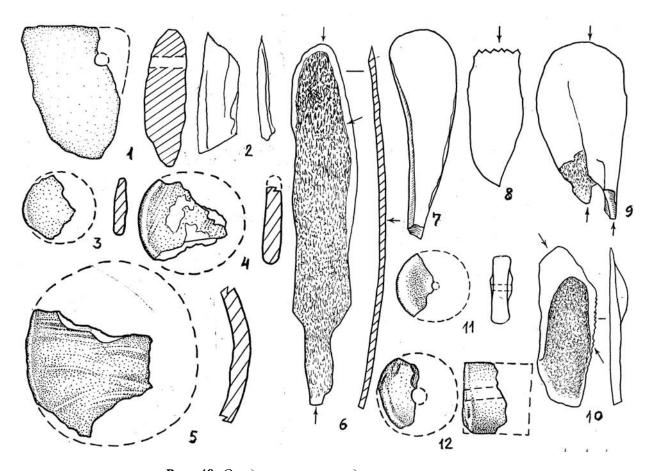


Рис. 48. Орудия из кости и других материалов:
1 — подвеска из глины; 2 — псевдорезак; 3-5 — керамические скребки-лощила;
6 — полифункциональное орудие; 7 — шпатель для размешивания красок; 8 — зубчатый штамп для обработки поверхности керамики; 9 — лекало для формирования и обработки глиняных изделий и нанесения орнамента; 10 — нож для раскроя тонких шкур;
11 — игрушечное колёсико; 12 — пряслице.

Для характеристики изделий из глины необходимо учесть то обстоятельство, что основным материалом местного происхождения являлась глина, из которой при дальнейшей обработке могли быть использованы её качества и появляться изделия, необходимые в повседневной жизни (керамика, предметы искусства, игрушки и др.).

Определённый интерес вызывает обнаруженная на поселении подвеска, изготовленная из сырой глины с лёгким обжигом, не имеющей в тесте дополнительных примесей. Подвеска уплощена, имеет подтреугольную форму, размером  $6.3 \times 5 \times 2 \text{ см}$  с боковой просверлиной в верхней части. Выполняла, очевидно, функцию грузикаподвески при ткацких работах (рис. 48, 1).

Из глины с примесями песка и шамота и дополнительным обжигом был найден фрагмент пряслица цилиндрической формы (рис. 48, 12) диаметром 4 см, толщиной 3 см и диаметром отверстия 0,07 см. Особенностью пряслица является идущее под углом отверстие. Общеизвестно, что пряслица применялись в прядении для увеличения инерции вращательного движения веретена.

Здесь нельзя не отметить и такое изделие из глины уплощённой круглой формы как колёсико, видимо, как деталь для детской игрушки (повозки?). На первый взгляд оно походило на пряслице, но при более детальном рассмотрении оказалось игрушечным колёсиком с очень узким диаметром 0,04 см отверстия и выступами вокруг отверстия, имитирующими ступицы колеса. Изделие изготовлено диаметром 3,5 см с толщиной 1 см (рис. 48, 11).

В значительном количестве на поселении были найдены изготовленные из фрагментов керамики скребки-лощила. Все они подокруглой формы диаметром от 6 до 10 см, изломы которых тщательно заполированы. Такие скребки-лощила, как показывают исследования экспериментально-трассологическим методом, проведённые Г.Ф. Коробковой, применялись при обработке шкур и выделке кож, несмотря на то, что на их изломах отсутствуют характерные для скребков поверхности. Скорее всего, эти орудия использовались дважды: вначале для обработки более грубого материала, каким представлялись шкуры, а затем, когда притуплялись их рабочие края, скребки автоматически наследовали функции лощил (рис. 48, 3-5).

Как показали опыты с керамическими скребками, «...это достаточно эффективные орудия, не уступающие в продуктивности концевым скребкам на пластинах и отщепах, использованных без рукояток... Вместе с тем, при увеличении длины рабочей кромки керамических скребков... заметно растёт производительность орудия, а, следовательно, и силовая нагрузка. По степени изнашиваемости керамические скребки близки обследованным и песчаниковым... Недостаток ценных горных пород и металла заставил обратиться к новым видам доступного сырья, каковыми и оказались различные обломки керамики. Обладая абразивными свойствами, последние хорошо зарекомендовали себя при обработке как долголежалых, так и свежеснятых шкур. С их помощью можно было производить операции, начиная со снятия мездры и кончая сгонкой волос» [40].

Из такого материала как раковина было изготовлено орудие, по своим качествам уступающее рассмотренным выше материалам. Условное название орудия — псевдорезчик. Представляет собой вырезку из нижней части раковины Unio подтрапецевидной формы размером  $5.1 \times 1.6 \times 0.5$  см (рис. 48, 2). Одна из сторон срезана под острым углом, образуя по краю среза рабочее лезвие. Орудие могло использоваться для нанесения условных меток на мягкой коже, либо для каких-то тонких работ.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что среди рассмотренных орудий коллекции описаны наиболее выразительные и разнообразные по функциональным особенностям артефакты, несмотря на их примитивность.

## КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ

В археологии пока что определяющим фактором отношения к той или иной культуре эпохи бронзы является керамика с устойчивыми формами посуды и орнаментом. В значительной степени на основе керамики из раскопанных подкурганных погребений и была выделена катакомбная культура КИО с несколькими региональными культурами [41]. И, главным образом, такая керамика до недавнего времени эпизодически рассматривалась с таких памятников как поселения и стойбища-летовки катакомбников.

В этой связи определенный интерес представляет керамический комплекс с поселения Матвеевка I на Южном Буге.

Собранная на памятнике керамика разделяется на две группы: керамику ката-комбной КИО и бабинскую (КМК). Подавляющее большинство фрагментов посуды относится к катакомбной культуре и в численном отношении к посуде бабинской культуры преобладает почти в десять раз. Реконструируя фрагментированную посуду, можно со всей определённостью говорить о её форме, относительных размерах и предназначении.

Распространение керамики на поселении хоть и повсеместно, но неодинаково и неравномерно. Наличие керамики наиболее интенсивно отмечается вблизи раскопанных построек и за их пределами, в особенности в слоях, насыщенных раковинами моллюсков, и в хозяйственных ямах. Исключением являются выявленные в постройках  $\mathbb{N}_2$  1 и  $\mathbb{N}_2$  2 по одному сосуду катакомбного времени. Посуда бабинской культуры обнаруживалась только в культурном слое, вне построек, но совместно с керамикой катакомбной культуры.

Керамика последней представлена немногочисленными формами. Среди них высокие и низкие горшки (рис. 49), чаши, миски, плошки, кубышки и миниатюрные сосуды. Из керамических фрагментов изготавливались также орудия труда — своеобразные подокруглой формы скребки.

Рассмотрим каждую группу сосудов.

Значительная часть керамики относится к горшковидным сосудам. Высокие горшки, напоминающие корчаги, имеют стройные пропорции с наибольшим расширением тулова в верхней части (рис. 49, 2-3; 50-52). У таких сосудов венчик короткий, резко переходящий в тулово. При этом высота сосудов и их наибольший диаметр примерно равны. Зауженное дно по диаметру в два раза меньше горловины. Диаметр по венчику от 17 до 30 см. Обращают на себя внимание диаметры по венчикам у фрагментированной посуды этой группы керамики. Если учитывать их примерную реконструкцию, то у большинства таких сосудов диаметр по венчику колеблется в пределах 20-28 см. А высота сосудов, учитывая целые экземпляры, составляет от 20 до 33 см. Угол наклона стенки сосуда ко дну, если судить по целым сосудам этой группы, 50° и 65° (рис. 53).

Низкие горшки имеют выпуклое тулово и короткий венчик (рис. 54-56). Высота их меньше наибольшего диаметра тулова, смещённого к верхней части сосуда. Соотношение высоты сосуда к диаметру тулова выражается как 2:3.

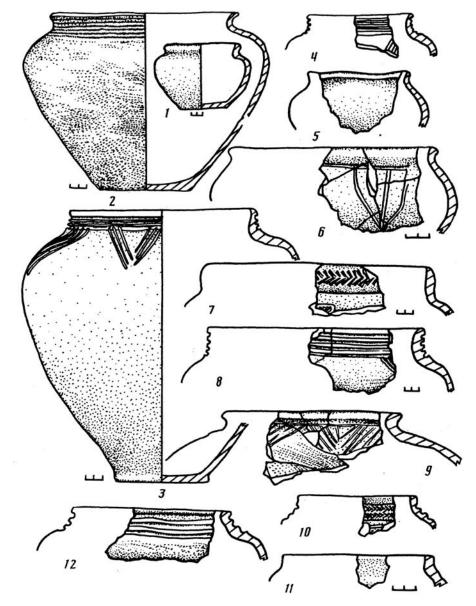


Рис. 49. Образцы горшковидной посуды Ингульской катакомбной культуры

Как в высоких, так и в низких горшках толщина венчика доходит до 0,8 см. Широкое горло и более узкое дно у низких горшков по своим диаметрам соотносится как 1:2.

Среди серии горшков высотой от 11 до 19 см имеются миниатюрные экземпляры с диаметром по венчику 6-8 см и высотой 6-12 см (рис. 57).

Все сосуды горшковидной формы имеют несколько разновидностей в оформлении венчика: высокий прямой или несколько изогнутый и горизонтально срезанный (рис. 55), короткий прямой или слегка изогнутый наружу (рис. 56), высокий скошенный внутрь (рис. 60, 1). В небольшом количестве представлены загнутые или почти загнутые наружу венчики (рис. 54), скошенные внутрь короткие и изогнутые (S-образные) (рис. 58), а также горизонтальные срезанные по верху (рис. 59), и ещё в меньшем количестве имеются скошенные наружу короткие подокруглые прямые или слегка отогнутые наружу (рис. 54), заострённые утолщённые (рис. 49, 7; 50) и с нависающим наружу небольшим карнизом (рис. 60).

Чаши имеют сферическое тулово и немного загнутый внутрь горизонтально или внутрь срезанный венчик. Иногда венчик подокруглый (рис. 61). Их высота 8–11 см, диаметр по венчику от 16 до 25 см. На некоторых экземплярах ниже венчика сде-

ланы круглые или сдвоенные налепы-ручки (упоры) с вдавлениями посередине или со сквозными отверстиями (рис. 61, 7, 9). В коллекции керамики имеется и серия глубоких усечёно-конусовидных мисок высотой от 5 до 8 см с диаметром по венчику от 11 до 14 см (рис. 61-62). Наибольшее количество экземпляров обломков керамики относится к глубоким усечёно-коническим чашкам и плошкам малых размеров (рис. 62). Их высота от 3 до 6 см, а диаметр по венчику от 5 до 10 см.

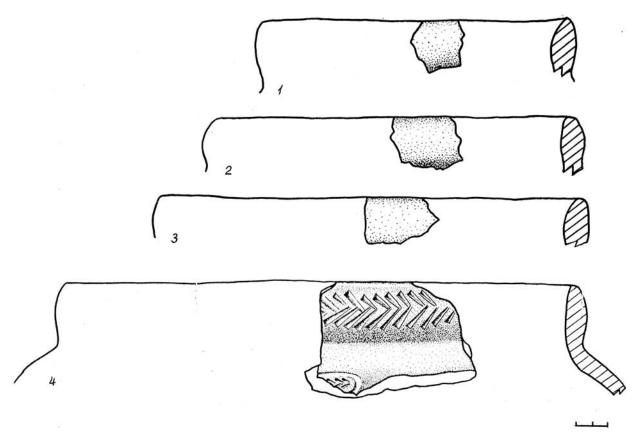


Рис. 50. Фрагменты высоких горшков

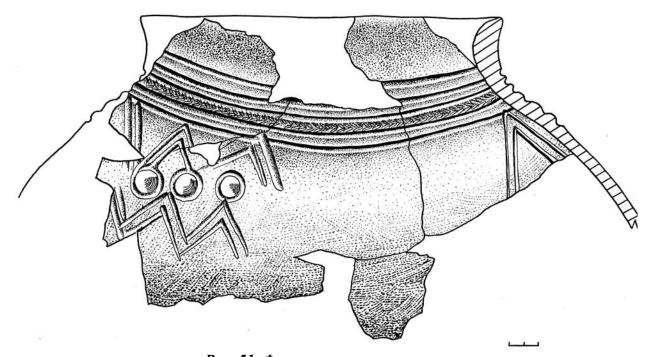


Рис. 51. Фрагмент высокого горшка

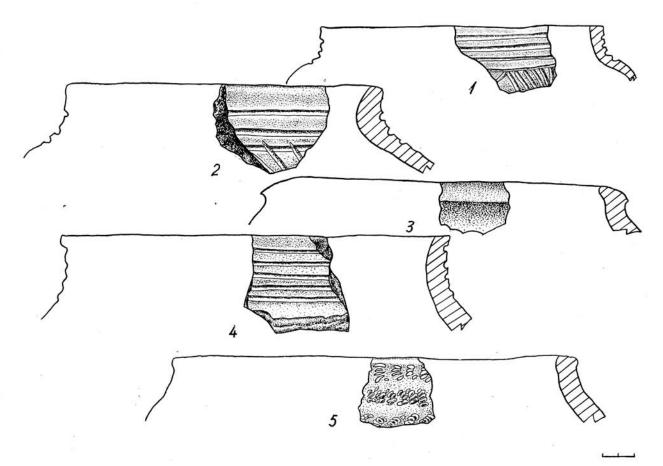
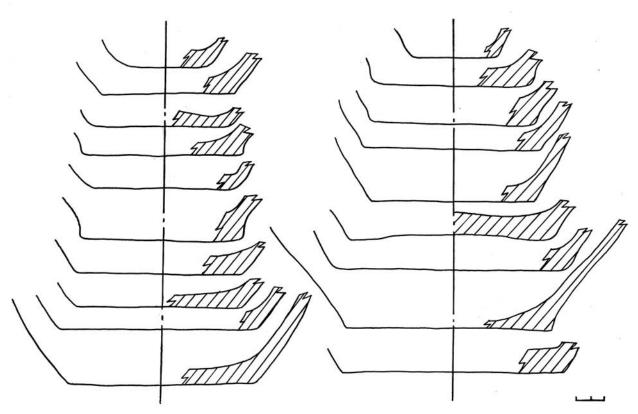
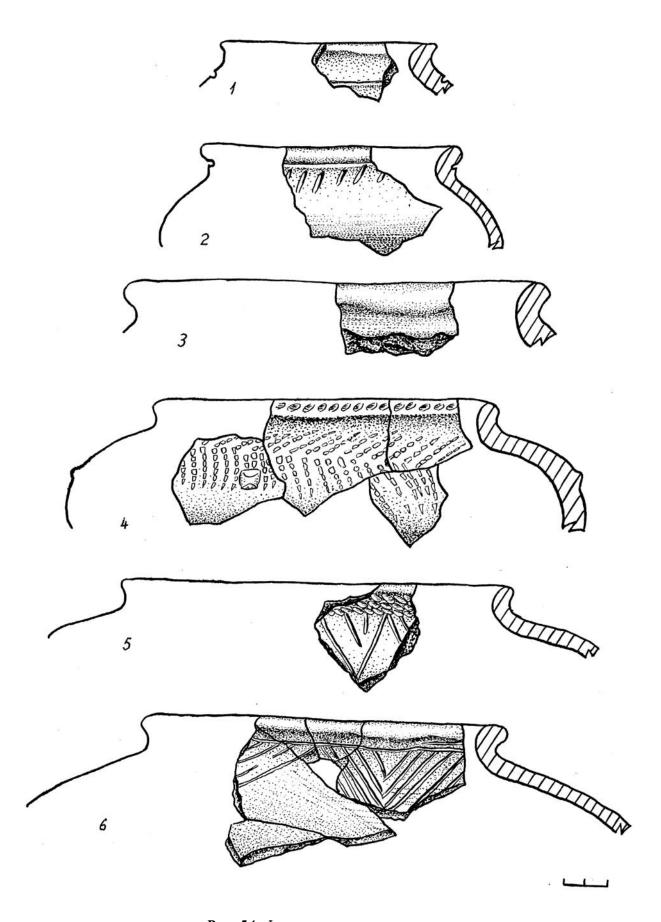


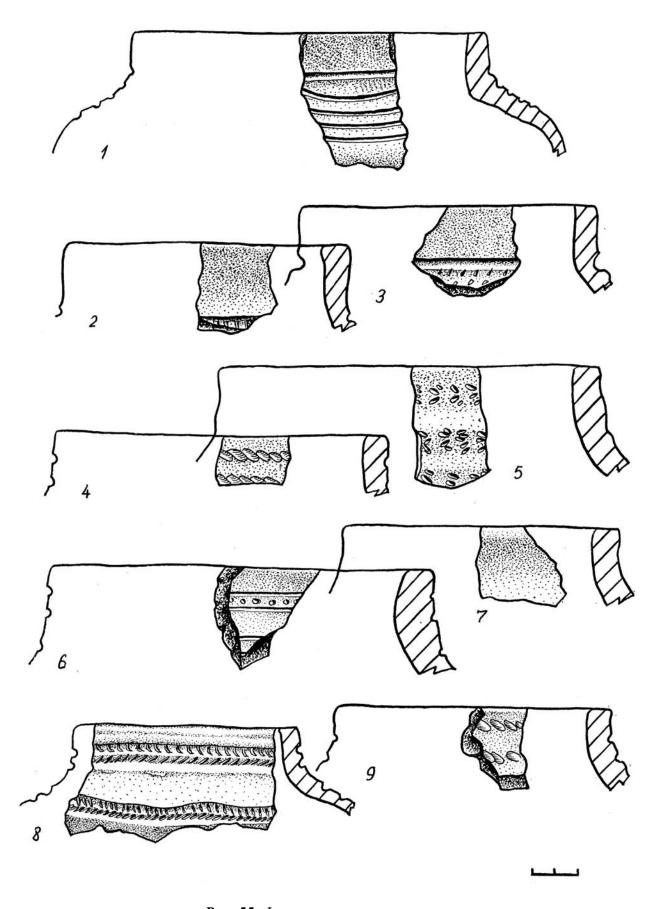
Рис. 52. Фрагменты высоких горшков



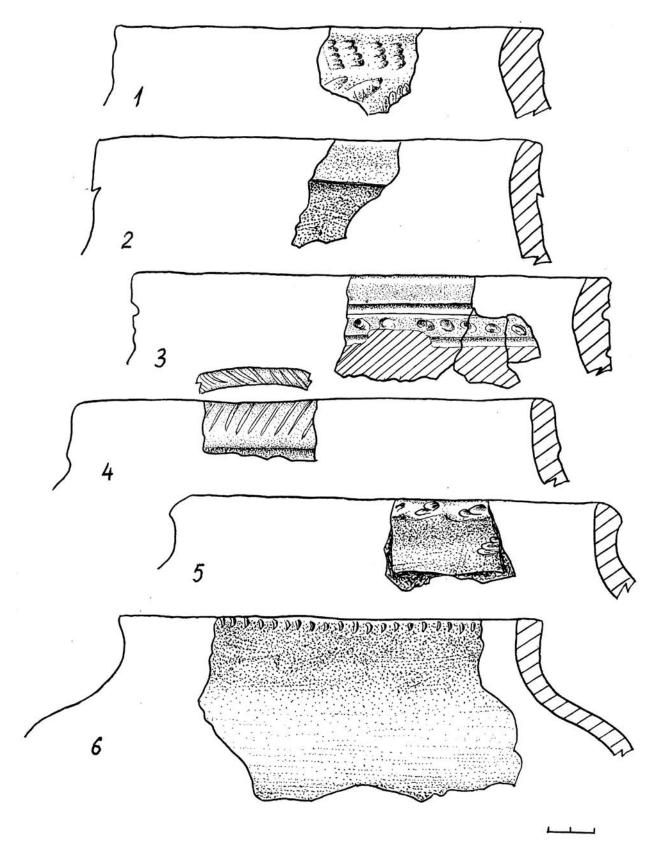
**Рис. 53.** Матвеевка 1 (разные годы), днища сосудов ИКК с уклоном 55° и 60° у основания



**Рис. 54.** Фрагменты низких горшков



**Рис. 55.** Фрагменты низких горшков



**Рис. 56.** Фрагменты низких горшков

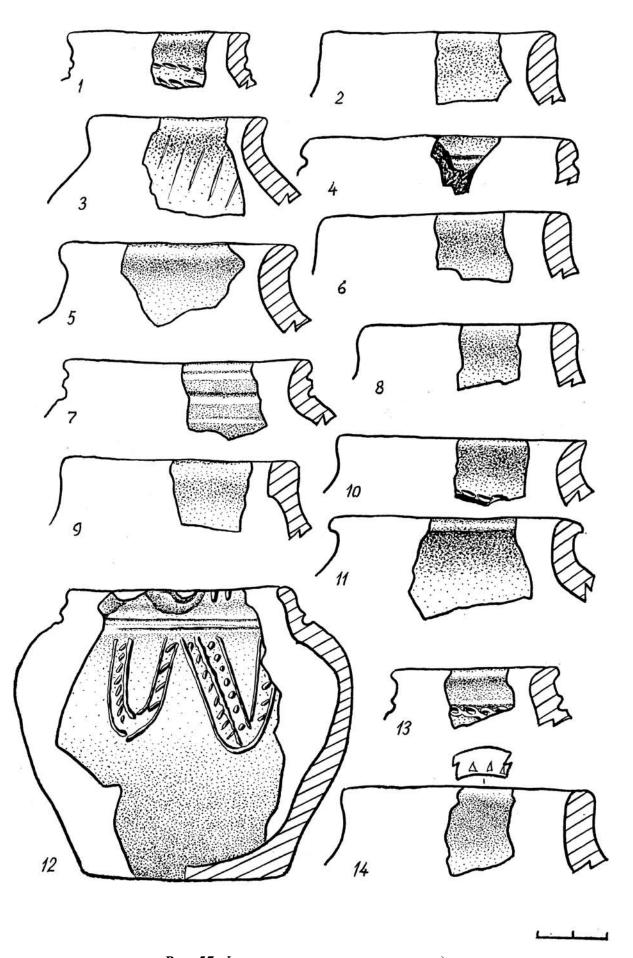
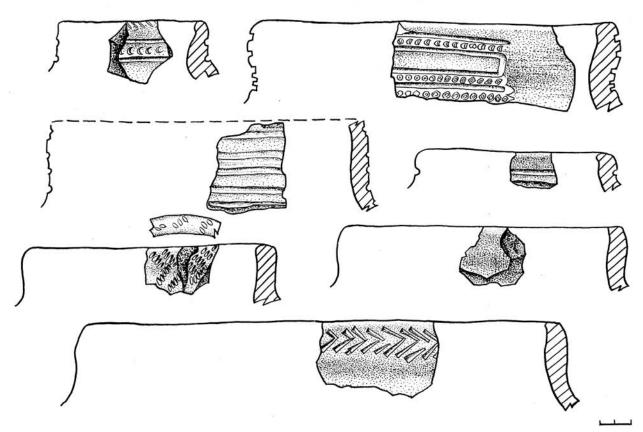


Рис. 57. Фрагменты миниатюрных сосудов



**Рис. 58.** Изогнутые (S-образные) венчики

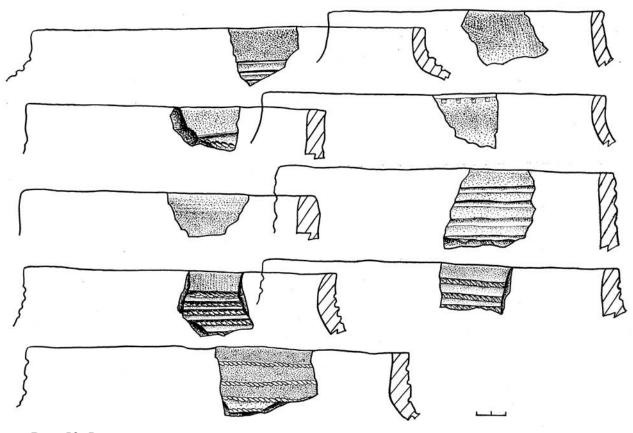


Рис. 59. Высокий прямой или несколько изогнутый и горизонтально срезанный венчик

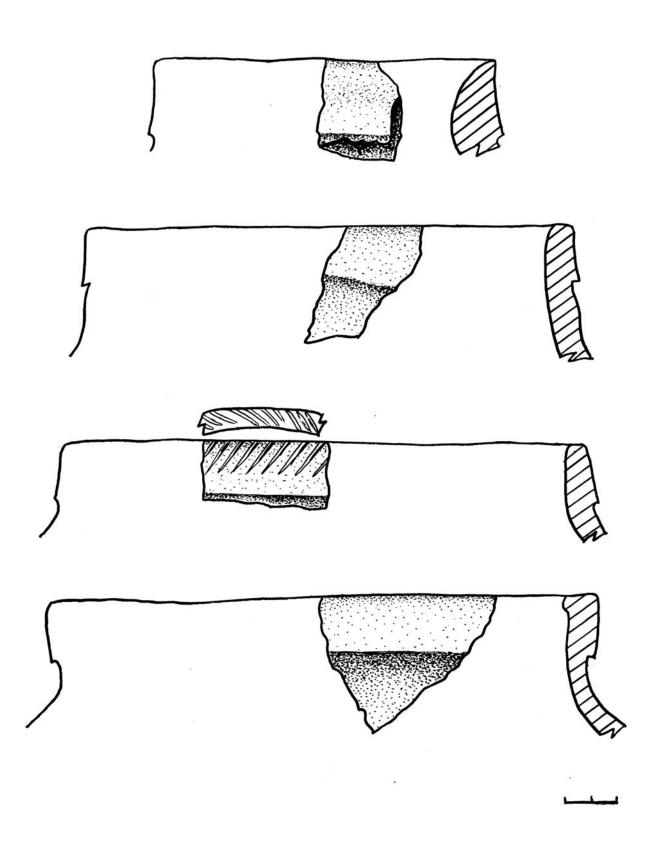
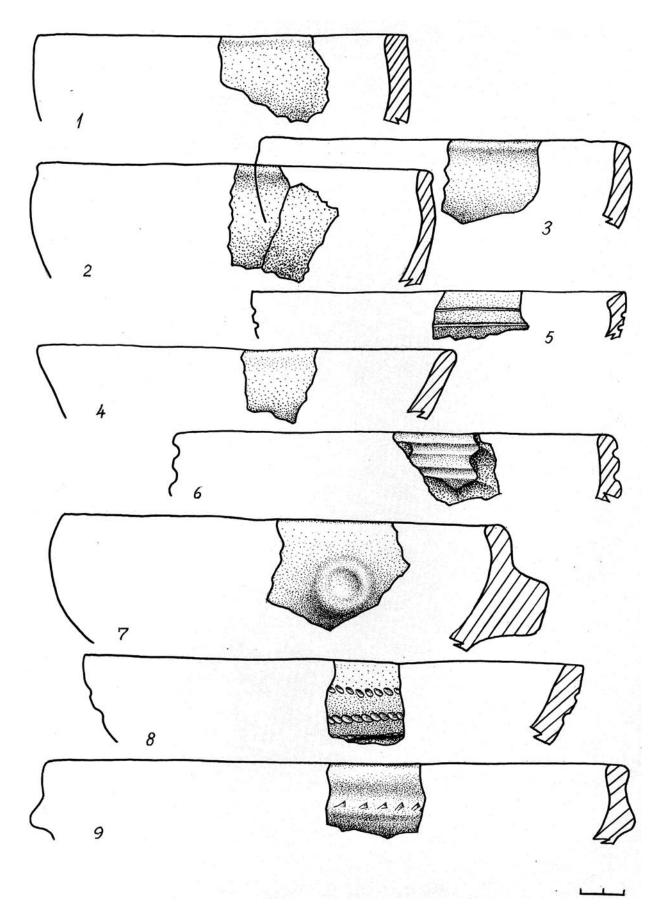


Рис. 60. Матвеевка 1 (разные годы), горшки с воротничковым венчиком



**Рис. 61.** Фрагменты мисок и чаш

Несколькими фрагментированными экземплярами представлены кубышки с высоким прямым венчиком, плавно или резко переходящим в кругло-выпуклое тулово. О высоте таких экземпляров судить затруднительно, но диаметр по венчику малых кубышек 5,0-5,5 см, или же 5,8-6,3 см, а у экземпляров побольше — 7,0-11,2 см (рис. 63).

Возможно, что в поселении бытовала и такая посуда как кружки. Об этом свидетельствует обнаруженные, к сожалению, только два фрагмента ручек, тесто и обработка поверхности которых совпадают в целом с технологией изготовления посуды среди племён катакомбной КИО.

Тесто сосудов катакомбного облика очень плотное с различными примесями. Чаще всего тесто состояло из двух компонентов: мелко- и крупнотолчёного шамота с добавлением песка. На втором месте — тесто состояло из трёх компонентов: шамот, песок и известковая крошка. Третье место занимают добавления к шамоту и песку таких компонентов как органика, мелкотолчёная охра или железная руда, а иногда, крайне редко, — незначительный процент речной ракушки.

В сосудах, в которых добавлен значительный процент песка, поверхности осыпаются. Там же, где слабый и неравномерный обжиг, наблюдаются следы выпадения примесей и трещины. На одном фрагменте сосуда обнаружен кусочек раковины моллюска от гребенчатого штампа, видимо, обломанного во время сглаживания поверхности. Подавляющее большинство посуды на поверхностях как с внешней, так и с внутренней стороны имеет следы гребенчатого сглаживания. Часто следы гребенчатого сглаживания затирались с обеих сторон, но только в верхней части. В ряде случаев добавлялось слабое лощение, в особенности венчика и привенчиковой части сосуда. Иногда поверхность бывает закопчена или шероховатая.

При изготовлении орнамента на катакомбной посуде Матвеевского поселения использовались любые подручные средства и применялись такие технологические приёмы как врезные линии, отпечатки шнура, насечки, оттиски кончика тупой или острой палочки, полой тростинки, гусеничного штампа, оттиски панциря улитки, кончика ножа, налепных валиков и др.

Широк диапазон применения различных орнаментальных композиций, а преобладающим орнаментом является линейно-геометрический [42], который можно условно разделить на простой, сложный и комбинированный.

Если рассмотреть и сравнить орнаменты, то ни один из них не повторяется. Их разнообразие свидетельствует лишь об изобретательности гончаров. Они, вопреки принятым стандартам (моде), вносили в изображения орнамента свой элемент, что можно расценивать как отклонение ими от принятых образцов и поисков новых изображений.

К простому орнаменту можно отнести: врезные горизонтально прочерченные параллельные линии, окаймляющие венчик или шейку сосуда (рис. 49, 8, 12); спаренные горизонтально прочерченные линии (рис. 64, 3, 9); чередующиеся короткие и длинные горизонтально прочерченные параллельные линии (рис. 64, 3); прерывающиеся короткие горизонтально прочерченные параллельные в два ряда врезные линии (рис. 64, 2); ломаные горизонтально прочерченные линии (рис. 64, 14). Причём, врезные линии могут быть разной ширины.

Под горизонтальными линиями прочерчены одной линией треугольники вершинами вниз (рис. 64, 4-6, 10, 15); орнамент из врезных линий в виде треугольников вершинами вниз (рис. 64, 15); орнамент в виде оттисков кончика круглой палочки

справа налево в один ряд (рис. 68, 8); оттиски панциря улитки в три ряда (рис. 69, 14); орнамент состоящий из прочерченных линий в виде одной горизонтальной, ниже которой прочерчен треугольник, заполненный четырьмя горизонтальными линиями (рис. 66, 1); ниже горизонтальной линии под углом расположены три-четыре врезные линии (рис. 66, 5, 11) и др.

Шнуровой орнамент повторяет практически те же композиции, что и линейный (рис. 67, 9, 12, 15-18), иногда в разных вариантах.

К сложному орнаменту можно отнести те же горизонтально расположенные линии, ниже которых прочерчены треугольники вершинами вниз, заполненные линиями в различных сочетаниях: вертикально, горизонтально, под углом (рис. 64-66).

Комбинированный орнамент состоит из принятых врезных линий в разных комбинациях с добавлением иных приёмов нанесения орнамента (оттисков орнаментиров, насечек, отпечатков шнура и др.) и условно его можно разделить на упрощённо-комбинированный и сложно-комбинированный.

Упрощённо-комбинированный орнамент, как правило, состоит из двух элементов — врезных линий с добавлением насечек, отпечатков шнура, оттисков кончика тупой палочки и др. (рис. 69, 7; 68, 2-15).

Сложно-комбинированный орнамент содержит систему нанесения украшений различными орнаментирами в разных сочетаниях.

Примером может служить орнамент в виде двух горизонтально прочерченных параллельных линий, между которыми — оттиски кончика тупой палочки, направленной справа налево; ниже этих линий прочерченные треугольники, оформленные с двух сторон насечками (рис. 67, 7). Треугольники, содержащиеся в орнаментах, могут быть разными: средней величины (рис. 67, 8), малые (рис. 67, 14), расширенные (рис. 67, 1), удлинённые (рис. 67, 13) и др.

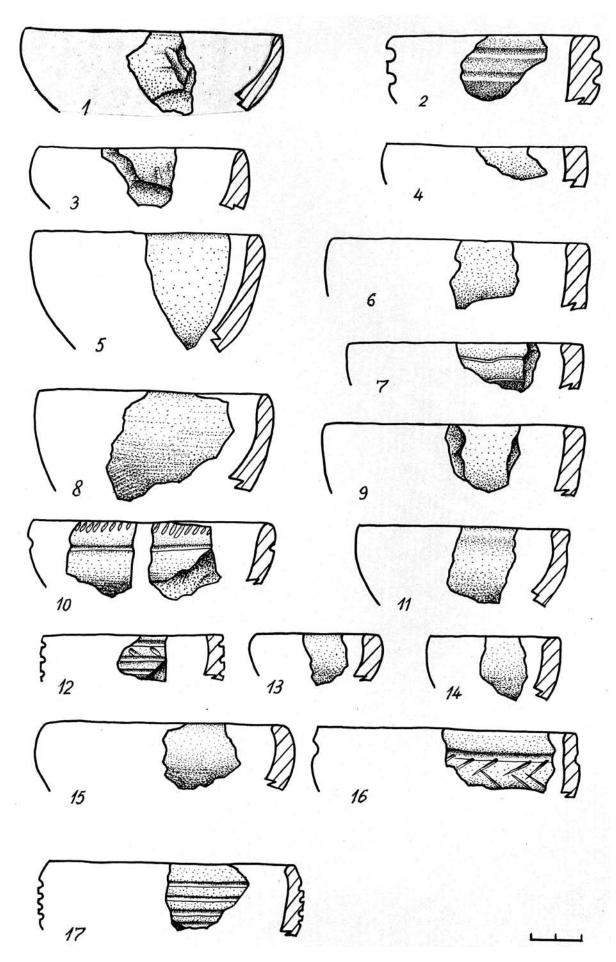
Встречен орнамент в виде горизонтально прочерченной линии, ниже которой опущен вершиной вниз треугольник, расчленённый вертикальной линией, к которой примыкает с двух сторон линии заполнения, нанесённые справа налево и слева направо, образуя так называемую «ёлочку». Между такими треугольниками нанесены перекрещивающиеся линии, оформленные сверху и снизу оттисками кончика круглой палочки (рис. 65, 18) [43].

Попыткой отклонения от принятых стандартов может служить орнамент в виде двух горизонтально прочерченных параллельных линий, ниже которых вершинами вверх (!) обозначены вписанные друг в друга треугольники, между линиями которых нанесены насечки, а внутренний треугольник заполнен косыми линиями, направленными справа налево (рис. 65, 6).

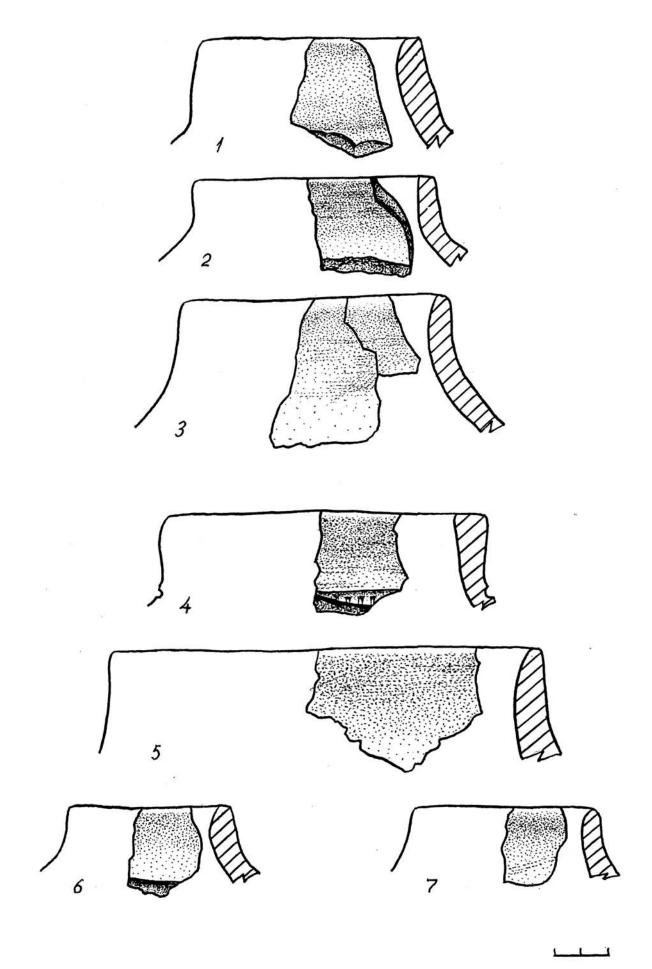
Такой же попыткой отклонения от принятых образцов является орнамент в виде пяти горизонтально прочерченных параллельных линий на шейке сосуда, между третьей и четвертой линиями которых нанесены насечки в виде «ёлочки», а ниже пятой линии — зигзагообразные сдвоенные треугольники и между ними — три конусовидных налепа, окаймлённых круглыми врезными линиями. Поодаль врезными линиями нанесены сдвоенные угольники вершинами вверх (рис. 51; 68, 1).

Образцы упрощённо-комбинированных орнаментов представлены в прилагаемых таблицах (рис. 65-66, 68).

На одном из фрагментов керамики врезная линия орнамента была заполнена красной охрой — свидетельство того, что многие сосуды с врезным орнаментом могли заполняться красной охрой. А это придавало сосуду нарядность, усиливало эффект украшения сосуда.



**Рис. 62.** Чашки и плошки



**Рис. 63.** Фрагменты кубышек

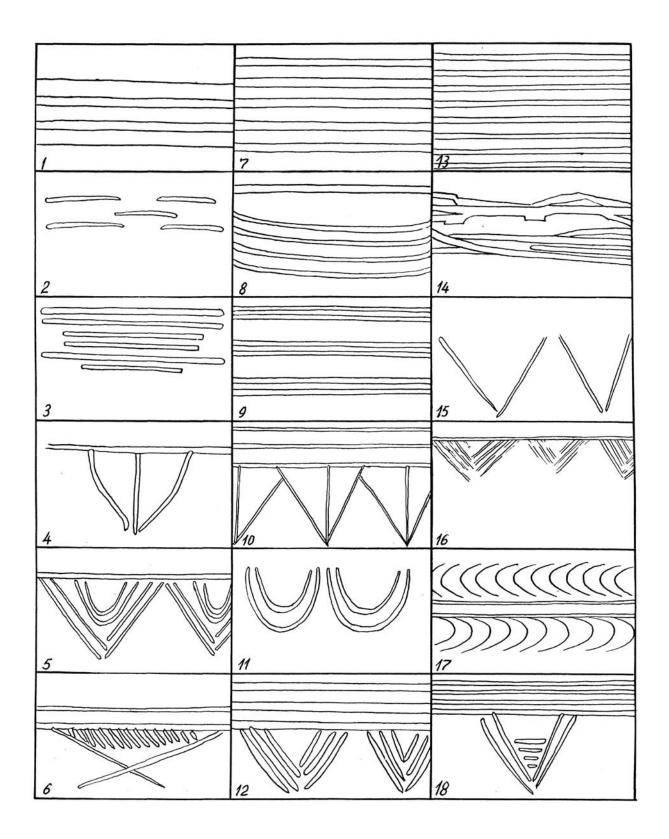


Рис. 64. Орнаменты на посуде катакомбной культуры

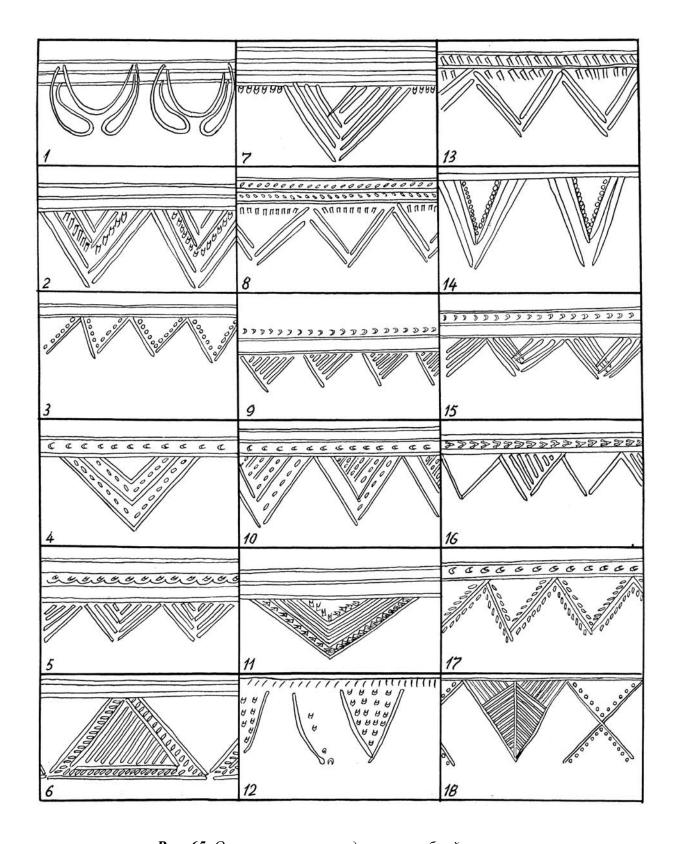


Рис. 65. Орнаменты на посуде катакомбной культуры

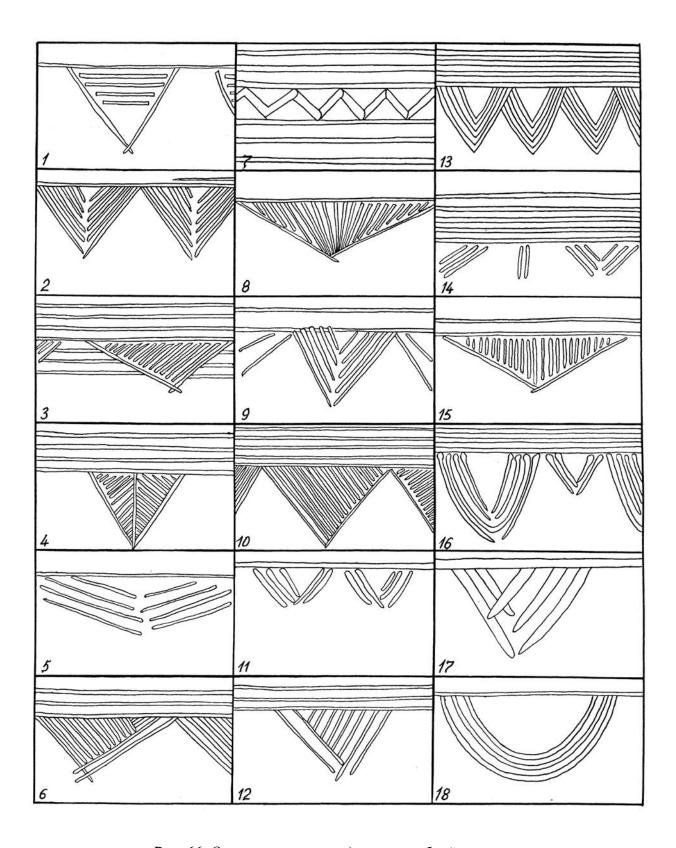


Рис. 66. Орнаменты на посуде катакомбной культуры

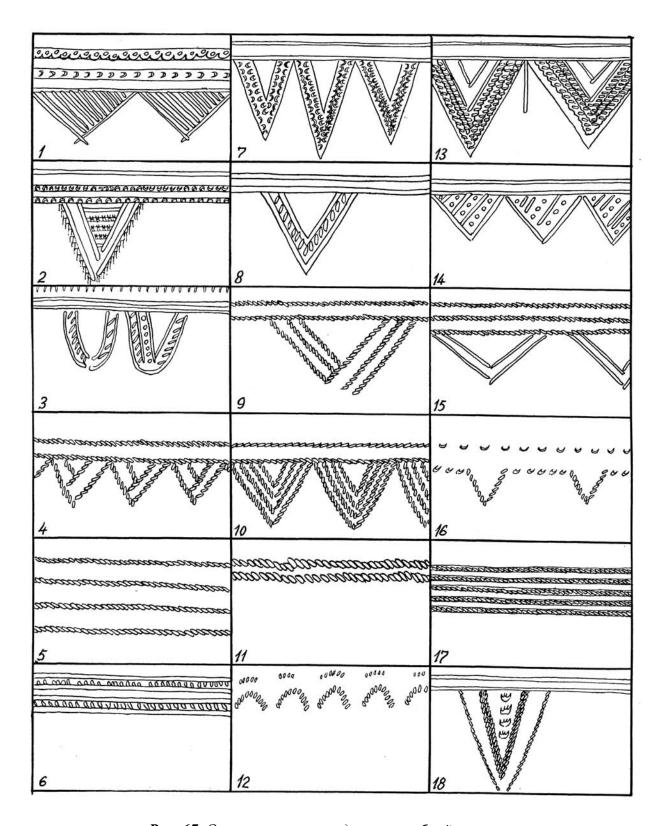


Рис. 67. Орнаменты на посуде катакомбной культуры

Для некоторых сосудов, обнаруженных в погребениях ИКК, отмечено заполнение врезного орнамента красной охрой или её раствором. Эти необычные сосуды были выявлены в погребениях на Ингуле. Так, например, в погребении № 6 в кургане № 2 у с. Соколовка была найдена амфорка, а в погребении № 12 кургана у с. Пелагеевки — ритуальный сосуд, врезной орнамент которых был заполнен красной охрой.

Вообще, орнамент на любом предмете относится к декоративно-прикладному искусству и в данном случае орнаментальные мотивы на катакомбной керамике являются, несомненно, отражением этого вида искусства.

В целом, в посуде катакомбного времени ведущее место принадлежит горшкам средних размеров (80%), на втором месте — сосуды горшковидных форм, по своим размерам приближающиеся к корчагам (10%). Остальные типы посуды найдены в небольшом количестве: чаши (4%), миски (4%), чашки и плошки, а также кубышки (2%).

Посуда Матвеевского поселения, которая может быть идентифицирована с бабинской культурой (культурой многоваликовой керамики), представлена горшками, мисками и чашками (рис. 70-74). Она отличается не только по форме, орнаментации, но и по тесту со значительными примесями мелкого песка, более слабому обжигу, отсутствию аккуратного гребенчатого сглаживания корпуса сосуда.

Если катакомбная керамика содержит как целые, так и фрагменты сосудов, то посуда бабинской культуры представлена, кроме целых банковидных сосудов из погребений, только фрагментарно, и судить о её размерах затруднительно. Но с учётом примерной реконструкции, можно сказать, что диаметр горшковидных сосудов по венчику колеблется в пределах от 10,2 до 23,0 см. Эти горшки вытянутых пропорций с высоким прямым, реже — с коротким изогнутым венчиком, верх которого может быть горизонтально срезан или закруглён (рис. 70, 1-5, 8). В верхней части сосуда шейка резко, а порой плавно, переходит в тулово сосуда (рис. 70, 1; 71, 8). Но характерной чертой такого рода сосудов является резкий перегиб в средней части тулова сосуда. На этом перегибе обычно наносится орнамент в виде налепного валика, расчлененного вдавлениями или насечками (рис. 70, 6, 7). В зависимости от размера сосуда диаметр дна его, по найденным фрагментам колебался от 7,0 до 20 см. В большинстве случаев дно сосудов окаймлял выступающий рантик (рис. 74).

Орнамент у горшков, состоящий из налепных или оттянутых из теста валиков, может покрывать всё тулово сосуда от венчика до дна или покрывать отдельные его участки (рис. 70-72). В некоторых случаях верх венчика по краю оформлен защипами (рис. 71, 1-2; 72; 73, 7, 8). Толщина валиков колеблется от 0,5 до 1,5 см. Оттянутые из теста сосуда и треугольные в разрезе гладкие валики чаще всего имеют толщину 0,5 см. Иногда налепные валики отслаиваются, но их следы на корпусе сосуда остаются (рис. 72, 2).

Кроме горизонтально налепленных валиков, их наносили на корпус сосуда как вертикально, так и под углом (рис. 71, 6; 72, 2). Оформление валиков разное: защипами, вертикально или косо нанесёнными насечками. Иногда между горизонтальными валиками наносились прочерченные линии в виде треугольников, вписанных друг в друга (рис. 70, 2) или зигзагообразные линии.

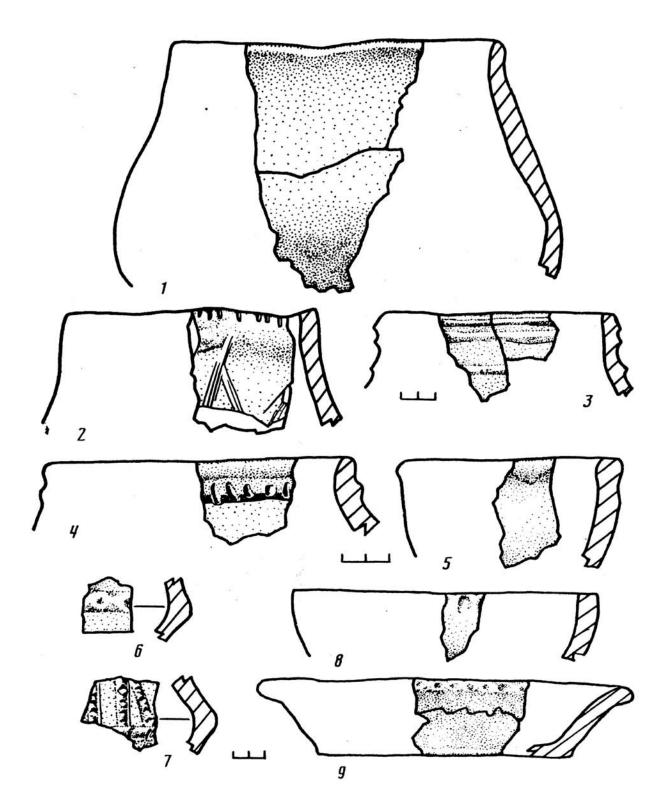
В коллекции посуды бабинской культуры имеется несколько фрагментов глубоких конусовидных мисок и чашек (рис. 70, 5, 8, 9; 73). Обычно верх венчика у мисок и чашек срезан горизонтально или венчик нависает над туловом (рис. 73, 8; 70, 9).

		_
		8
		1
220000000000000000000000000000000000000	14444444444444444444444444444444444444	000000000000000000000000000000000000000
		000000000000000000000000000000000000000
		22,22,200000000000000000000000000000000
		10
		00000000000000
		0000000000000
	<b>V</b>	
l ,		11
1	1	
	000000000000000000	
0000000000000000		1000010000100000
		0000000000000
000000000000000		
I .		
2	6	12
000000000000		
		0 0 0 0 0 0 0 0
	000000000	
3	7	13
	if.	
		姓语医康康康康康康康康康
75		
00000000000000000	ଶ୍ରାରାଷ ବାରାଷ ସ	2 8
	રા રા લા લા લા લા લા લા લા લા	
4	8	14
		<del> </del>
000	**	
	66	
50000	4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4	
00000	A 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4 4	ATTO ADDA ADTO TO TO A DA A DA A DA A DA
		台
5	9	15
		10

Рис. 68. Орнаменты на посуде катакомбной культуры

	000000000000000000000000000000000000000	
1 0 0 0 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1 1		84
		1 C A L W 2 A A A A A A A W W W W W W W A A A A
444444000000000000000000000000000000000		
		<u> </u>
Sec.		-
1	7	12
<u> when the finite for the finite for</u>	alaha ha haha ha ha ha ha ha ha h	
999888888888	000000000000000000	& & & & & & & & & & & & & & & & & & &
	·	8
2	8	13
200000000000000000000000000000000000000	LUALI HUNN HUNN HUNN HUNN HUNN HUNN	ଧ୍ର ପ୍ରତ୍ର ପ୍ରତ୍ର ବର୍ଷ ବର୍ଷ ବର୍ଷ ବର୍ଷ ବର୍ଷ ବର୍ଷ ବର୍ଷ ବର
33333333333	<b>® ® ® ® ® ® ®</b>	&\JQ\D&\B\B\B\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\\
9 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3 3	'	440004400010411
	es	() 
3	9	14
	I I A A RANGA A A A A A A A A A A A A A A A A A A	
110000000000000000000000000000000000000		
	_	
		Name of the Control o
4	10	15
	99999999999999	
	0000 0000 0000 0000 0000 0000 0000 0000 0000	00000000000000000000000000000000000000
10000000000000000000000000000000000000	0000 0000 0000 0000 0000 0000 0000 0000 0000	*
5	111	16
		tornoprierios o u o o o o o o o o o o o o o o o o o
		(Senting to
		120000627
200000000000000000000000000000000000000	Consessed and nove of the	arrive
	(\$2772171777)	
	(\$11711717777)	

Рис. 69. Орнаменты на посуде катакомбной культуры



**Рис. 70.** Посуда бабинской культуры

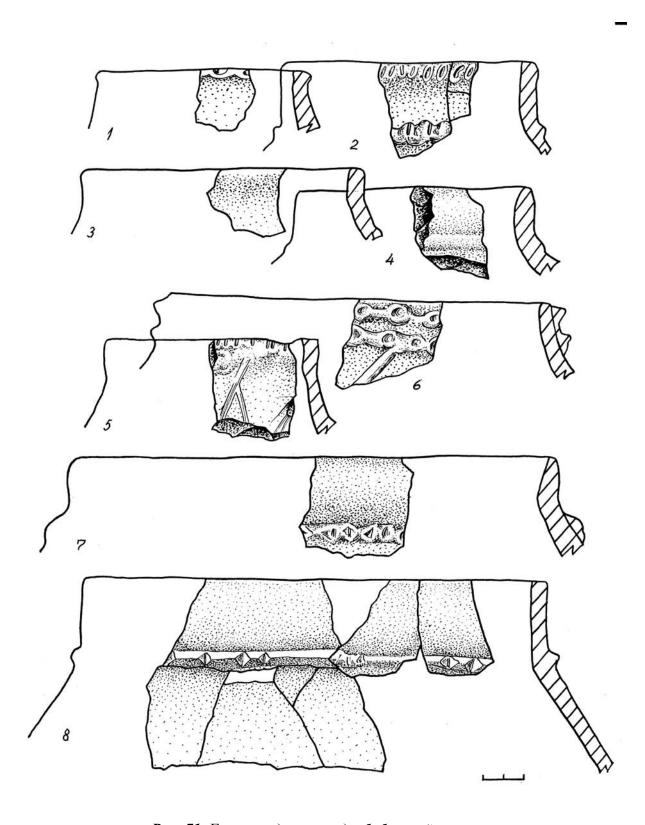


Рис. 71. Горшковидные сосуды бабинской культуры

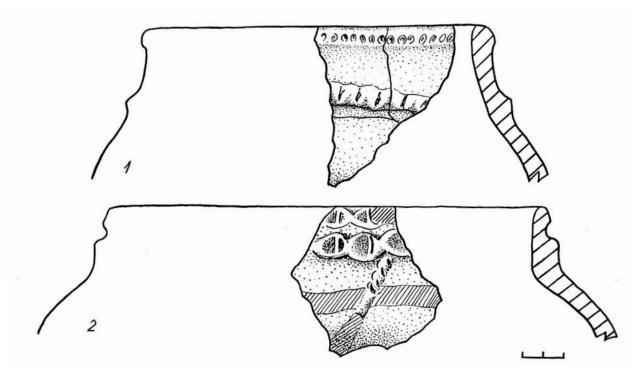


Рис. 72. Горшковидные сосуды бабинской культуры

Оформление края венчика защипами встречено и на мисках, и на чашках (рис. 70, 8; 73, 7). В ряде случаев у такой посуды отсутствуют защипы. Диаметр по венчику у мисок от 18 до 23 см, а у четверти сохранившейся миски с нависающим венчиком удалось определить её размеры: высота 4,3 см, диаметр по венчику 21,7 см, диаметр дна 15 см (рис. 70, 9).

У чашек высотой от 4,0 до 6,5 см диаметр по венчику колебался от 8,5 до 16 см.

Что касается керамического комплекса катакомбной культуры с поселения, то он находит соответствие в материалах на поселениях эпохи поздней бронзы, античного времени и черняховской культуры с содержанием катакомбной керамики и может свидетельствовать о том, что на этих местах существовали либо поселения, либо стойбища-летовки ККИО, которые заселялись в более позднее время.

Так, например, на таких поселениях эпохи поздней бронзы как Пересадовка на Ингуле, Константиновка I на Буге или Кирово в Крыму, на памятнике античного времени Козырка IX, многослойном поселении Баловное на Ю. Буге и Новопавловка III (р. Гн. Еланец) обнаружена как керамика, так и слои катакомбного времени.

Здесь нельзя не отметить и распространение в долинах рек и по их берегам в Побужье и Поингулье стойбищ-летовок с наличием не только предметов хозяйственной деятельности, но и керамики носителей катакомбной культуры аналогичной керамике Матвеевского поселения. То же можно сказать и о керамике, обнаруженной в погребениях этого времени, раскрытых в Днепровском Правобережье.

Такая керамика является, в основном, керамикой Ингульской катакомбной культуры (ИКК), и на Матвеевском поселении часть керамики (плошки, чашки, кубышки, тара) наблюдаются только на этом поселении, изредка — на стойбищах-летовках ИКК и в катакомбных слоях поселений более позднего периода.

То есть, керамика, как устойчивый показатель отношения к культуре, в данном случае явилась показателем не только наибольшей концентрацией памятников ИКК в районах её распространения, но и показателем угасающего проникновения этих племён далеко на юго-запад Причерноморья. Находки такой керамики на ряде памятников находят подтверждение этому [44].

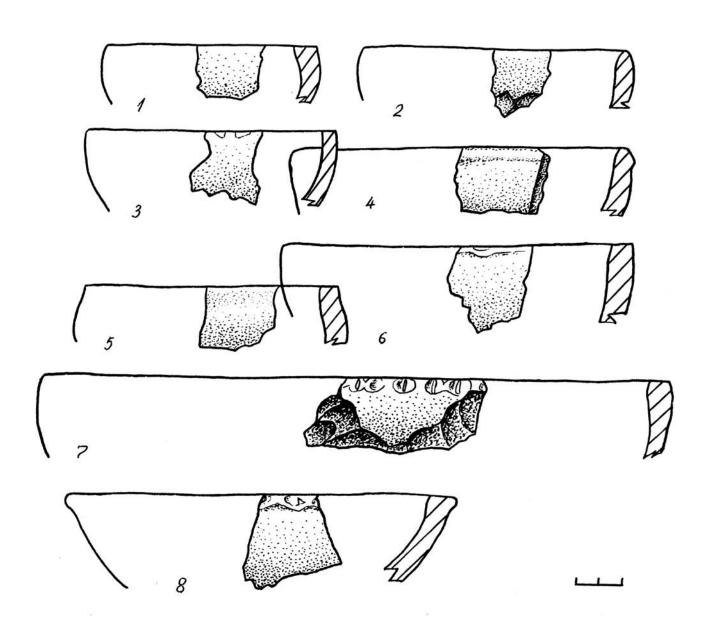


Рис. 73. Миски и чашки бабинской культуры

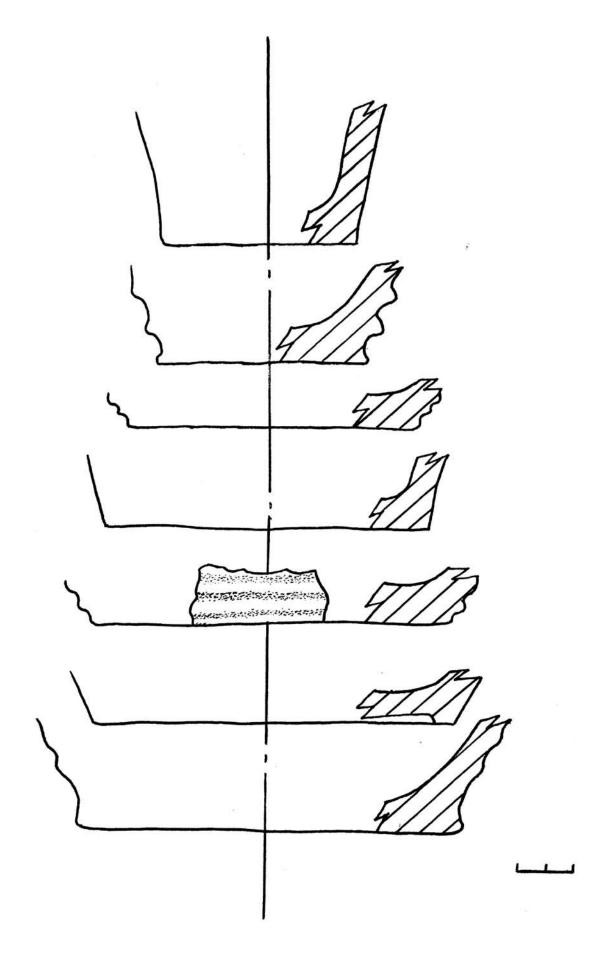


Рис. 74. Днища сосудов бабинской культуры

Среди остеологического материала встречаются и кости человеческого скелета: например, коленная чашечка на глубине 0,15 м, фаланги пальцев рук и ног на глубинах 0,37 и 0,15 м, соответственно, фрагмент глазницы человеческого черепа на глубине 0,46 м и др.

**Погребение № 1.** Названо условно. Почти рядом со входом в постройку № 1 со стороны юго-востока обнаружены кости скелета взрослого человека, расположенные в один ряд, но сваленные хаотично, в пределах границы дренажной канавы (рис. 75).

Погребение № 2 выявлено в 4,6 м к югу от предполагаемого входа в постройку № 1 в виде заклада, состоящего из массивной каменной плиты размером 1,12 х 0,67 х 0,16 м, обложенной с востока и запада грудами мелких камней. Глубина залегания плиты неравномерна: со стороны северо-востока — 0,35 м, со стороны юго-запада — 0,5 м. Остальные камни залегали на глубине от 0,25 до 0,42 м. Под плитой находились камни, наполовину врытые в землю и расположенные полукругом (рис. 76). При дальнейшей расчистке камней оказалось, что они были беспорядочно навалены в погребальную яму и находились на глубине от 0,78 до 1,5 м.

После снятия и выборки камней обозначились верхние границы могильной ямы, которая в плане имела подокруглые очертания размером 1,0 х 1,05 м. Стенки её сужались ко дну, в особенности со стороны запада на 0,2 м, и неожиданно на глубине 1,2 м расширялись и переходили в небольшой подбой, вырытый со стороны запада и северо-запада.

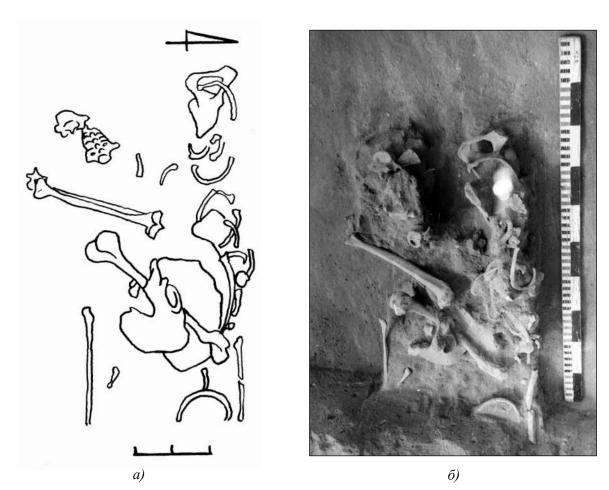
На дне могильной ямы на глубине 1,6 м лежал костяк взрослого человека плохой сохранности, скорченно, на правом боку, головой на северо-северо-восток (рис. 77). Череп почти не сохранился. Позвоночный столб почти прямой. Левая рука согнута под острым углом. От правой руки осталась только плечевая кость, сдвинутая в сторону. Ноги сильно поджаты и пяточными костями почти касаются костей таза. Кисти рук и стопы ног не сохранились. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 3 обнаружено в северо-северо-восточной стороне траншеи, окаймляющей постройку № 2 и заваленной камнями развала стен постройки. В развале выявлен каменный заклад погребения с максимальной длиной по линии западвосток — 2,75 м, а по линии север-юг — 2,5 м. Камни заклада лежали, в основном, компактной группой плашмя, но некоторые боковые камни были установлены на ребро с небольшим наклоном. Глубины залегания камней доходят от 0,33 м до 0,75 м.

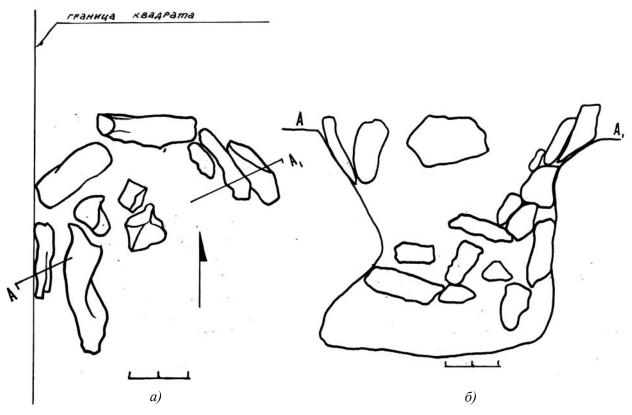
Костяк взрослого человека лежал на глубинах: в головах — 0,68 м, в ногах — 0,72 м, скорченно, на правом боку, головой на восток-восток-юг. Нижняя челюсть черепа разбита и подбородок лежал в стороне. Руки полусогнуты, сложены почти вместе и протянуты под единственную левую бедренную кость. Кисти рук, кости стоп и тазовые кости не сохранились (рис. 78).

Перед черепом погребённого, по-видимому, жгли костёр, так как это место (камни, земля, ракушка) носят следы закопченности. Прослеженное пятно со следами закопченности имеет несколько расплывчатые очертания, примерно продолговатой формы, растянутой с ЮЮЗ на ССВ размером  $0.56 \times 0.7 \text{ м}$ .

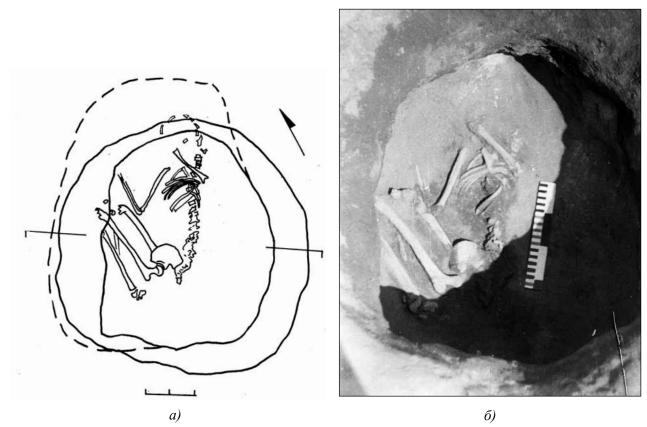
На расстоянии 0,27 м к северо-востоку от черепа находилась опрокинутая вверх дном нижняя часть лепного плоскодонного сосуда, внутренняя и внешняя поверхность которого обработана гребенчатым сглаживанием (рис. 79). Поверхность сосуда со следами неравномерного обжига и закопченности. Высота сохранившейся части сосуда 8,1 см, диаметр дна — 9 см. В тесто сосуда добавлен шамот, песок и незначительный процент органики. Сосуд был наполнен горелой землёй.



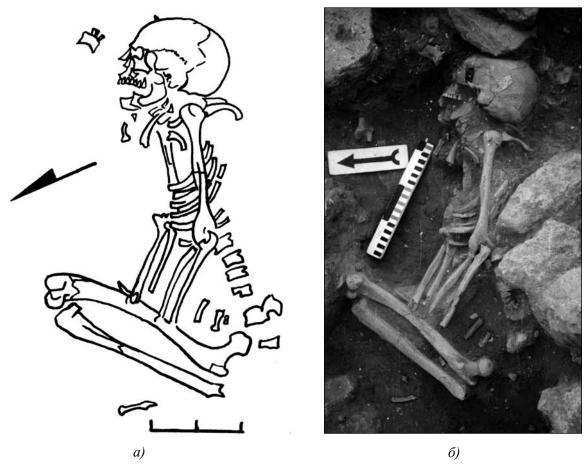
**Puc.** 75. Погребение № 1: a) — схема погребения; b0 — фотоснимок погребения



**Рис. 76.** Погребение № 2: a) — каменная выкладка над погребением; b0 — разрез погребения



**Рис.** 77. Погребение № 2: a) — схема погребения; b0 — фотоснимок погребения



**Рис.** 78. Погребение № 3: a) — схема погребения; b0 — фотоснимок погребения

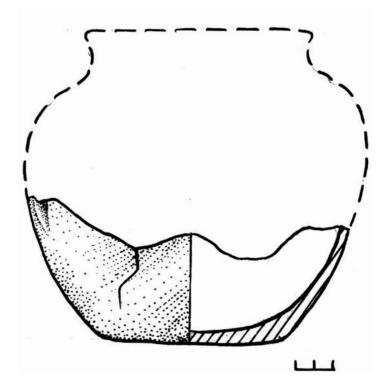


Рис. 79. Сосуд из погребения № 3

Таким образом, погребение было совершено в культурном слое поселения, которым был засыпан и на котором лежал погребённый.

**Погребение** № 4 находилось в 6,5 м к югу от северной апсидной стены каменного развала постройки № 2 и занимало центральную наиболее широкую часть площади постройки.

Границы могильной ямы не прослеживались, но, как удалось проследить, погребение находилось на глубине 0,42 м в погребённой почве, то есть выше материково-

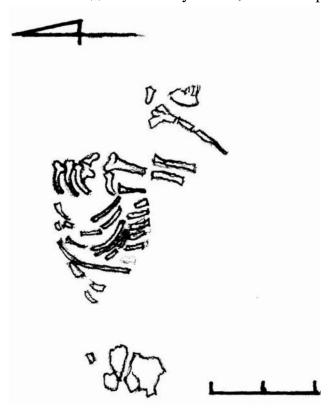


Рис. 80. Погребение № 4

го супесчанника с отложениями щебёнчатого грунта.

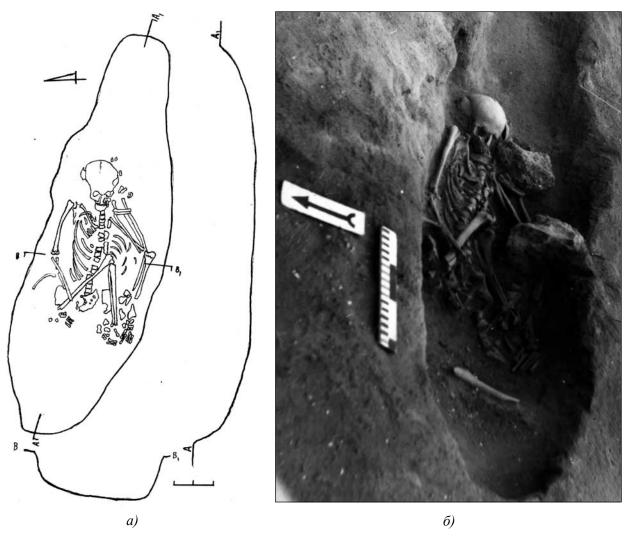
Кости детского скелета 7-10-летнего возраста сохранились частично: лицевая часть черепа, рёбра и часть согнутых рук (рис. 80). По трупоположению можно определить, что погребённый был положен скорченно, на левом боку, головой на восток. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 5. В 0,6 м северовосточнее погребения № 3 обнаружена могильная яма, заполненная горелой ракушкой. Яма погребения была выявлена на глубине 0,46 м и резко выделялась заполнением раковинами моллюсков на фоне материкового супесчанника. Яма была узкой, размером 2,08 х 0,55 м, вытянуто-продолговатой формы с искривлёнными краями. Яма вырезана в материке на глубину 0,22 м.

Костяк взрослого человека (женщины?) располагался на глубине 0,72 м посередине погребальной ямы. Костяк лежал скорченно, с полунаклоном на левый бок. Череп располагался ближе к северной границе ямы и обращён на восток. Верхняя челюсть повреждена и вывернута. Позвоночный столб изогнут. Правая рука слегка изогнута в локте и фаланги её пальцев находились в районе лобковых костей таза. Запястье этой руки лежит на прижатой к груди правой бедренной кости. Левая рука согнута в локте, который упирается в колено находящейся у стенки ямы согнутой левой ноги. Кисть левой руки находится под черепом. Стопы ног лежат у южной стенки ямы и вывернуты наружу (рис. 81).

Часть камней развала постройки № 2 перекрывала могильную яму, а в самой яме было обнаружено несколько костей животных, что может свидетельствовать о том, что погребение было совершено в то время, как на данном участке образовался культурный слой.

Погребение № 6 обнаружено за пределами постройки № 2 в виде ямы подовальной формы размером 0,8 х 1,15 м (по верху) и 0,6 х 1,18 м (по низу). Погребение находилось в 6,1 м от восточного развала стены постройки и 0,4 м от края окаймляющей постройку дренажной канавы. Могильная яма была вырыта в материковом слое на глубину 0,57 м от уровня его поверхности и на глубину 1,02 м от уровня современной дневной поверхности. Яма была заполнена культурным слоем поселения.

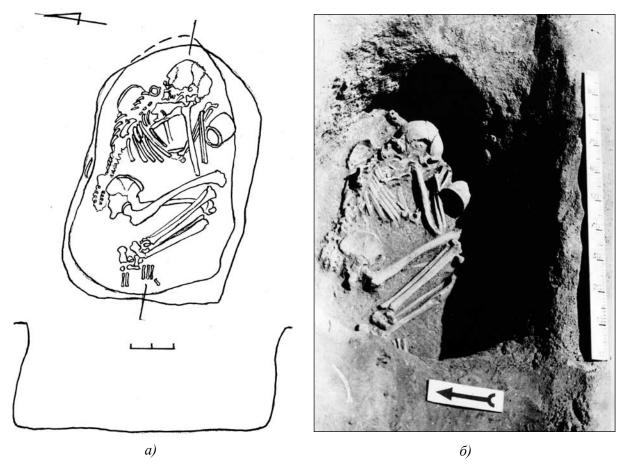


**Рис. 81.** Погребение № 5: a) — схема погребения; b0 — фотоснимок погребения

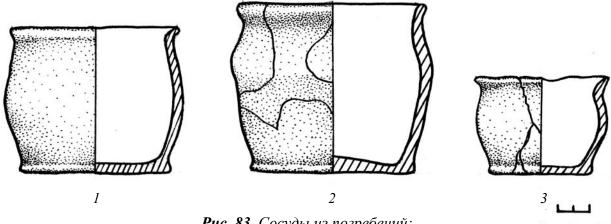
На дне её лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку, головой на восток. На левой височной кости имеется вмятина. Позвоночный столб полуизогнут. Шейные позвонки вывернуты наружу. Левая рука согнута и находится под скелетом, касаясь локтевым суставом нижних рёбер. Правая рука также согнута, параллельна южной стенке могильной ямы и упирается локтевым суставом в правую бедренную кость. Кости ног также согнуты и правая бедренная кость заходит на левую, слегка скрещиваясь. Голеностопные суставы почти поджаты к тазовым костям и фаланги пальцев ног упираются в западную стенку могильной ямы. Фаланги пальцев рук почти отсутствуют (рис. 82).

Между локтевыми костями обеих рук лежал на боку лепной сосуд баночной формы со слегка выпуклым туловом. Венчик сосуда несколько выступает наружу, заовален и имеет выделяющуюся шейку, переходящую в тулово. Ко дну тулово сосуда сужается. Дно плоское, со слегка выступающим рантиком. Высота сосуда 9 см, диаметр горловины — 9,9 см, диаметр дна — 9,1 см (рис. 83, 1).

Погребение № 7 находилось в 0,37 м к северу от дренажной канавы, окаймляющей постройку № 2, и было перекрыто грубо подработанной плитой размером 1,0 х 0,49 х 0,1 м, напоминающей антропоморфную стелу. Плита лежала на глубине 0,1-0,12 м от уровня современной дневной поверхности. Положение плиты фиксируется в направлении с юго-востока на северо-запад, и она перекрывает могильную яму подовальной формы размером 1,1 х 0,68 м, несколько сужающейся к северо-востоку. Могильная яма вырыта в погребённом чернозёме и частично в материке. Яма была заполнена культурным слоем поселения (костями животных, каменной щебёнкой, ракушкой, фрагментами керамики катакомбной культуры).



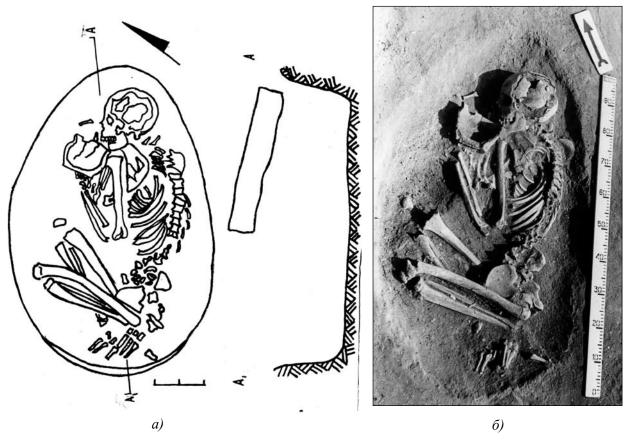
**Рис. 82.** Погребение № 6: a) — схема погребения; b0 — фотоснимок погребения



**Рис. 83.** Сосуды из погребений: 1 — погребение № 6; 2 — погребение № 7; 3 — погребение № 8

На дне могильной ямы на глубине 0,62 м лежал костяк погребённого, скорченно, на правом полубоку, головой на северо-восток (рис. 84). Правая рука костяка согнута и направлена кистью к височной кости черепа, создавая впечатление спящего. Левая рука также согнута. Её кисть сползла к локтю правой руки и, вероятно, поддерживала лежащее рядом дно лепного сосуда, края горловины которого касались зубов нижней челюсти черепа. Позвоночный столб изогнут, а левый бок костяка запал. Стопы ног сильно поджаты и пяточными костями касаются тазовых костей.

Сосуд баночной формы имел высоту 10,4 см, диаметр горловины — 10,9 см, диаметр дна — 10 см. Венчик сосуда отогнут наружу, немного срезан и плавно переходит в шейку. Тулово сосуда немного выпуклое, напоминающее рёберный перегиб. Дно плоское с несколько выступающим наружу рантиком (рис. 83, 2).



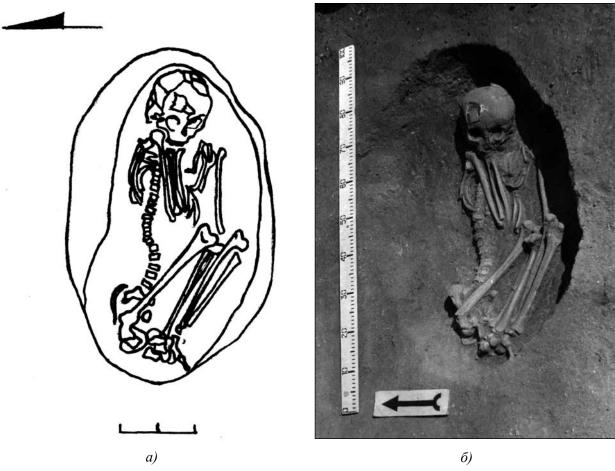
**Рис. 84.** Погребение № 7: a) — схема погребения; b0 — фотоснимок погребения

Погребение № 8 находилось в 2,6 м к югу от погребения № 6. Могильная яма была перекрыта каменным закладом, состоящим из множества мелких камней, лежащих на глубинах от 0.34 до 0.42 м от уровня современной дневной поверхности.

Под каменным закладом открылись границы погребальной ямы подовальной формы, которые прослеживались на глубине 0,51 м от уровня современной дневной поверхности. Яма была сориентирована по линии запад-восток и имела размеры 0,85 х 0,55 м по верху и 0,83 х 0,43 м по низу.

На дне ямы на глубине 0,68 м лежал костяк подростка в сильно скорченном положении, на левом полубоку, головой на восток. Череп погребённого сильно повреждён и несколько склонён на левую сторону. Правая рука сильно согнута в локте, а локтевая и лучевая кости этой руки наложены на лепной сосуд баночной формы, лежащий устьем к югу и на лопатке левой руки, плечевая кость которой вытянута с востока на запад. Локтевая и лучевая кости левой руки находятся под согнутыми ногами. Позвоночный столб изогнут. Тазовые кости вывернуты набок и кости ног сильно согнуты. Стопы ног вплотную примыкают к тазовым костям. Фаланги пальцев рук и ног растасканы грызунами (рис. 85).

Сосуд высотой 5,9 см имел горловину размером 6,9 х 7,9 см с диаметров дна 6 см. Шейка под несколько отогнутым венчиком постепенно переходит в тулово, оканчивающееся слегка выходящим наружу придонным рантиком. Сосуд миниатюрный, стенки его, в особенности в районе венчика, тонки — размером 0,04 см. Поверхность сосуда шероховатая, со следами неравномерного обжига. Тесто сосуда с примесью песка и добавлением толчёного мелкозернистого гранита (рис. 83, 3).



**Рис. 85.** Погребение № 8: а) — схема погребения; б) — фотоснимок погребения

# НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВА МАТВЕЕВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ И СТОЙБИЩ-ЛЕТОВОК ИНГУЛЬСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ (ИКК)

Изучение хозяйственной деятельности древних обществ является важнейшей, если не основной, отраслью науки.

Остатки материальной культуры, являющиеся основой изучения хозяйств, позволяют реконструировать различные трудовые процессы, сдвиги в производительной сфере, в развитии производительных сил этих обществ и воссоздавать, таким образом, картину экономики в целом.

В этом отношении особое значение имеет изучение поселенческих комплексов, содержащих практически все элементы, все данные для определения и характеристики не только отдельных отраслей, но и всего хозяйства.

В изучении хозяйственной деятельности племён ИКК, на наш взгляд, слабой стороной является преобладание исследования погребальных комплексов над поселенческими.

Но исследование в последние годы поселений и стойбищ-летовок ИКК заполняют лакуну в изучении хозяйственной деятельности племён ИКК, а раскопки такого поселения как Матвеевка I и ряда стойбищ-летовок, в частности, таких как Матвеевка II и Матвеевка III, даёт возможность реконструкции хозяйственной деятельности племён ИКК.

Значительную роль в формировании хозяйства племён ИКК играл географический фактор. Следует учитывать, что регион, занимаемый племенами ИКК, является степной зоной Северного Причерноморья с многочисленными видами флоры и фауны, которые человек в то время использовал, насколько это было возможно. Всё это предопределяло формирование и развитие основной, базовой отрасли хозяйственной деятельности племён ИКК. Корнями, питающими эту отрасль хозяйства, оставалась степь с её богатой и разнообразной растительностью, дающей надёжную и прочную кормовую базу для возникновения и развития скотоводства.

Все другие отрасли хозяйства ИКК являлись второстепенными относительно основной отрасли.

Среди памятников Ингульской катакомбной культуры поселение Матвеевка I занимает особое место. Этот памятник впервые в науке даёт целый комплекс хозяйственных представлений, которые раньше можно было наблюдать только как отдельные явления среди погребальных комплексов ИКК. И это не давало полного представления о различных сторонах хозяйства этой культуры. А комплексное изучение этого памятника даёт возможность реконструировать некоторые черты хозяйственной деятельности носителей ИКК на Матвеевском поселении.

Как показали раскопки поселения, здесь ведущей отраслью хозяйства являлось скотоводство. С целью сохранения, укрепления и умножения стада животных на территории поселения создавали наземные стационарные апсидные постройки с каменным основанием и каркасно-столбовой конструкцией, площадью в 215, 220

и 320 кв. м. При сооружении построек использовался местный материал (камень известняк, глина, песок, речной ил с раковинами моллюсков, очевидно, камыш и др.).

При этом будущие поселенцы умело использовали природные и ландшафтные условия — рельеф местности и направления господствующих ветров. Тем более, место для поселения было избрано весьма удачно: с юга — воды реки, с запада и севера — глубокая и широкая балка. А на берегу реки был источник пресной питьевой воды.

Для закладки фундамента и цоколя построек использовался камень известняк, выходы которого имеются как в балке, окаймляющей поселение, так и вдоль берега реки. Неизвестно, каким способом доставлялся камень на место строительства, но можно предположить, что при ломке камня его могли переносить либо на руках, если это добывалось рядом со стройплощадкой, либо доставлялось на место с помощью волокуш или повозок, если камень добывался, скажем, на берегу реки. Но при этом необходимо было организовать будущих обитателей поселения для каменоломных работ, погрузку и разгрузку камня, рытьё траншей под фундаменты постройки, укладку в определённом порядке камня. А затем — возведение плетнёво-глинобитных стен, что тоже занимает определённые усилия коллектива. Чтобы возвести глиняно-плетнёвые стены, необходимо было добыть известное количество глины, затем смешать глину с какой-то органикой (трава, навоз животных и др.) и водой, добавляя в смесь связующее вещество, которым являлись толчёные раковины моллюсков.

Для большей устойчивости сооружения камни значительных размеров устанавливались со стороны севера, тем самым образуя подобие апсидной стороны постройки.

Для плетения стен мог использоваться местный материал — камыш или кустарник, в обилии произрастающий по берегам рек или на склонах балок.

После того, как были сплетены и возведены стены, последние обмазывались глиной, смешанной с толчёной ракушкой и речным илом, с внутренней и внешней сторон постройки. Дело в том, что раковины моллюсков состоят из кристаллов углекислой извести и являются прекрасным вяжущим веществом раствора, который наносился на стены. Известь, содержащаяся в раковинах моллюсков при взаимодействии с глиной и водой и, при высыхании, с воздухом, придавала такому раствору прочность, цементировала стены [45]. Свойства раковин моллюсков как вяжущего вещества были известны многим культурам эпохи неолита, скажем, буго-днестровской культуры или усатовской, среднестоговской культурам эпохи энеолита, в тесте сосудов которых содержалась примесь толчёной ракушки. Или, например, смесь глины с раковинами моллюсков обнаружена в погребениях ямной культуры в Крыму, где ею замазывали щели в каменных перекрытиях могил [46].

Оштукатуривание стен построек, о методах возведения которых сказано выше, производилось с помощью плоских подокруглых каменных дисков — своеобразных мастерков (рис. 32, 9) диаметром от 7 до 11 см и толщиной от 1,7 до 3,5 см. Рабочие поверхности этих мастерков пришлифованы, относительно плоские, со следами затёртостей, что свидетельствует, скорее всего, о затирании ими стен построек<sup>1</sup>. И таких орудий в культурном слое поселения обнаружено десятки экземпляров [47].

Следует отметить, что, например, при создании экспериментальным путём прямоугольного дома размером 15 х 6 м в Аллерслеве в Дании «...понадобилось значительное количество строительного материала: столбы для стен высотой 2,5 м,

 $<sup>^1</sup>$  Трассологический анализ этих орудий был произведён сотрудником Ингульской экспедиции Института археологии НАН Украины  $\boxed{{
m A.M. Балушкиным}}$ .

четырёхметровые стропила для крыши, различные подпорки и перекладины, жерди для соединения стропил, множество прутьев лещины и ивы для переплетения стен, девять тонн глиняного раствора, вымешанного босыми ногами и размятого руками, воды... и, наконец, связки камыша для крыши. Столбы, стропила и перекладины соединяли с помощью зарубок и перевязывали их... Экспериментаторы тщательно фиксировали время, необходимое для выполнения отдельных работ. Они пришли к выводу, что одному человеку при десятичасовом рабочем дне нужно четыре дня для заготовки древесины для каркаса дома, десять дней для того, чтобы накосить... и нарезать камыша, восемь дней для заготовки прутьев и жердей, пять дней для заготовки глины и около пяти — для транспортировки материалов на место стройки. Двенадцать человек построили такой дом за десять дней. Пересчёт строительных работ на одного человека составляет 120 дней, а если добавить сюда 32 дня, необходимых для заготовки строительного материала, то в целом это составляет 152 дня. Эту задачу могла выполнить одна семья, состоящая из четырёх или пяти человек, примерно за пять недель...» [48].

Необходимо отметить, что при создании экспериментальным путём прямоугольного дома размером 15 х 6 м в Аллерслеве в Дании понадобилось значительное количество строительного материала. Если сравнивать размеры экспериментального дома с постройкой № 2 на поселении, то площадь постройки № 2 в 3,5 раза больше экспериментального дома. А это значит, на наш взгляд, что и время затраченное на постройку № 2 могло более чем в два раза превышать время потраченное на сооружение экспериментального дома.

Таким образом, такой трудоёмкий процесс как строительство объёмных по площади построек, предназначенных как для содержания скота, так и для проживания в них людей, может со всей очевидностью свидетельствовать о том, что в среде племён ИКК существовала категория опытных строителей со стажем работы. Только остаётся неизвестным: то ли у племён ИКК были свои строители, что кажется маловероятным из-за постоянных передвижений скота с пастбища на пастбище, то ли строителей нанимали со стороны на период возведения построек. Но как бы там ни было, без опыта строителя, смекалки и умения вряд ли могли бы быть созданы такие монументальные сооружения как три постройки, о которых идёт речь. Более того, при строительстве построек необходим был постоянный контроль. Ибо, если методика строительства где-то на каком-то участке могла быть нарушена, то такие постройки едва ли выдерживали напора степных стихий. А появление в среде племён ИКК строителей вызвано было, очевиднее всего, вынужденным уходом за скотом, его содержанием и сохранностью. А это требовало немалых усилий со стороны скотоводческо-пастушеских племён. А умение возводить в голой степи постройки являлось признаком наследия опыта предшествующих поколений таких же строителей, известных в предыдущих эпохах. Достаточно вспомнить, как в эпоху позднего неолита и в эпоху энеолита племена разных культур овладели способами ломки камня и обработки его, использования камня при сооружении разного предназначения построек. Поэтому не удивительно, что скотоводческо-пастушеские племена при общении с другими племенами и культурами более развитыми (а этого не могло не быть!) усваивали навыки строительного дела или нанимали для себя строителя из другой среды. И вполне допустимо, на наш взгляд, что апсидные постройки, получившие распространение на Балканах в разных культурах, могли быть своеобразным заимствованием у скотоводческо-пастушеских племён одной из форм загонов для скота, где полукруглая стена постройки обязательно устраивалась со стороны севера.

Ко всему сказанному выше следует добавить, что на остатках поселений эпохи поздней бронзы, таких, например, как Константиновка I или Пересадовка, на многослойном поселении Баловное, античном памятнике Козырка IX и ряде других памятников, в культурных слоях обнаружены фрагменты катакомбной керамики. На наш взгляд, на этих местах, скорее всего, существовали поселения типа Матвеевки I, но со временем на этих местах появляются носители более поздних культур, которые использовали камень построек предшествующей культуры для своих нужд. Поэтому неизбежны остатки следов пребывания на этих местах носителей катакомбной культуры в виде фрагментов лепной керамики.

Исходя из того, что были на месте поселения устроены постройки ИКК, можно утверждать и о возникновении такого явления как специализация строительного производства и организация трудового процесса под наблюдением и контролем опытного специалиста строительного дела. И, несмотря на полукочевой характер жизни поселенцев (сезонно-отгонный тип скотоводства), поселение Матвеевка I являлась базовым поселением, и уже можно говорить о частичной осёдлости носителей ИКК.

\* \* \*

Самым основным и массовым компонентом культурного слоя поселения Матвеевка I и стойбищ-летовок Матвеевка II и Матвеевка III и некоторых других летовок являются раковины моллюсков. Исследование раковин моллюсков на местах их скоплений свидетельствует об их формах и разнообразии.

Чаще всего на поселении и стойбищах-летовках встречаются:

- из класса брюхоногих моллюсков (отряд Мезогастроподы) лужанка Viviparus contectus;
- из класса двустворчатых моллюсков (отряд Униониды) обыкновенная перловица Unio pictorum; черноморская мидия Mytilus galloprovincialis;
- из класса двустворчатые моллюски (отряд Венериды) сердцевидка – Cerastoderma lamarcki; речная дрейссена — Dreissena polimorpha, а также цепея австрийская — Cepaea vindobonensis [49].

Известно, что двустворчатые моллюски (например, мидии) очищают воду, в которой обитают. Одна мидия способна за час отфильтровать, пропуская через себя, 3,5 л воды. Моллюски, которые живут на одном кв. м дна водоёма, за день очищают 280 куб. м воды.

Насыщенность культурного слоя поселения и некоторых стойбищ-летовок раковинами моллюсков приводит к выводу о том, что воды реки в эпоху бронзы были, скорее всего, пресными и чистыми.

Именно в таких условиях и могли существовать и размножаться многочисленные колонии различных речных моллюсков.

А ещё многие виды моллюсков служили дополнительным кормом как для людей, так и для животных, которых, очевидно, подкармливали ими из-за высокого содержания в раковинах кальция, необходимого организму животного [50].

Скотоводы эпохи неолита, энеолита и бронзы использовали раковины моллюсков многих видов. Об этом могут свидетельствовать находки раковин на стоянках, поселениях и в погребениях.

Использовались раковины не только как легко поддающиеся обработке разного рода украшения (бусинки, подвески, амулеты и др.), но и как орудия труда, в качестве обработки поверхности лепных сосудов и нанесения на их поверхности ор-

наментальных композиций. С этой целью раковины Unio подвергались обработке: по краю раковины наносились зубчики, с помощью которых и осуществлялось на поверхности сосуда гребенчатое сглаживание и нанесение орнамента. Это явление было широко распространённым у племён ИКК.

Приводимые ниже выборочные примеры находок раковин моллюсков только в погребениях катакомбной культуры могут свидетельствовать о том, что раковины моллюсков находили применение не только при жизни, но и после смерти: их владельцы с ними не расставались.

Ещё в середине XX века при раскопках курганного могильника у с. Кут Апостольского района Днепропетровской области, в погребении 5 кургана 27 и в погребении 4 кургана 28 были обнаружены створки раковин моллюска Unio [51].

Среди курганов, раскопанных возле совхоза Аккермень I, обращает на себя внимание погребение 2 в кургане 11, в котором была обнаружена створка раковины перловицы [52].

Также при раскопках курганов у райцентра Великий Токмак Запорожской области в погребении 1 кургана 4 была найдена морская раковина [53].

В районе среднего Дона при раскопках курганов у деревни Ильмень Воронежской области в погребении 7 кургана 1 были найдены «...девять перламутровых круглых плоских бусин с отверстием в центре...», но В.И. Погорелов, исследуя ямно-катакомбные погребения и инвентарь курганов Среднего Дона, почему-то утверждал, что раковинные бусы «...практически не характерны для катакомбной культуры...», с чем нельзя согласиться, ибо это противоречит действительности. Так, ещё С.Н. Братченко отмечал наличие в ряде погребений раннего этапа донецкой катакомбной культуры не только отдельных створок раковин моллюсков, но и раковинных бус [54].

На территории Молдовы также зафиксированы погребения катакомбной культуры, в одном из которых, а именно — в погребении 2 кургана 14 у с. Олонешты, возле темени погребённого лежала створка раковины Unio [55].

В погребении 7 кургана 8 в курганной группе Петро-Михайловка II в Днепровском Надпорожье обнаружена створка раковины Unio, а в северо-западном Приазовье в погребении 11 кургана 6 — обломок створки такой же раковины Unio [56].

Любопытен факт обнаружения в погребении 6 раскопанного кургана у г. Васильевка Запорожской области украшения в виде костяных бус и пронизей с винтовой нарезкой, среди которых была раковина cardio [57].

При раскопках могильника, известного как Мамай-гора, на левом берегу Днепра к югу от Каховского водохранилища у с. Великая Знаменка было вскрыто несколько погребений, в инвентаре которых содержались также и створки раковин Unio [58].

В северо-восточном плато о. Хортица был доследован один из курганов курганной группы. Основное катакомбное погребение было совершено в овальной могильной яме и рядом с погребённым стоял сосуд, наполненный створками раковин Unio pictorum и Dreissena polimorpha. Сосуд со створками раковин напоминает сосуд, но иной формы с раковинами моллюсков, обнаруженный в постройке № 1 Матвеевского поселения [59].

В курганной группе у с. Новочерноморье в погребении 6 кургана 4 на дне могильной ямы находился слой ракушек толщиной 3-5 см, а сама яма была засыпана чернозёмом с ракушками [60].

В Крыму также зафиксированы отдельные находки раковин моллюсков. Например, в погребении 27 кургана 9 у с. Танковое на поясе погребённого был отмечен

амулет из морских раковин, а в погребении 36 кургана 2 возле с. Мартыновка среди инвентаря находилась просверленная морская раковина [61].

Также в кургане, находившемся на трассе Москва-Симферополь, близ г. Васильевка, в погребении 8, типичном для ИКК, обнаружены раковины Unio. Такие же находки раковин моллюсков отмечены в погребении 9 кургана у с. Филатовка, в погребении 15 кургана 10 у с. Наташино — две раковины cardium, в кургане, раскопанном у с. Акимовка в погребении 11 было обнаружено ожерелье из костяных пронизей с винтовой нарезкой и двумя раковинами cardium [62].

Что касается непосредственно погребений ИКК на Ингуле, то в них также обнаружены, хотя и с редким исключением, створки раковин моллюсков (в погребении 19 кургана 1 у с. Пелагеевка и в погребении 13 кургана 6 у с. Ковалёвка на Ю. Буге) [63].

Помимо разного рода украшений, раковины моллюсков, обнаруженные в погребениях, выполняли также роль орудий труда. Так, в погребении 6 кургана 2, расположенного у с. Соколовка на Ингуле найдена створка раковины с зазубринами для обработки сырой поверхности лепной керамики [64].

Наряду с кремнёвыми, каменными, костяными и другими видами твёрдых материалов, из которых изготавливались орудия труда, створки раковин моллюсков, как относительно твёрдый материал, использовались как ретушеры, для подчистки древков, в качестве орнаментиров. Не исключено использование раковин с зазубринами в качестве деревообрабатывающего инструмента, а также как резчик для кожи [65].

Таким образом, раковины моллюсков являлись неотъемлемой частью для населения ИКК приморских и речных регионов, которые использовали содержимое раковин не только как элемент дополнительной белковой пищи, но и как украшения и инструментарий при различных производственных процессах.

\* \* \*

Рассмотренные выше поселенческие материалы дают основу для выявления формы и содержания скотоводческого хозяйства Матвеевки I.

Опираясь на этнографические, некоторые археологические данные, и основываясь на собранном остеологическом материале, попытаемся реконструировать такое хозяйство Матвеевского поселения.

Как известно, скотоводство разделяется на два основных направления: кочевое скотоводство и полукочевое с различными вариациями (пастушеское, придомное, отгонное и пр.).

Главной ценностью для скотоводов являлся скот и его видовой состав, который зависел от многих причин. Как показали исследования этнографов, состав стада зависел от того, какое хозяйство было у скотоводов. Если скотоводы вели кочевой образ жизни, то предпочтение отдавалось мелкому рогатому скоту, который преобладал в стаде и мог без особых усилий передвигаться на далёкие расстояния. А если у скотоводов был полукочевой образ жизни, предпочтение отдавалось крупному рогатому скоту, который не мог передвигаться на далёкие расстояния.

Весьма любопытные данные о хозяйстве и составе стада у жителей Матвеевского поселения и стойбищ-летовок Матвеевка II и Матвеевка III получены при исследовании остеологических материалов. Остеологическая коллекция только с поселения Матвеевка I после Михайловки является одной из самых значительных среди памятников ранней бронзовой эпохи степной зоны Восточной Европы (Матвеев-

ка I — около 20000, Михайловка – около 50000). А если к коллекции остеологического материала добавить костные остатки с Матвеевки II и Матвеевки III, то коллекция остеологического материала будет превышать коллекцию Михайловки почти в 2 раза. Абсолютное большинство костей принадлежит домашним животным. По количеству особей в составе стада поселения господствующее положение занимает крупный рогатый скот (61,29%), на втором месте — мелкий рогатый скот (28,32%), на третьем — лошадь (6,45%), доля свиней незначительна (1,29%). Подобный состав стада отмечен О.П. Журавлёвым и Л.В. Сычёвой для катакомбных поселений Кирово в Крыму и Ливенцовка на Нижнем Дону. Сходное положение в составе стада характерно и для поселений среднедонской катакомбной культуры [66]. На более близких территориях Северного Причерноморья, в частности — в составе стада верхнего культурного слоя Михайловского поселения, также наблюдается аналогичная ситуация [67]. В его составе крупный рогатый скот занимает 44,2%, мелкий рогатый скот -32,7%, лошадь -17,8%, свинья -2,2%. Состав стада с преобладанием крупного рогатого скота характерен для поселений дотрипольского времени, как отмечал В.И. Цалкин [68]. А у оседлоземледельческих трипольских поселений состав стада претерпевает значительные изменения за счёт сокращения поголовья крупного рогатого скота и увеличения свиней и мелкого рогатого скота [69].

Как отметил О.П. Журавлёв, можно считать, что на Матвеевском поселении разводилась комолая порода домашнего быка [70], который превышал своими размерами домашних быков на более поздних памятниках, таких как поселения культуры Ноа, срубной культуры Северного Причерноморья, Среднего Подонья и Приуралья, а также андроновской культуры. Таким образом, на Матвеевском поселении разводилась порода крупного рогатого скота, которая не имела аналогов в более позднее время.

Анализ костей быка домашнего показал, что на Матвеевском поселении они в значительной мере исполняли роль тягловой силы [71]. А это наводит на мысль, что характер хозяйства на поселении мог бы быть земледельческо-скотоводческим с мясо-молочным направлением в разведении крупного рогатого скота. С последним ещё можно согласиться, а что касается земледелия, то здесь возникают некоторые сомнения.

Если склоняться к тому, что бык домашний мог быть использован как упряжное животное при земледельческих работах, то этому прямых доказательств в данном случае нет. И если на поселении было найдено пару растиральных плит типа зернотёрок, это ещё не значит, что обитатели поселения занимались земледелием. Такие плиты типа зернотёрок могли использоваться под разные хозяйственные нужды (перетирание некоторых растений зерновых культур, корней, известняка, раковин и пр.). Но если усматривать такие плиты-растиральники в качестве зернотёрок по прямому назначению, то вполне допустимым является, на наш взгляд, то, что зерновые культуры могли поступать на поселение путём обмена с соседними племенами, занимающимися земледелием. Поэтому, в данном случае, вряд ли стоит утверждать, что быка использовали в качестве упряжного животного при земледельческих работах.

Как нам представляется, бык домашний, скорее всего, использовался при различных тяжёлых работах (о чём выше уже упоминалось), при передвижениях на небольшие расстояния. Кстати, как видно из коллекции остеологического материала, роль лошади в хозяйстве поселения ничтожно мала, поэтому вся «чёрная» работа выпадала на долю быка домашнего.

Как показывают некоторые исследования курганов в разных районах Северного Причерноморья, в ряде катакомбных погребений были обнаружены остатки повозок (кибиток), колёса от них, да и модели кибиток [72]. В ряде случаев вместе с остатками повозок были обнаружены черепа быков. Очевиднее всего, в повозки, сброшенные в погребения, были впряжены быки, части скелета которых (череп, кости ног и др.) могли быть использованы в качестве жертвенной пищи [73].

Всё это наводит на мысль, что быки Матвеевского поселения могли быть использованы при наступлении весны в качестве впряжённого в транспорт (кибитку) животного, перевозящего часть обитателей поселения на пастбища-летовки, находящиеся в 4-4,5 км к западу и северо-западу от поселения (летовки Матвеевка II и Матвеевка III). Так, в течение светового дня кибитка, запряжённая парой быков, могла достичь месторасположения летовок.

Другим крупным животным на поселении являлась лошадь, и обитатели поселения использовали её, очевидно, для различных подручных работ или как мясной продукт. Видимо, в ту пору лошади не придавали такого значения как быку домашнему.

А мелкий рогатый скот использовался не только в качестве мясной продукции, но и для обработки снятых шкур и изготовления различных шерстяных изделий, а также войлока [74]. Остатки последнего иногда обнаруживают в погребениях катакомбной культуры в качестве подстилки под погребёнными, как например, в погребении № 33 в кургане № 1 у с. Пересадовка Николаевской области [75].

На месте же расположения летовок (см. Приложение № 1) скот под присмотром пастухов и сторожевых собак (кости последних выявлены среди остеологического материала с поселения и летовок), выпасался в течение весенне-летне-осеннего периода на подножном корму с обилием травяного покрова и рядом находящимися водами реки.

Таким образом, по данным исследования Ек. Е. Антипиной «...биологические характеристики крупного рогатого скота ставят его вне конкуренции по чрезвычайному разнообразию форм его эксплуатации и получаемой от него продукции (молоко, мясо, кровь, навоз, шкура, кости и рог, возможность перевозить тяжести) и делают его наиболее универсальным сельскохозяйственным видом. Учитывая это, очевидно, что в условиях умеренного климатического пояса, где этот вид может существовать под открытым небом в течение круглого года, при обилии и доступности естественных зимних кормов или при условии его обеспечения заготовленными кормами в зимнее время (в южной части Восточной Европы зимний период довольно непродолжителен — два, максимум три месяца) разведение крупного рогатого скота было и остаётся наиболее рентабельным по сравнению со всеми остальными сельскохозяйственными видами.

В отношении хозяйственной значимости с крупным рогатым скотом сравнима лошадь. В районах с высоким снежным покровом, где крупный рогатый скот не в состоянии добыть естественный корм из-под снега и его разведение требует обязательной заготовки кормов на зиму, разведение лошади оказывается во многих случаях даже более эффективным...» [76].

Как известно, основой экономического развития кочевых пастушеских племён является скотоводство: разведение, содержание одомашненных животных, изготовление и потребление продуктов животноводства.

При этом немаловажную роль играл географический фактор: для выпаса и содержания скота на выбранной местности предпочтение отдавалось местам с от-

носительно продолжительными и устойчивыми природными условиями. Такими местами являлись степные пространства с сочной растительностью, чаще всего произрастающей в речных долинах или в поймах рек.

Археологически засвидетельствовано, что скотоводы ИКК тяготели именно к речным долинам, поймам рек или к небольшим приречным участкам, где, очевиднее всего, мог содержаться скот во время весенне-летне-осеннего выпаса. Именно такие участки занимались летовками и поселениями ИКК вдоль больших и малых рек, а также лиманов Северо-Западного Причерноморья [77]. На ряде летовок культурный слой бывает едва уловимый, но чаще всего уничтожен распашкой или другими земляными работами.

На некоторых памятниках более позднего времени, таких, например, как поселения эпохи поздней бронзы Пересадовка на Ингуле [78] и Константиновка I на Южном Буге [79], памятник античного времени Козырка IX [80] и другие, обнаружены характерные для ИКК фрагменты керамики и орудия труда. Всё это не может не свидетельствовать о том, что на местах таких памятников могли быть либо поселения, либо летовки, относящиеся к ИКК.

Разведение и содержание скота, а также производство и потребление продуктов животноводства, предполагает наличие многочисленных и разнообразных операций, составляющих трудовую деятельность скотоводов.

Например, знания и опыт пастухов, их поведение при появлении на свет молодняка, а также строгое неукоснительное соблюдение определённых правил, передаваемых из поколения в поколение, создавали все условия для выращивания крепкого и здорового молодняка при целостности и увеличении стада.

Сохранение и увеличение поголовья скота — основная забота скотоводов, которая основывалась на уменьшении заболеваний животных, на тщательном уходе за ними. Опыт поколений скотоводов подсказывал, что там, где скот находился в заботливых руках, сохранялось его поголовье, увеличивалась его мясо-молочная продуктивность. А это заставляло направлять усилия для создания относительно прочной кормовой базы типа летовок не только в благоприятные для скота времена года, но и в зимний период, когда ограниченность в кормах отрицательно сказывалась на поголовье.

Но если животные поступали в сырые холодные помещения, если ощущался недостаток в кормах, если скот терпел многое от неумелого ухода и т.п., то он мог вскоре вырождаться. Как известно, безрогий скот называется комолым и рога как крупного, так и мелкого скота так и не были найдены ни на поселении, ни на летовках. Исключение составляет находка черепа быка с рогами в яме коллективного погребения на летовке Матвеевка II [81].

Так что, возможно, по многим причинам на поселении и летовках могли быть случаи падежа скота, и это, очевидно, также можно связывать с какими-то болезнями животных, малоизвестных скотоводам и со значительным остеологическим материалом.

Некоторые факторы, связанные с животными, могли быть и негативного характера: болезни, иногда массовый падёж скота, степные пожары, а вместе с ними и гибель какой-то части стада, угоны скота враждебными племенами, нападение хищников на стадо, борьба за пастбища и их расширение, за корма и многое другое. И те, кто постоянно находился со скотом, нёс всю ответственность за него.

При получении раны или каких-либо других повреждений у животного, его скорее всего забивали. Тогда же и производился процесс разделки туши животного, который нам неизвестен. Хотя можно предположить, что даже тогда проявлялись

навыки у скотоводов по определению частей туши и её разделки. Шкура животного снималась и затем подвергалась обработке теми способами, которые были известны и доступны для того времени.

Не вдаваясь в подробности описания обработки шкур и кож животных [82], важно отметить, что в археологическом плане применялись не только кремнёвые, но и керамические, и костяные скребки, и скобели, а также иные изделия для работы со шкурами и кожей.

Как показывает найденный на поселении костяной инструментарий, отдельные орудия этой коллекции как раз и служили для различных процессов при обработке шкур и кож животных. К ним можно отнести: костяной скребок (рис. 46, 6), тупик для разминания кожи на колоде (рис. 47, 5), тупики для сгонки жира и мездры (рис. 47, 6), тупики для сгонки жира и тиснения (рис. 47, 4), керамические скребкилощила (рис. 48, 3-5), приспособление для калибровки и разминания узких полос кожи (рис. 44, 4, 6), разминатели шкур, кож и ремней (рис. 44, 4, 6), гладилка для разглаживания швов кожаных изделий (рис. 46, 4), качедыки (рис. 45, 4-4), нож для раскроя тонких шкур (рис. 48, 4).

Кроме обработки шкур, снятых с толстокожих животных (тур, олень благородный и др.), шкурки таких животных как заяц или лисица обрабатывались по-иному и шли, как нам представляется, для изготовления меховых изделий.

Экспериментальным путём и этнографическими материалами доказано, что обработка шкур и кож животных — это настолько длительный и трудоёмкий процесс, что мог состоять из нескольких дней и в этом процессе ведущую роль обычно играли женщины [83].

Волосогонка, мездрение, дубление, замшение и другие процессы обработки шкур и кож животных, как упоминалось выше, занимало довольно продолжительное время и при этом использовались некоторые природные ресурсы. Например, при дублении кож обитатели поселения и летовок могли применять такое растение как толокнянку, в ту пору растущую кустарниками по балкам и по берегам рек и речных долин, и, видимо, кору ивовых деревьев, произрастающих там же. Но основой при дублении кож считался животный жир, которым пропитывали кожу. Вот почему, на наш взгляд, на поселении и летовках скапливалось большое количество костей животных, которых забивали не только ради мясной пищи, но и ради кожи, из которой после соответствующей обработки можно было бы изготавливать необходимую одежду и обувь.

Снятие шкуры и обработка её и кожи, обработка рога и кости животных и изготовление из них орудий труда и различных поделок — всё это требовало особого умения и мастерства и, как нам представляется, было широко распространено среди скотоводческих племён и, видимо, считалось явлением обычным, хотя нельзя не отрицать, что среди скотоводов выделялись виртуозы — подлинные мастера своего дела, которые, вероятнее всего, ценились за мастерство и свой опыт.

После того, как шкура и кожа животных прошли все этапы обработки, из этих материалов могли изготавливать также различные предметы хозяйственного обихода: мешки, сумки, ремни, вёдра и др.

Нательную одежду изготавливали путём прядения из шерсти (овца, коза), о чём свидетельствуют находки пряслиц, и путём валяния — войлочные изделия, подтверждением чему является подстилка из войлока, обнаруженная в погребении № 33 в кургане № 1 у с. Пересадовки на Ингуле [84]. Кстати, погребение по времени и культурной принадлежности относится к ИКК. К такому же типу относится и по-

гребение № 20 в кургане № 8 в курганной группе Калиновки II на Ингуле, в котором удалось проследить на погребённых остатки войлочной обуви (?), а под ними — фрагменты войлока и кожи, что может служить свидетельством того, что обитатели Матвеевского поселения могли носить шерстяную и кожаную одежду и кожо-войлочную обувь [85]. Такая обувь напоминала бы обувь причерноморских скифов, как например, выявленная обувь в погребении № 5 кургана № 2 у с. Булгаково Баштанского района Николаевской области [86]. Или обувь типа мокасин североамериканских индейцев [87].

Как нам представляется, для сохранения поголовья скота и кормов, скотоводы — обитатели поселения создавали долговременные постройки на каменной основе, которые сохраняли животных от болезней, падежа, гололёда и др., а рядом с постройками возводили пристройки на глиняной основе, в которых могли сохраняться запасы кормов на зимний период.

В этой связи нами допускается мысль о том, что именно забота о сохранении поголовья скота создавало скотоводу предпосылки для существования относительно прочной кормовой базы, которой могло быть поселение, выполняющее функцию зимника, для зимнего стойлового содержания скота.

\* \* \*

На поселении и летовках обнаружен самый широкий набор орудий труда, предназначенных для различных трудовых процессов, что делает исследование поселений и летовок ИКК в дальнейшем явлением целесообразным и результативным. Хотя бы ради того, чтобы стала более понятной экономическая сторона жизнедеятельности носителей ИКК, ибо до настоящего времени делались лишь попытки набросать некоторые черты хозяйственной деятельности племён ИКК путём изучения их погребального инвентаря.

К тому же, прав был Р.М. Мунчаев, когда говорил о том, «что на материалах одних погребальных комплексов невозможно создать целостное представление ни об археологической культуре, ни тем более об особенностях культурно-исторического процесса...» [88].

Как уже упоминалось, разнообразные орудия на поселении и летовках применялись при различных трудовых процессах. И применялись не только одноразово, но были и такие, которые имели полифункциональное назначение. С применением трассологического анализа назначение каждого орудия остаётся неоспоримым.

На поселении трудовые процессы сосредоточивались между постройками, а на летовках — на пространстве, как нам представляется, между кибитками, в которых скотоводы и их семьи обитали временно. Правда, на летовках Матвеевка II и Матвеевка III выявлены ямы и неглубокие траншеи для сбрасывания хозяйственного мусора.

В первые годы существования поселения труд скотоводов был направлен на обустройство загонов для скота, рытья отводных канав вокруг построек, дренажных траншей и ям для хозяйственных отходов. То есть, на поселении минимально соблюдались санитарные нормы. Но когда начался медленный спад в жизни поселения, то обводные канавы и дренажные траншеи стали заполняться хозяйственным мусором, образуя таким образом один из элементов культурного слоя.

Среди этого хозяйственного мусора или отходов различных производств удавалось выявлять целые орудия труда или их обломки.

При производстве трудовых процессов решающее значение имел выбор материала для изготовления орудия труда. При этом, как известно, находили использование подручные материалы. Обитатели поселения использовали весь арсенал таких материалов, которые находились рядом или неподалёку (камень известняк, глина, раковины моллюсков, камыш, кремень и др.). Что же касается твёрдых горных пород, то их приходилось, как нам представляется, выменивать на мясо-молочные продукты или на различные изделия из кожи, гончарные изделия и др. За твёрдыми породами камня, по всей вероятности, снабжались экспедиции с целью торгового обмена.

Обращает на себя внимание, прежде всего, разнообразие орудий из твёрдых горных пород камня, найденных как на поселении, так и на летовках. Все эти твёрдые породы камней являются осадочными метаморфическими породами, содержащимися в толщах Украинского кристаллического щита. При этом большей частью выделяются гранитно-гнейсовые и сланцевые породы, из которых можно назвать гнейс биотитовый, сланец гематитовый, кристаллический сланец, гнейс пироксен-биотитовый, слюдистый сланец, гнейс-гранит биотитовый, гематитовый сланец с небольшим количеством магнетита — аториболит (?), гнейс биотит-мусковитовый, гнейс биотитовый хлоринизированный, гнейс биотитовый выветренный, кварц-гематитовый сланец, гнейс пироксеновый, кремнистый сланец, глинистый сланец.

Из других пород камня следует отметить кремень, кварцит, кремнистую гальку с известковым налётом, кварцитовую гальку, песчаник, кварцитовый песчаник пористый, магнетит — гематитовый кварцит, филлит (сфицитовый минеросланец), гематитовый минерокварцит, диабазовый порфирит (обломок молотка), органогенно-кремнистый известняк, металитовая конкреция, кремнисто-марганцовистое стяжение (?)<sup>2</sup>.

Как показывают геологические исследования Украинского кристаллического щита, указанные выше породы камня могли располагаться выше степной зоны, на которой находится поселение Матвеевка I и летовки Матвеевка II и Матвеевка III, то есть, ближе к лесостепной зоне, там, где наблюдаются Врадиевский и Первомайский разломы [89].

К сожалению, остаётся неясным, как в руки носителей различных археологических культур эпохи средней бронзы могли попадать такие твёрдых горных пород камни. То ли эти камни были найдены при разного рода оползнях, обрушениях некоторых частей горных пород вдоль речных берегов, перерезающих Украинский кристаллический щит, или же целенаправленной добычей человеком. Последнее неизвестно науке. Пока не открыты шахты или пещеры по добыче таких пород камня.

Твёрдость камня как нельзя лучше устраивала мастера при использовании его как орудия труда или оружия.

Таким образом, от материалов, которые попадали в руки и обрабатывались мастером, во многом зависела эффективность трудовых процессов.

Однако ограниченность в наличии твёрдых пород камня сказывалась на трудовых процессах и сковывала их дальнейшее развитие. Поиски новых материалов для изготовления некоторых орудий труда и оружия, значительно более эффективных по сравнению с уже существующими, толкало мастера к выходу из устоявшихся традиций при хозяйственных работах. Всё это находило выход в торговом обмене или в каких-то обменах опытом в среде мастеров других дружественных племён.

 $<sup>^2</sup>$  Анализ и определение пород камня было проведено подразделением «Северо-Николаевской гидрологической партией «Производственно-геологического объединения «Крымгеология».

Это могло давать новые материалы и результаты, в корне отличающиеся от материалов и качества работ, которыми пользовались, скажем, десятилетиями. Но поиск новых, более действенных материалов и приспособление в дальнейшем их к работе, создавало определённые трудности, которые в конечном итоге давали положительные результаты. Здесь нельзя не отметить то обстоятельство, что устоявшаяся форма того или иного орудия, прошедшая испытание временем, не могла уже давать того эффекта, которого требовали новые приёмы труда. Чувствуя неэффективность при работе старого орудия при новых приёмах труда, мастеру приходилось либо отказываться от устоявшейся формы орудия, либо её совершенствовать. Устоявшуюся форму орудия можно было подправить так, чтобы оно при старой форме могло по-новому выполнять старые функции. Примером такого орудия может служить кремнёвое изделие с поселения Матвеевка I, которое, возможно, вначале выполняло роль скребка, а со временем было подправлено мастером с двумя дополнительными функциями — резца и скобеля. Таким образом, орудие стало полифункциональным (рис. 38, 11) и тем самым могло создавать определённую эффективность, придавая трудовым процессам новое направление.

Другим немаловажным подспорьем в трудовых процессах являлась экономия материалов неместного происхождения. Такое явление объяснялось отсутствием их в данной местности и, возможно, дороговизной поставок этих материалов. В этой связи наблюдается вторичное использование сработанных и бракованных орудий, примером чему может служить сработанный каменный молот (?), используемый уже вторично как шлифовальное орудие с поселения. Это создавало и другой эффект — длительную сырьевую базу твёрдых пород камня для их постоянного использования.

Употребление в быту шкур и кож животных создавало предпосылки также и для использования отходов производства при обработке шкур и кож (щетина, шерсть, волосы, пух, рога, кости и др.). Это служило, как уже упоминалось, для таких отраслей хозяйства как прядение, ткачество, обработка кости и рога и изготовление из них орудий труда. Свидетельством того, что на поселении существовали прядение и ткачество, является находка фрагмента керамического пряслица и фрагмента глиняного грузика, которое могло служить в качестве противовеса в примитивном ткацком станке.

Находка в культурном слое поселения половины балласта-утяжелителя для примитивного сверлильного станка (рис. 33, 3) и находки высверлин при сверлении каменных топоров, свидетельствуют о развитии сверления в среде мастеров по обработке камня. К орудиям для сверлильных работ относятся и такие приспособления для ручной дрели, как подшипники, изготовленные из камня и кости (рис. 33, 2; 45, 13).

Анализируя функции различных орудий, можно говорить о том, что существовали и другие технологические приёмы, применяемые различным инструментарием, о чём уже было сказано выше в соответствующих главах.

Как известно, обитатели поселения и ближайших летовок также занимались собиранием речных моллюсков. Это одно из второстепенных видов хозяйственной деятельности, одно из направлений создания прочной кормовой базы как для человека, так и для животных. При ограниченности сочных кормов (травы, сена и др.) вполне пригодными в пищу как человеку, так и в качестве добавки белковых веществ и кальция животным стада могли служить речные моллюски, массовые колонии которых водились в водах Днепро-Бугского лимана. Огромные слежалые массы таких раковин моллюсков можно обнаружить не только в районах построек на поселениях Матвеевка I, Константиновка I и др., но и на летовках (Николаевская обсерватория,

Матвеевка II и Матвеевка III, Константиновка II и др.). Порой они составляют сцементированные пласты мощностью от 0,1 до 0,6 м.

Показателем собирания речных раковин моллюсков является обнаружение в постройке № 1 на Матвеевском поселении разбитого сосуда типа корчаги, заполненного раковинами моллюсков. Видимо, эти раковины предназначались для добавочного корма скоту, однако, непредвиденные обстоятельства помешали осуществить операцию. Вследствие этого сосуд с раковинами был оставлен.

Местоположение поселения Матвеевка I, как и местоположение других поселений и летовок на берегах рек и лиманов располагало к занятиям рыболовством и собиранию моллюсков. Достаточно обратиться к некоторым материалам остеологической коллекции Матвеевского поселения и относящихся к нему летовок, чтобы в достаточной степени убедиться в том, что скотоводы этого поселения занимались рыбной ловлей. А это значит, что помимо мясо-молочной пищи, они потребляли и рыбные продукты, из которых выделяются щука, карповые и осетровые рыбы, а также дельфин. Дополнительным свидетельством в пользу сказанного являются находки слегка окатанных известняковых камней с поперечным перехватом, которых можно отнести к рыболовным грузилам для крупных сетей и небольших каменных грузиков с небольшими просверлинами в верхней части, предназначавшихся, вероятнее всего, для мелких сетей (рис. 31, 8; 32, 3, 4). К этому следует ещё добавить, как показал трассологический анализ некоторых костяных изделий, три из них предназначались, как упоминалось выше, для вязания и плетения сетей с помощью наконечников сложных кочедыков (рис. 45, 5-7). Всё это свидетельствует в пользу того, что рыболовство у скотоводов ИКК играло на поселении и, возможно, на летовках немаловажную, хотя и подсобную роль.

Видимо, такую же подсобную роль у скотоводов Матвеевского поселения и летовок играла охота. Об этом свидетельствуют кости диких животных среди остеологических материалов, исследованных О.П. Журавлёвым<sup>3</sup>.

Среди крупных диких животных, на которых охотились скотоводы — носители ИКК, выделяются парнокопытные млекопитающие тур или зубр, олень благородный, сайгак и вепрь. На других диких животных (таких, как лисица, барсук и заяц) охотились, очевиднее всего, для добычи шкурок, которые затем обрабатывались соответствующим образом с целью пошива меховых изделий или для торгового обмена.

Кроме таких животных в остеологической коллекции встречены также кости птиц, к сожалению, не поддающиеся определению. Но, как нам кажется, эти кости могли бы принадлежать такой степной птице как дрофа, или каким-то видам водоплавающих.

Находки на поселении и летовке Матвеевка III кремн'вых наконечников дротика и копий (рис. 38, 7, 8) могут лишний раз свидетельствовать о занятиях скотоводов охотой. На поселении у входа в постройку № 1 были обнаружены две пары боласов — каменные метательные круглые шары на верёвке или длинном ремне, зашитом в кожу. Они также предназначались как для охоты с близкого расстояния, так и для ловли и стреноживания домашних животных (рис. 30) [90].

Таким образом, у носителей ИКК Матвеевского поселения и летовок, как показывают археологические данные, помимо основного занятия скотоводством, существовало и несколько вспомогательных жизненно необходимых отраслей хозяйственной деятельности.

<sup>&</sup>lt;sup>3</sup> Автор выражает глубокую благодарность Олегу Петровичу Журавлёву за определение костных остатков с поселения и летовок Матвеевка II и Матвеевка III.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранные и проанализированные материалы Матвеевского поселения и стойбищ-летовок Матвеевка II и Матвеевка III, а также некоторых погребений ИКК дают основание утверждать (в ряде случаев — предполагать), что в среде ИКК открыто и исследовано неизвестное до настоящего времени поселение с зависимыми от него летовками.

Причём, как поселение, так и летовки дали дополнительные материалы для хозяйственно-экономической характеристики племён ИКК.

Раскопанные на поселении постройки с каменным основанием дают возможность усмотреть в них загоны для скота, а также совместное проживание в одном помещении как животных, так и людей (постройка  $N \ge 2$ ). Впервые в Побужье в эпоху существования ИКК открыты подобные постройки.

Если судить в целом об этих постройках, то их форма и некоторые способы строительства с применением камня, глины, вяжущих и других материалов находят себе многочисленные аналогии в широком хронологическо-территориальном диапазоне в Европе, Малой Азии, Ближнем Востоке и на Кавказе.

Достаточно привести некоторые примеры для подтверждения этого, чтобы убедиться в том, что их распространение имело место в указанных выше регионах уже в эпоху неолита.

По свидетельству М. Гимбутас апсидные постройки были выявлены в Вучедоле, в виде двух апсидных домов классической фазы баденской культуры. А также апсидные дома встречаются в Болгарии (Караново VII и Нова-Загора), в Македонии на северо-востоке (Ситагрой V), Центральной и Южной Греции (Лерна IV, Фивы, Асене), а также в Турции (Троя I, Караташ в Ликии). Апсидные дома баденско-эзерской культуры появлялись только в самых главных населённых пунктах. В Палестине XXXIV-XXXIII вв. до н.э. были открыты в Мегиддо, Мэзере, Иерихоне VII-VI, Бет-Шеане XVI, Хирбет-Керахе I, Тель-Ярмуте, Библосе III и в других местах Ближнего Востока.

На Аппенинском полуострове на юго-востоке Италии постройка в Пассо-ди-Корво и жилища в Мурджия-Тимоне, а также в Катильяно в области Абруцци, были ограждены неглубокими траншеями (дренаж?), такими, как и возле построек № 1 и № 2 на Матвеевском поселении и имели апсидные выступы [91].

И это далеко неполные примеры построек с апсидным выступом. Как справедливо отметил Дж. Мелларт, в Западной Азии постройки круглые или овальные в плане, даже, возможно, с апсидой, происходят от натуфийских прототипов [92].

В европейских странах и на Ближнем Востоке во время раскопок обнаружены несколько иного плана постройки (прямые параллельные боковые стены с обязательной апсидой) по сравнению с постройками Матвеевского поселения, у которых боковые стены сужаются ко входу в постройку, напоминая подковообразную форму, но в целом эти постройки напоминают постройки Матвеевского поселения. И в данном случае нельзя не отметить то обстоятельство, что неолитические постройки предна-

значались, прежде всего, для проживания в них людей. И хотя их назначение не совпадает с назначением построек Матвеевского поселения, форма таких сооружений в большинстве случаев приближается к формам построек Матвеевского поселения.

Что же касается скотоводческого направления в жизни поселения и летовок, то здесь следует отметить, что при экстенсивном ведении скотоводческого хозяйства на поселении и летовках, необходимо было расширять кормовую базу для увеличения поголовья скота. При этом часть скота могла содержаться за пределами загонов, а часть — в загонах при запасах кормов на зимний период. Можно предположить, что часть скота круглогодично содержалась на подножном корму. А причерноморские степи создавали благоприятные условия для развития таких форм ведения хозяйства как отгонное скотоводство. Это наблюдается, в частности, у обитателей поселения и летовок.

При отгонном и придомном скотоводстве существенную роль играли разных пород собаки по охране животных стада от нападений хищников — волков. Кости собак обнаружены среди остеологических материалов поселения и летовок [93]. В остеологической коллекции среди костей крупного рогатого скота (КРС) выделяются кости быка/коровы [94]. Этих животных использовали не только для получения мясо-молочных продуктов, но и в качестве тягловой силы, а также для изготовления из их шкуры кожаных изделий, а из кости — разнообразного инструментария.

Более того, при появлении и распространении наземного транспорта в эпоху неолита и бронзы ведущую роль играл бык домашний. Он являлся не только упряжным в телегу (кибитку), но и жертвенным животным, а также выступал священным животным — символом жизнеутверждения, могущества и возрождения. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения быков, бычьих черепов и рогов в разных святилищах Европы и Малой Азии (Чатал-Хююк, Халь-Сафлиени на о. Мальта, Монте-д'Аккоди на о. Сардиния, Гаврини на Бретани во Франции и др.). Правда, в эпоху бронзы в причерноморских и прикаспийских степях быку уже не придавалось такого значения, как в эпоху неолита. Здесь он выступал большей частью как упряжное и жертвенное животное. При этом нельзя ещё раз не упомянуть обнаруженные во время раскопок курганов останки животных или их части, сброшенные в могильное сооружение иногда вместе с повозкой или её колёсами. Аналогии этому выявлены при раскопках курганов не только в Нижнем Подонье, но и в ряде других мест степной зоны Надчерноморья [95]. Как следует из раскопок поселения и стойбищ-летовок Матвеевка II и III, в коллекции остеологического материала преобладают кости быка домашнего. И это лишний раз свидетельствует о том, что бык домашний являлся одним из главных животных среди поголовья скота как на поселении, так и на летовках. Не лишне упомянуть об их выносливости и приспособлении к природным условиям степи, что некоторые исследователи КРС отмечали ещё в начале XX века [96].

А то, что скот приходилось отгонять на пастбища (летовки), несколько удалённые от поселения, подтверждают идентичность остеологических и археологических материалов поселения и летовок.

Таким образом, можно сказать, что ведущей отраслью хозяйства Матвеевского поселения являлось скотоводство. Что же касается растительной пищи, то скотоводы поселения не занимались земледелием, и поэтому хозяйство ИКК не могло быть скотоводческо-земледельческим; несмотря на то, что на поселении были найдены зернотёрки. Но это не показатель того, что обитатели поселения могли заниматься земледелием. Зернотёрки могли применяться при растирании мягких пород камня,

раковин, минералов, бобовых растений, кореньев и др. В.С. Бочкарёв справедливо отметил: «Даже на юго-западе и юго-востоке Восточной Европы (Молдавия, Правобережная Украина, Северный Кавказ)... земледелие... носило эпизодический характер. В силу разных причин его развитие неоднократно прерывалось на длительное время. Поэтому здесь также не сложилось долговременной и непрерывной земледельческой традиции... скотоводческое хозяйство абсолютно преобладало в эпоху бронзы как в степной, так и в лесостепной зонах Восточной Европы» [97]. Но некоторые исследователи ККИО, в том числе и ИКК, могут возразить, владея фактами находок снопа пшеницы и рала [98] в катакомбных погребениях, что это явное свидетельство занятия земледелием. В этой связи можно допустить, во-первых, что степи Надчерноморья самой природой предназначались для выпаса скота, а значит, и занятием скотоводством. Во-вторых, скотоводы не имели элементарных навыков для занятия земледелием. В-третьих, как отметил В.С. Бочкарёв, на Правобережной Украине земледелие носило эпизодический характер и им могли заниматься некоторые группы племён ККИО, да и то в каких-то отдельных районах. И, в-четвёртых, как впоследствии у скифов, очевидно, племена ККИО могли подразделяться на скотоводов и земледельцев.

К этому ещё следует добавить, что при развитом скотоводстве, характерном для племён ИКК, оно могло быть одновременно как отгонное, так и придомное. Нам кажется, что нет смысла разграничивать резко эти определения. Возможно, потому, что основная часть скота отгонялась на летовки, а другая — молодняк, ослабевшие за зиму животные, могли пастись на подножном корму возле поселения.

\* \* \*

Широкое применение орудий труда, изготовленных из подручных материалов, хорошо известно во многих культурах первобытных обществ. И орудия труда, обнаруженные на поселении и летовках Матвеевка II и III не являются исключением. Об их назначении и некоторых функциональных особенностях уже было сказано выше.

Причём, важное значение для уточнения и раскрытия функции орудия имеет применение трассологического анализа, которое позволяет раскрыть функциональные особенности многих каменных, костяных и других орудий. Этот метод показал высокую эффективность при исследовании инструментария поселения и летовок.

Нет смысла приводить многочисленные аналогии всего инструментария, собранного на поселении и летовках. Этот инструментарий находил широкое распространение и применение среди скотоводческих племён эпохи бронзы. Здесь следует отметить, что среди некоторых орудий неожиданно были выявлены неизвестные до настоящего времени функции. Ряд орудий был полифункционален. Например, некоторые каменные плиты могли служить одновременно как зернотёркой (растиральником), так и подставкой-наковаленкой для горячей разгонки металла. То есть, исходя из выше сказанного, можно утверждать, что на поселении помимо иных работ, мог существовать своеобразный очаг металлообработки орудий труда. Подтверждением этому являются следы заточки бронзовых изделий на поверхности орудий в виде микрочастиц окиси меди, выявленные с помощью трассологического анализа. Но, к сожалению, ни льячек, ни матриц, тем более, ни одного бронзового изделия ни на поселении, ни на летовках не было обнаружено. Изделия из бронзы, как известно, очень высоко ценились среди скотоводческих племён в эпоху бронзы и поэтому, если такое изделие ломалось, то его отправляли в переплавку.

Исходя из того, что на поселении и летовках были обнаружены различного назначения орудия труда, можно сделать вывод о существовании некоторой узкой специализации среди ремесленников. Как явствует материально-хозяйственная основа поселения, среди его обитателей существовали категории работников, обладающих определёнными трудовыми навыками.

В их среде вырисовываются такие категории специалистов своего дела как, например, скотоводы-пастухи (они же, возможно, мясники при разделке туш животных), охотники, рыболовы, гончары с нанесением орнамента на посуде, строители-каменщики, штукатуры, прядильщики, сапожники, швеи, скорняки, точильщики, сверлильщики и другие категории работников. Хотя, вполне допустимо, что обитатели поселения могли подменять друг друга при разных обстоятельствах и при разных работах.

Только при таких условиях обитатели поселения могли выживать. Благое дело: они жили в относительно мирное время до вторжения отдельных групп носителей бабинской культуры и, судя по исследованию поселенческого комплекса, намечалась тенденция к оседанию с постоянным местожительством.

Производство лепной посуды является неотъемлемой частью жизни скотоводческих племён. И такая посуда, правда, в значительном количестве во фрагментах, найдена на поселении.

При изготовлении сосудов, как обычно, применялся различный состав теста. Как нам представляется, по составу теста можно определить, что на поселении работало несколько изготовителей керамики. Одни из них в состав теста традиционно добавляли шамот и песок (подавляющее большинство сосудов), другие добавляли к шамоту и песку органику, третьи — вместо органики добавляли мелкотолчёный известняк или известняковый порошок. И лишь в единичных случаях встречается добавление к тесту вместо известнякового порошка толчёной ракушки. А иногда к тесту сосуда добавляли зёрна кварца и даже толчёную железную руду (или магматит) или красную охру.

Гончары по-своему добивались качества своей продукции. Поэтому от примесей в составе теста сосуда зависела прочность керамики и её долговременность. Ракушка же или известняковый порошок, добавленный в тесто сосуда, составляли прочную, вяжущую, цементирующую основу структуры сосуда. Конечно, можно предположить, что гончар или группа гончаров, изготавливающих сосуды, добивались путём проб и ошибок качественной продукции, при этом добавляя в тесто сосуда разные примеси. Но в работе гончаров над ними довлела принадлежность к традиционным, выработанным предшествующими поколениями, примесям в тесте сосуда песка и толчёного шамота.

На одном из фрагментов керамики врезная линия орнамента была заполнена красной охрой — свидетельство того, что многие сосуды с врезным орнаментом могли заполняться красной охрой. А это придавало сосуду нарядность, усиливало эффект украшения сосуда.

Для некоторых сосудов, обнаруженных в погребениях ИКК, отмечено заполнение врезного орнамента красной охрой или её раствором. Это необычные сосуды были выявлены в погребениях на Ингуле. Так, например, в погребении № 6 в кургане № 2 у с. Соколовка была найдена амфорка [99], а в погребении № 12 кургана у с. Пелагеевки — ритуальный сосуд [100], врезной орнамент которых был заполнен красной охрой.

Как уже упоминалось, на поселении в разных местах было вскрыто восемь погребений. По обряду все погребения относятся к бабинской культуре (КМК). Правда, некоторые погребения совершены с некоторыми особенностями. Так, погребение № 2 было совершено в яме с подбоем, а возле погребений № 3 и № 5 — следы, повидимому, от небольшого костра. Но все погребённые лежали на правом или левом боку скорченно или на полубоку, ориентированными, в основном, на восток с некоторыми отклонениями. Исследователь Днестровско-Прутского ареала бабинской культуры (БК) Е.Н. Савва [101] отметил ряд особенностей в погребальном обряде КМК, т.е. бабинской культуры, которые совпадают с обрядами погребений, выявленных на поселении.

Сосуды, обнаруженные в погребениях 6, 7 и 8, по типологии, разработанной Е.Н. Саввой, относятся к VII типу. А нижняя часть сосуда, относящаяся к ИКК из погребения № 3, очевидно, была подобрана среди фрагментов керамики в хозяйственном мусоре, и могла быть использована в качестве жаровни при погребальном обряде БК.

При этом возникают вопросы: почему на Матвеевском поселении появились погребения БК, и неужели на этом месте выявлен грунтовый могильник БК?

Учитывая находки керамики БК на поселении и летовках, можно предположить, что носители БК заняли территорию поселения и пастбища-летовки ИКК на непродолжительное время. Но каким образом это произошло?

Очевиднее всего, как нам представляется, занятие территории поселения происходило насильственным путём. Группа или отряд воинственных носителей БК, видимо, попыталась силой захватить скот и постройки на поселении, но получила отпор со стороны обитателей поселения. В результате чего жители поселения вынуждены были, бросив кое-какой инвентарь, в спешке бежать, а захватчики — хоронить своих убитых или раненых соплеменников.

Прав Р.А. Литвиненко, который отметил военную экспансию носителей БК на запад [102]. Из-за этого прекратилась жизнь на Матвеевском поселении, а отдельные отряды носителей БК двинулись дальше на юго-запад, захватывая новые земли и пастбища у местных скотоводов.

Ещё недавно ряд исследователей неоднократно отмечали факт проникновения в сторону Северо-Западного Причерноморья катакомбных племён [103]. Такие проникновения отдельных групп катакомбников, как свидетельствуют факты, могли проходить не одноразово, а, скажем, в течение длительного времени (возможно, столетиями), и могли быть вызваны несколькими причинами. Во-первых, поисками новых пастбищ из-за истощения травяного покрова вследствие аридизации климата [104]; во-вторых, направление отдельных экспедиций ИКК на поиски металлургических центров на Балканах; в-третьих, исход в сторону юго-запада ИКК под давлением носителей БК. Здесь следует также отметить, что одной из причин исхода стало засоление водами Чёрного моря вод Ю. Буга [105], что повлекло за собой уничтожение колоний моллюсков — опреснителей речной воды и, вслед за этим, прекращение собирания моллюсков как дополнительного рациона белковой пищи как для человека, так и для животных. Всё это связано с освоениями новых путей поиска и потребления пищи (в том числе и разных товаров), и одним из важных способов выживания в окружающей среде.

Но главной причиной исхода обитателей Матвеевского поселения, как свидетельствуют факты, полученные в результате выявленных на поселении погребений, был

насильственный захват земель скотоводов ИКК вследствие военной экспансии носителями БК [106].

Если избрать отправной точкой комплекс Матвеевского поселения и стойбищлетовок Матвеевка II и III, то по некоторым следам, оставленным носителями ИКК в погребениях и летовках, можно проследить пути исхода скотоводов ИКК в сторону юго-запада в районы Днестра и Прута, и далее в сторону Румынии [107].

Каким путём (сухопутным или водным) продвигались изгнанники — обитатели поселения и летовок, сказать трудно. Но, продвижение их в Дунайско-Прутское междуречье проходило где-то размеренно, а где-то хаотично. Всё, видимо, зависело от скорости продвижения и преследования их носителями БК. И, более того, показателем и подтверждением того, что скотоводам ИКК приходилось нелегко, спасаясь от врагов в лице носителей БК, являются погребения катакомбников с оружием [108].

Продвигаясь на юго-запад Причерноморья, некоторые группы катакомбников, теряя соплеменников, создавали типичные для этой культуры погребальные сооружения в виде входного колодца (шахты) и камеры (катакомбы), в которой на разных глубинах лежал погребённый, обычно на спине, вытянуто, с руками, уложенными вдоль туловища. Причём, кисть одной из рук обязательно лежала на тазовых костях, либо на животе или на бедренной кости одной из ног. Эта классическая устойчивая поза типична в погребальном обряде носителей ИКК и встречается во всем ареале её распространения. Катакомбные сооружения, как известно, устраивались чаще всего перерезая насыпь кургана, — в материке, но дугообразно — в южных полах кургана.

Во время раскопок курганов в Южнобугско-Прутском ареале удалось проследить некоторые особенности в погребениях скотоводов ИКК, связанные с их исходом на юго-запад. Как свидетельствуют отдельные археологические материалы, некоторые погребальные сооружения создавались «на скорую руку», то есть, в насыпи кургана. Из-за этого границы входного колодца не улавливались, контуры катакомбы, едва достигнув материка, оставались не совсем чёткими, а дно — неглубоким по сравнению с обычным погребальным сооружением катакомбной культуры.

Об этом явлении указывали исследователи ареала распространения катакомбной культуры в Северо-Западном Причерноморье [109]. К этому ещё следует добавить, что, возможно, некоторые погребения ИКК, находясь в насыпи курганов, могли быть уничтожены многолетней распашкой, подтверждением чему являются находки разбросанных костей человеческих скелетов, фрагментов керамики и целых сосудов ИКК в насыпях курганов [110]. К числу некоторых погребений ИКК можно отнести, на наш взгляд, и те, которые исследователи порой называют «неопределёнными», хотя классически устойчивая поза погребённого с ориентировкой на юг с незначительными отклонениями, наводит на мысль о данном погребении как погребении ИКК [111]. В ряде случаев исследователи отмечают открытыми и не засыпанными после похорон катакомбные сооружения, как например, погребения 13 и 48 в кургане 17 курганной группы у с. Вишневое Одесской области [112], а также погребение 14 в кургане 4 и погребение 11 в кургане 6 курганной группы у с. Траповки, и погребение 21 в кургане 19 у с. Новоселица Одесской области.

На сей счёт можно строить различные догадки, но мы склоняемся к тому, что скотоводы ИКК, преследуемые носителями БК, едва успевали похоронить соплеменника, но не успевали засыпать погребальное сооружение. И это можно объяснить приближением преследователей.

Более того, изгнанникам кое-где приходилось вступать в смертельные схватки с преследователями БК. Об этом могут свидетельствовать некоторые погребения

ИКК, обнаруженные, видимо, по пути исхода их на юго-запад, как, например, погребение 15 кургана 17 у с. Вишнёвое Одесской области, где лежал погребённый, заколотый костяным кинжалом [113]. В низовьях Днестра при раскопках кургана 2 в погребении 7 в комплексе Глиное-ДОТ, а также в погребении 6 кургана 1 группы Глиное-Сад погребённые были захоронены после получения тяжёлых ранений.

Пока остаётся неясным: то ли носители ИКК погибли от рук поздних ямников (буджакская культура — авт.), которые занимали эти степные пространства, то ли погибли от преследующих их отрядов БК. Во всяком случае можно допустить, что погребённые могли погибнуть от преследователей БК [114].

В некоторых погребальных камерах ИКК обращает на себя внимание опрокинутый вверх дном сосуд. Явление редкое в погребениях ИКК и, по крайней мере, трудно объяснимое. Конечно, можно допустить, что такое положение сосуда могло быть своеобразным символом завершения жизни на земле, или укрытием духа покойника, чтобы тот не тревожил живых [115].

Ещё раз хочется подчеркнуть: путь исхода ИКК на юго-запад в ряде эпизодов был настолько спешным, что скотоводы ИКК порой не успевали, как того требовали обряды, возводить погребальное сооружение, а хоронили своих соплеменников коекак, в насыпи кургана. К тому же С.В. Иванова засвидетельствовала, что «...только в Буго-Ингулецком регионе известно более 1000 погребений ИК...», в то время как «... в Северо-Западном Причерноморье их в пять раз меньше...» и в «более чем в 50 курганных насыпях выявлено по одному погребению». Далее исследователь делает вывод о том, «...что редкие погребальные памятники с незначительным количеством захоронений в них, отражают лишь отдельные проникновения катакомбных племён с территории Побужья и Поднепровья в ареал Северо-Западного Причерноморья. Эти продвижения можно расценивать скорее как импульсы...» [116].

То есть, выводы С.В. Ивановой, в основном, подтверждают наше мнение о вынужденном исходе отдельных групп ИКК в сторону Буго-Прутского региона под натиском преследующих их носителей БК.

Как свидетельствуют выше приведенные археологические данные, погребальные обряды ИКК в степях к западу от Побужья постепенно затухают и превращаются из традиционного строго выкопанного катакомбного сооружения в его подобие, порой с нечёткими границами могильной ямы, зачастую вырытой в насыпи кургана. Трупоположение иногда также претерпевает некоторые изменения: теряется классически устойчивая поза покойника (вытянуто, на спине, с уложенными вдоль туловища руками, кисти которых лежат на тазе, животе или на бедре). Появляются позы вытянуто на полубоку, с завалом на левый/правый бок и др. На наш взгляд, это является одним из проявлений начала деградации в среде скотоводов ИКК. Сюда можно отнести и почти полное отсутствие костей животных в погребениях ИКК, а также скудность погребального инвентаря или его отсутствие. Нам кажется, что всё это является одним из показателей упадка и дальнейшей деградации отдельных групп скотоводов ИКК, продвигавшихся на юго-запад.

Эта убывающая волна миграции ИКК позднего периода в сторону юго-запада может свидетельствовать о затухании миграционного процесса и окончательной деградации носителей ИКК и растворении её групп среди местных племён (буджакской культуры?) юго-запада Северо-Западного Причерноморья [117].

Ещё раньше И.Т. Черняков и Т.Н. Тощев отмечали: «Судя по характеру и количеству катакомбных погребений на территории Нижнего Подунавья, носители этой культуры (ИКК — авт.) продвинулись сюда на заключительном этапе своего раз-

вития... Возможно, под давлением носителей катакомбной культуры позднеямные (буджакской культуры? — *авт*.) племена частично были вытеснены к речной долине Дуная не только на территории Румынии, Болгарии, но и Югославии, Венгрии» [118].

Таким образом, исследование поселенческого комплекса и зависимых от него летовок даёт возможность оценивать хозяйственно-экономические особенности ИКК и, вместе с тем, все слагаемые комплекса дают относительно полную, как нам представляется, картину жизнедеятельности обитателей поселения и летовок.

Кроме того, автором была предпринята попытка показать пути исхода некоторых групп скотоводов ИКК в сторону юго-запада Надчерноморья, деградацию этой культуры и растворении её в среде иных племён.

В заключение напрашивается следующая цитата Льва Гумилёва относительно роли климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии, как бы подводящей итог тому, что было сказано в данной работе:

«... Остаётся сфера этногенеза и миграций. Тут вступает в силу взаимодействие человеческого общества с природой. Особенно отчётливо это прослеживается на ранних этапах развития, когда главную роль играет натуральное и простое товарное хозяйство. Способ производства определяется теми экономическими возможностями, которые имеются в природных условиях территории, кормящей племенную группу или народность. Род занятий подсказывается ландшафтом и постепенно определяет культуру возникшей этнической целостности. Когда же данный этнос исчезает вследствие трансформации, миграции или истребления соседями, то памятником эпохи остаётся археологическая культура, свидетельствующая о характере хозяйства древнего народа, а, следовательно, и о природных условиях эпохи, в которой она бытовала» [119].

# МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК СТОЙБИЩ-ЛЕТОВОК МАТВЕЕВКА II И МАТВЕЕВКА III

В 4-4,5 км к ЮЗЗ от Матвеевского поселения в 1957 г. экспедицией истфака МГУ под руководством Б.Н. Гракова разведкой был обследован левый берег реки Ю. Буг на участке от Николаева до Вознесенска. В результате разведки были выявлены памятники от эпохи ранней бронзы до средневековья.

В районе между сёлами Баловное и Матвеевка на территории виноградника в песках были обнаружены отдельные фрагменты лепной керамики, некоторые с гребенчатым сглаживанием поверхности и шнуровым орнаментом. Но вскоре на этих песках был высажен лесной массив.

По традиции того времени места нахождения нескольких фрагментов керамики и сопутствующих им каких-либо изделий из камня, кремня и других материалов считалось поселением. Так сказано в Отчёте истфака МГУ за 1957 г. [1].

В 1976 г. во время раскопок поселения Матвеевка I один из местных жителей с. Матвеевки подсказал, что в Матвеевском лесу ему давно известны такие же россыпи раковин моллюсков, как и выявленные на поселении. После того, как была установлена аналогичная ситуация с ракушечными россыпями в лесу, было решено со временем провести разведочные раскопки на некоторых ярко выраженных скоплениях ракушки, среди россыпей которой встречались фрагменты лепной керамики и кости животных.

Это местонахождение артефактов условно было названо как стойбище-летовка Матвеевка II.

#### Матвеевка II

Находится в 250 м на запад от грунтовой дороги, проходящей вдоль разобранного ж/д пути, который в своё время соединял Матвеевский кирпично-силикатный комбинат (в настоящее время комбинат не существует) с ж/д станцией Терновка-Николаевская.

Местность, на которой расположен памятник, представляет собой песчаные дюны, покрытые слоем хвои и листвы, опадающих с деревьев. Во время зачистки поверхности памятника было выявлено, что саженцами деревьев будущего леса разрушен верхний гумусный слой, смешанный с культурным слоем путём вспашки на глубину 0,15 м от уровня современной дневной поверхности. При этом удалось выявить семь пятен, насыщенных культурными остатками с речной ракушкой. Эти пятна имели круглую или овальную форму диаметром от 6-8 до 14 м и больше. На одном из таких пятен и был заложен раскоп общей площадью 78 кв. м (рис. 1).

Что касается стратиграфии памятника, то она состоит из таких компонентов: верхний гумусный слой, смешанный кое-где с культурным слоем, под которым выявлены слои жёлтого и тёмно-серого песка мощностью до 0,2 м. Слой тёмно-серого песка перекрывает в разных местах культурный слой, связанный с хозяйственными ямами, верх которых был растянут распашкой при посадке саженцев деревьев (рис. 2).

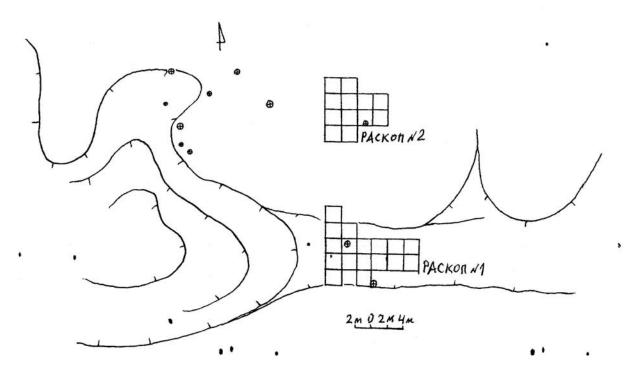
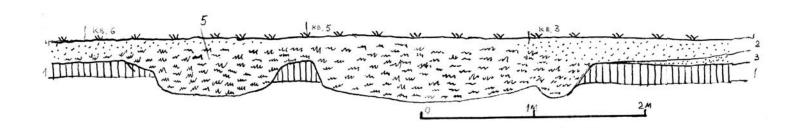


Рис. 1. Участок раскопок на стойбище-летовке Матвеевка 2



**Puc. 2.** Стратиграфия раскопа № 1: 1- слой погребенного песка; 2- слой жёлтого наносного песка; 3- слой тёмного наносного песка; 4- тонкий слой гумуса; 5- культурный слой, смешанный с ракушкой

Наслоения культурных остатков иногда прерывались, и в некоторых частях раскопа слой с культурными остатками отсутствовал. Ниже слоёв удалось проследить уровень древней дневной поверхности, в которой встречаются углубления в виде хозяйственных ям и лунок (возможно, кротовин) глубиной от 0,4 до 0,76 м от уровня современной дневной поверхности.

В раскопе № 1 удалось выявить две рядом расположенные хозяйственные ямы и несколько лунок. Яма № 1 имела размеры  $1,6 \times 1,2 \times 0,46$  м, а яма № 2, находящаяся к северу от ямы № 1 и почти сливающаяся с ней, имела размеры  $2,4 \times 2,1 \times 0,47$  м и глубины в разных местах от 0,47 м до 0,58 и 0,67 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 3).

Их заполнение: многочисленные хозяйственные отходы в виде слежалой, чаще всего горелой, речной ракушки, костей животных и фрагментов лепной посуды, иногда со следами сажи, обломками каменных изделий и др.

В 8 м к северу от раскопа № 1 был заложен раскоп № 2 общей площадью 49 кв. м, в котором стратиграфия такая же, как и в предыдущем раскопе. Во время раскопок выявлено несколько лунок и две хозяйственные ямы. Одна овальной формы хозяйственная яма размером 3,0 х 2,05 х 0,38 м была ориентирована с юга на север и заполнена костями животных (см. Приложение № 3) и некоторыми фрагментами лепной посуды. По всей площади ямы и вокруг неё — россыпи ракушек (рис. 4).

Вторая хозяйственная яма такой же формы, как и предыдущая, размером  $2,95 \times 2,0 \times 0,54$  м, была сориентирована с востока на запад и также была заполнена костями животных, в основном, быка домашнего, смешанных с раковинами моллюсков.

Однако, сверху на хозяйственных отходах на глубинах от 0,22 до 0,46 м от уровня современной дневной поверхности выявлено коллективное погребение (рис. 5), состоящее из четырёх человеческих скелетов: мужчины, женщины, подростка и младенца. Костяк взрослого мужчины лежал скорченно, на правом боку, с небольшим разворотом на спину, с подогнутыми ногами. Ориентирован головой на запад.

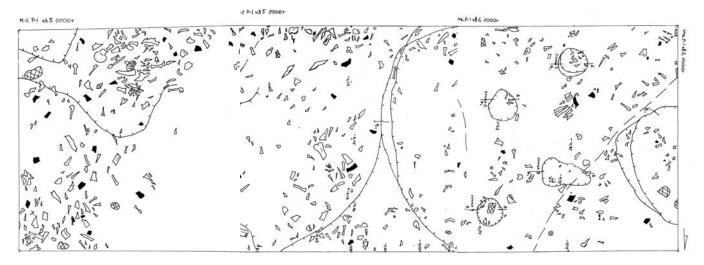
Возле колен скелета мужчины со стороны юга находилась верхняя часть скелета женщины. Нижняя часть скелета вместе с тазовыми костями и ногами отсутствовала. Останки покойницы также лежали на правом боку с подогнутыми руками и ориентированы головой на запад. Ниже останков скелета выявлен череп лошади.

На восточной стороне ямы на глубине 0,2 м от уровня современной дневной поверхности находился череп и остатки костяка младенца. По расположению костей скелета, которые сохранились in situ, можно утверждать, что младенец лежал скорченно, головой на запад.

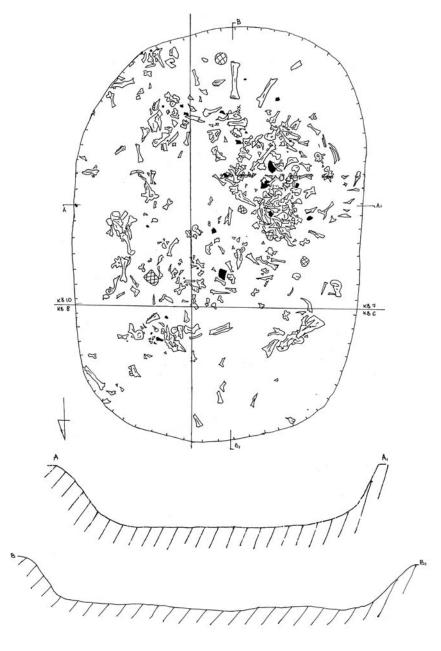
В головах скелета мужчины покоился сильно скорченный на правом боку костяк подростка головой на юг. Некоторые части его скелета отсутствовали либо были растянуты во время распашки при насаждении саженцев деревьев. Возле черепа подростка лежал череп быка. Погребальный инвентарь, обычно сопутствующий умершим, отсутствовал, за исключением черепов коня и быка.

Коллекция предметов материальной культуры, обнаруженных во время раскопок памятника, делится на лепную посуду и незначительное собрание каменных, кремнёвых и костяных изделий.

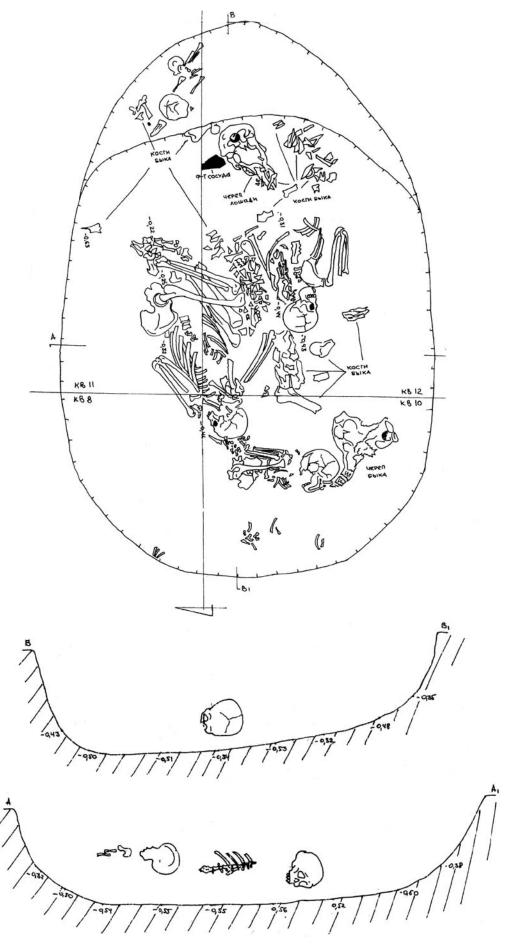
Фрагментированная посуда по своему изготовлению относится к ИКК и делится на горшки, глубокие миски и чашки. Горшки больших и средних размеров с диаметром по венчику от 12 до 21 см, имеют почти прямой или слегка отогнутый наружу венчик, который бывает и горизонтально срезанный, и закруглённый.



**Рис. 3.** Часть раскопа № 1



**Рис. 4.** Хозяйственная яма № 1 на раскопе № 2 на стойбище-летовке Матвеевка 2. Разрезы хозяйственной ямы



**Рис. 5.** Погребение в хозяйственной яме № 2 на раскопе № 2 стойбища-летовки Матвеевка 2. Разрезы хозяйственной ямы № 2 с погребением

Верхняя половина таких сосудов оформлена орнаментом в виде нескольких горизонтальных врезных линий, под которыми вершинами вниз опущены врезные треугольники, вписанные друг в друга или заштрихованные косыми линиями (рис. 6, 2, 5). Иногда встречается орнамент со следами оттиска шнура (рис. 7, 1, 2).

Отдельно выделяется миниатюрный сосуд с закруглённым венчиком и крутыми плечиками с традиционным для посуды ИКК орнаментом в виде врезных линий (рис. 6, *I*). Найден лишь один фрагмент глубокой миски (рис. 8, *6*). Венчик этого сосуда имел диаметр 21 см, немного загнутый внутрь и горизонтально срезанный. Глубина сосуда — 8 см.

Чашки (рис. 7, *1*) диаметром венчика 10-12 см, который горизонтально срезан и имеет с внешней поверхности шнуровой орнамент или совсем не имеет орнамента.

Тесто сосудов ИКК обычно плотное с добавлением шамота, песка, реже — органики или толчёного в порошок известняка.

Поверхность сосудов до обжига обрабатывалась гребенчатым сглаживанием, иногда сглаживание затиралось в верхней части сосуда, а иногда поверхность подвергалась лощению. Внешняя поверхность посуды имела следы неравномерного обжига с пятнами чёрного, серого, розового или оранжевого цветов. Во многих случаях как внутренняя, так и внешняя поверхность сосудов имела следы закоптелости и сажи.

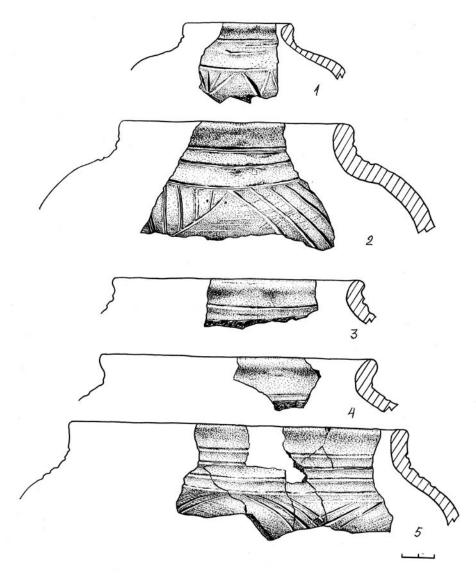
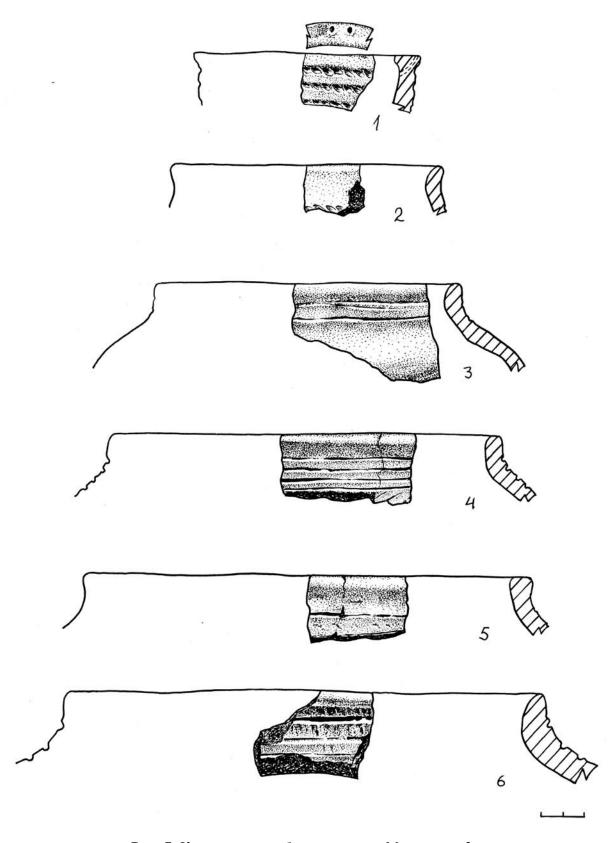
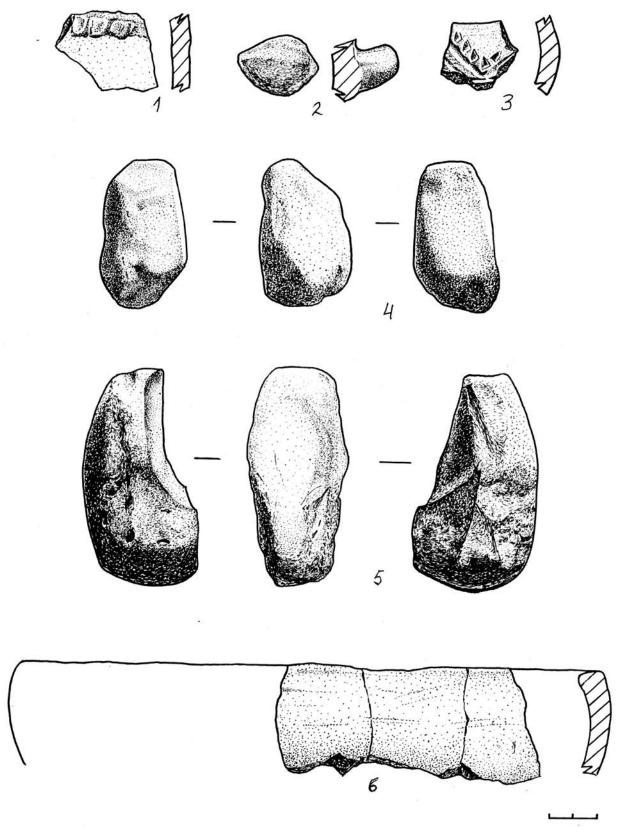


Рис. 6. Керамика стойбища-летовки Матвеевка 2



**Рис.** 7. Керамика стойбища-летовки Матвеевка 2



**Рис. 8.** Керамика и орудия труда: 1-3 — фрагменты керамики; 4 — каменный ручной молоток; 5 — обломок пестика; 6 — фрагменты миски

Среди каменных изделий обращают на себя внимание кузнечные ручные молотки, изготовленные из мягких пород камня-известняка\*, изготовленный из гнейса пестик размером  $9 \times 5,2 \times 4,2$  см, а также абразивы с некоторыми пришлифованными поверхностями (рис. 8,4,5).

Коллекция кремнёвых изделий и отходов при их изготовлении насчитывает всего 17 экземпляров, среди которых 11 — это отходы в виде нуклевидных обломков, отщепов и осколков. Орудия представлены концевыми скребками (рис. 9, 3, 4), отщепами с остатками ретуши (рис. 9, 5) и ножевидной пластинкой, рабочие края которой оформлены с обеих сторон (рис. 9, 6).

Костяные изделия представлены альчиком с пробитым сквозным отверстием (рис. 9, I) и костяным кружочком диаметром 2,9 см с отверстием посередине диаметром 1 см; кружок мог использоваться как составная часть наборного веретена (рис. 9, 2).

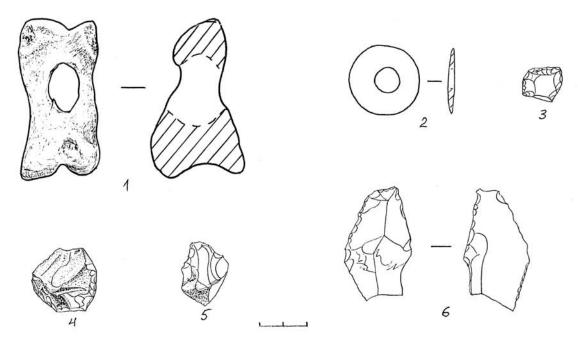


Рис. 9. Костяные и кремнёвые орудия труда:

1 — альчик со сквозным отверстием; 2 — костяной кружок — деталь наборного веретена (?); 3-6 — кремневый скребок, отщеп с ретушью, ножевидная пластинка с ретушью

## Матвеевка III

В 1,2 км на север от стойбища-летовки Матвеевка II выявлены культурные слои стойбища-летовки Матвеевка III, которые располагались, как свидетельствуют палеогеографические наблюдения, вдоль края древней береговой линии останца реки Ю. Буга. Этот памятник как раз находится в середине Матвеевского леса.

На площади памятника, на которой, в основном, и наблюдаются находки, было разбито три раскопа и несколько шурфов 2 х 2 м как по краям памятника, так и в середине общей площадью 268 кв. м (рис. 10).

Стратиграфия памятника практически такая же, как и на Матвеевке II: под слоем гумуса 0,12–0,15 м залегают два перемежающихся наслоения песка тёмного и жёлтого цветов на глубинах от 0,15 до 0,4 м, ниже которых отмечено наличие культур-

<sup>\*</sup> Определение А.М. Балушкина.

ного слоя. Мощность его увеличивается там, где наблюдаются границы углублений, доходящих до 0,7-0,8 м от уровня современной дневной поверхности. В таких случаях слой забит культурными остатками очень интенсивно (рис. 11). Под культурным слоем залегает уровень древней дневной поверхности или погребённого песка.

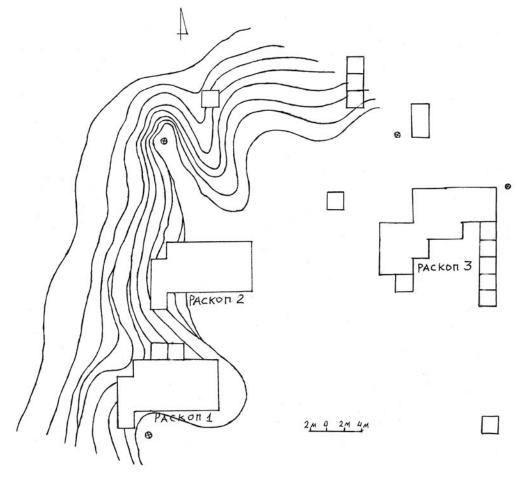
Как показали исследования, наличие культурного слоя в значительной степени приходится только по краю древней линии берега останца. На СВ часть этого края приходятся значительные и выразительные культурные остатки. А в раскопе № 3 находилась древняя неглубокая канава (рис. 12), в которой обнаружены, кроме костей животных и других находок, также череп человека и несколько костей человеческого скелета. Как свидетельствуют антропологические исследования, череп принадлежал мужчине возрастом 50-55 лет (см. Приложение 2).

Следует также отметить, что культурные слои памятника очень густо насыщены речной ракушкой, что главным образом связано с материальными остатками ИКК.

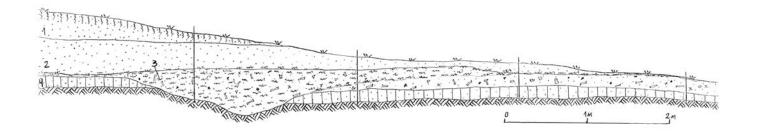
Кстати, кроме культурных остатков ИКК, встречаются также фрагменты посуды БК (КМК) (рис. 13), несколько фрагментов сосудов эпохи поздней бронзы (рис. 14) и скифского времени (рис. 15), а также остатки древнегреческой хиосской пухлогорлой амфоры VI-V вв. до Р.Х. (рис. 16).

Всё это свидетельствует о том, что стойбище-летовка Матвеевка III исполняло, прежде всего, роль пастбища и существовало, судя по находкам керамики, довольно продолжительное время. Но первыми посетителями этого пастбища и его постоянными в течение длительного времени пользователями являлись скотоводы ИКК.

Рассмотрим кратко коллекцию их материальных остатков, которые состоят из фрагментов лепной посуды, изделий из камня, кремня и кости.



**Рис. 10.** Схема расположения стойбища-летовки Матвеевка 3



**Рис. 11.** Стратиграфия Западной стороны раскопа № 3: 1- слой серо-жёлтого песка, смешанный с гумусным слоем; 2- слой жёлтого наносного песка; 3- культурный слой с ракушкой; 4- слой погребенного песка

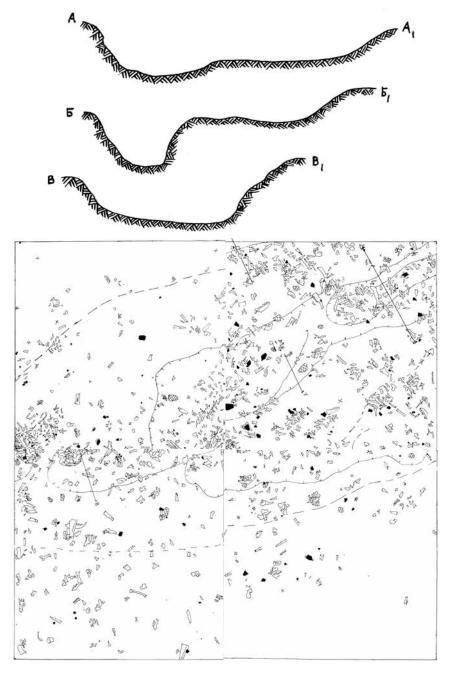
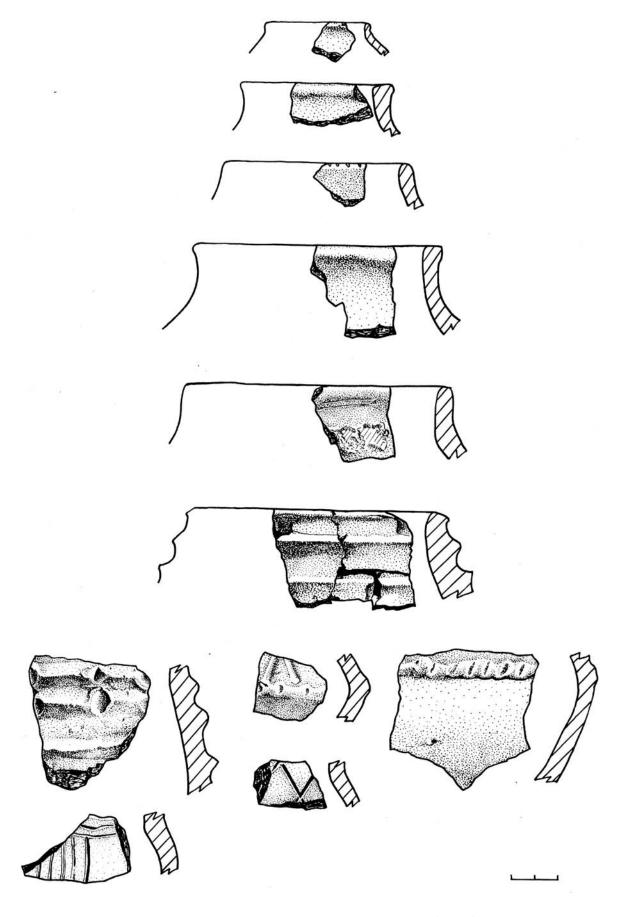


Рис. 12. Разрезы канавы в раскопе № 3



**Рис. 13.** Керамика бабинской культуры (КМК)

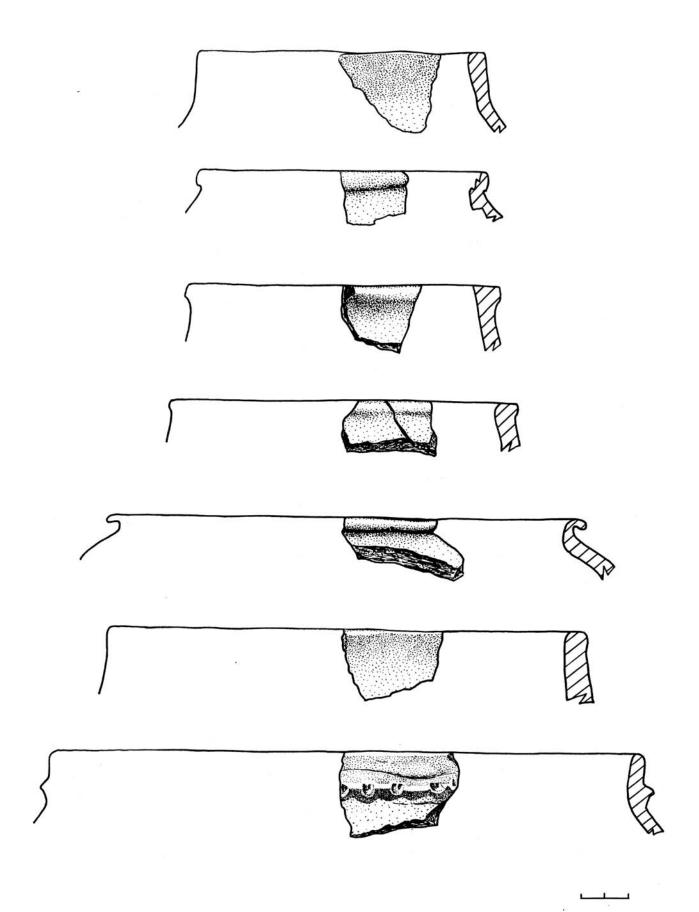


Рис. 14. Посуда эпохи поздней бронзы

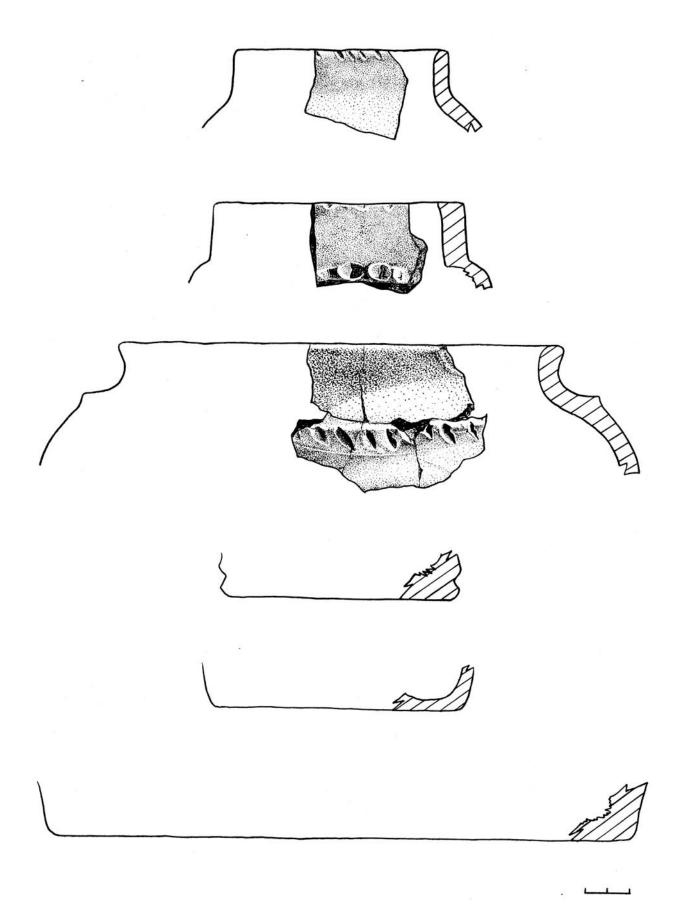
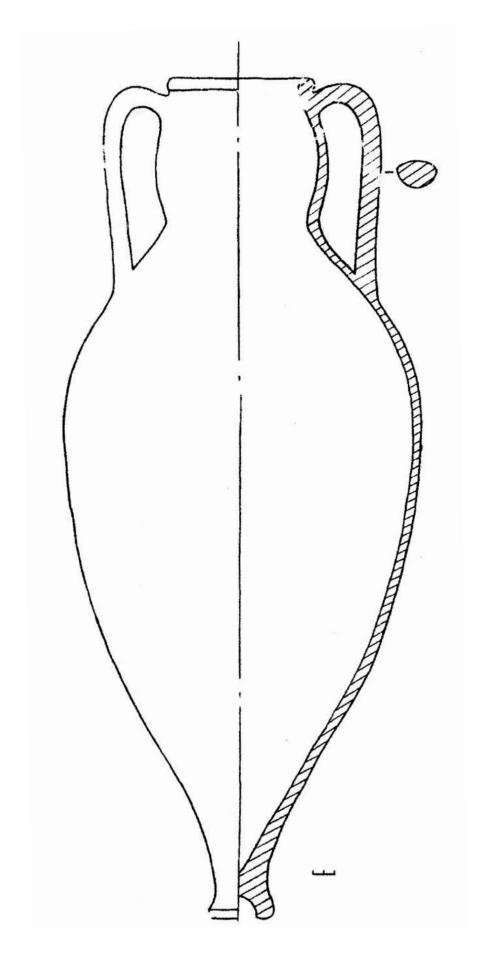


Рис. 15. Фрагменты посуды скифского времени



**Рис. 16.** Древнегреческая хиосская амфора VI-V вв. до Р.Х.

Лепная посуда, если реконструировать её фрагменты, делится на горшки значительных размеров с диаметром по венчику 20-30 см, которые условно можно назвать корчагами (рис. 17; 18, 4, 5), горшки средних размеров с диаметром по венчику от 12 до 20 см (рис. 19, 3, 4; 20, 2-6; 21, 2-7), миниатюрные с диаметром по венчику от 5 до 12 см (рис. 19, I, I; 20, I; 21, I; 23, 1), глубокие миски (рис. 22) и чашки-плошки (рис. 23).

Примеси в тесте посуды ИКК, обнаруженной на летовке Матвеевка III, имеют тот же состав, что и у всей посуды ИКК: шамот, песок, органика, известняковый порошок, реже — толчёный полевой шпат. Поверхность такой посуды, как обычно, обработана гребенчатым сглаживанием, порой в верхней части сосуда наблюдается затёртость или слабое лощение поверхности.

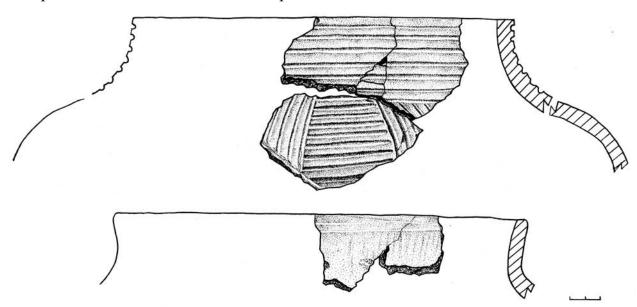
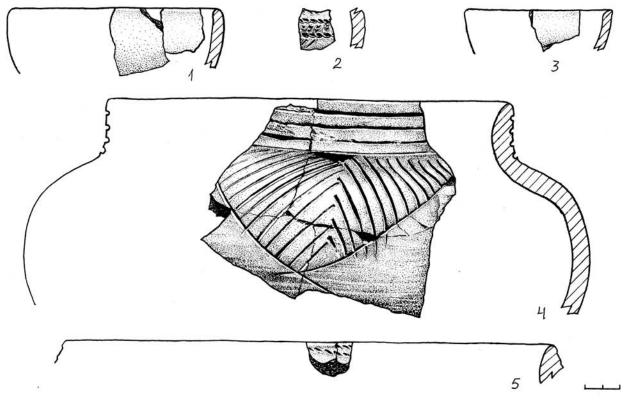


Рис. 17. Фрагменты посуды ИКК с диаметром по венчику 20-30 см (корчаги?)



**Рис. 18.** Фрагменты посуды ИКК: 1, 3 — чашки; 4, 5 — корчаги

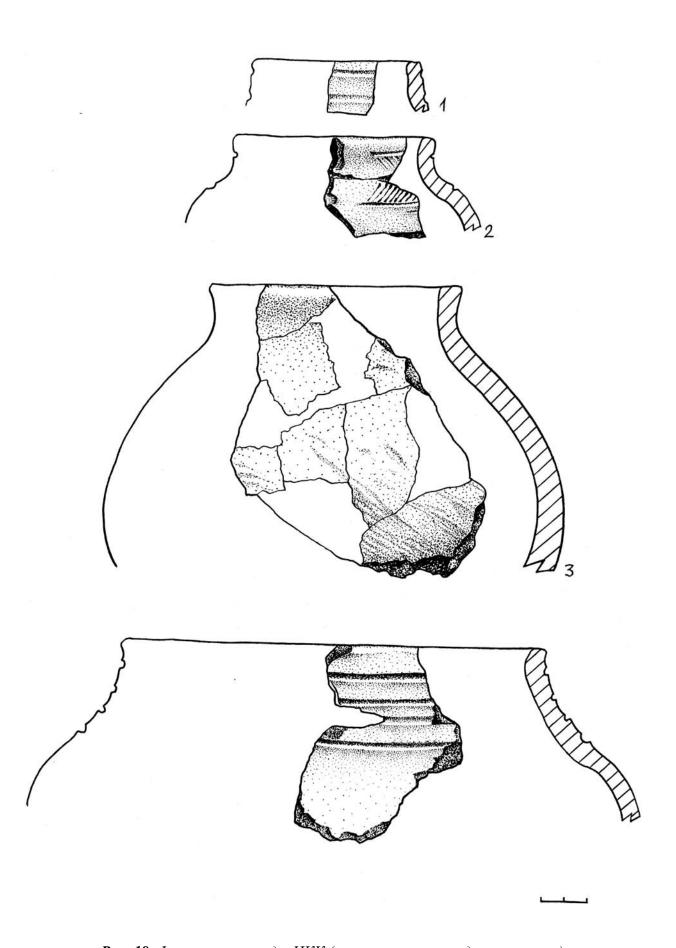


Рис. 19. Фрагменты посуды ИКК (горшки малых и средних размеров)

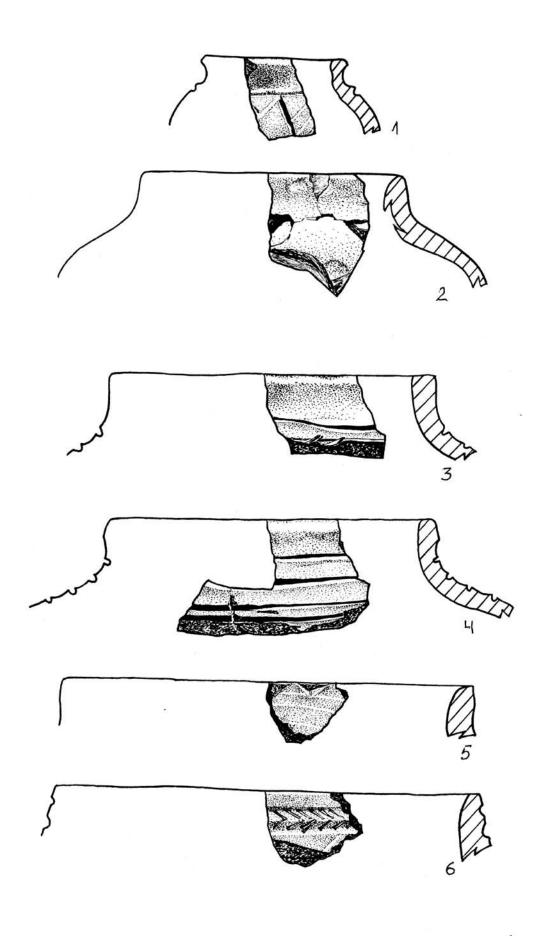


Рис. 20. Фрагменты посуды ИКК (горшки малых и средних размеров)

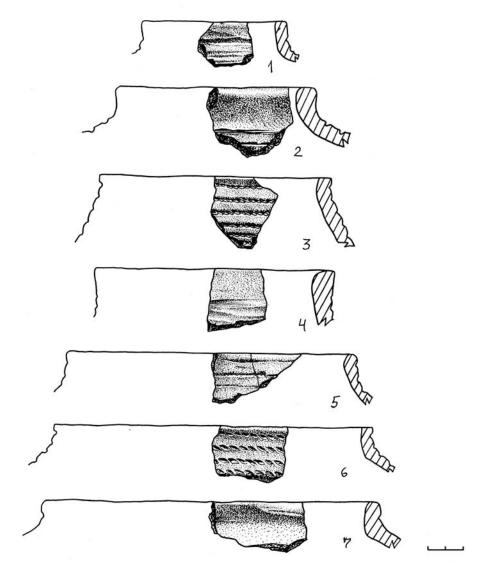


Рис. 21. Фрагменты посуды ИКК (горшки малых и средних размеров)

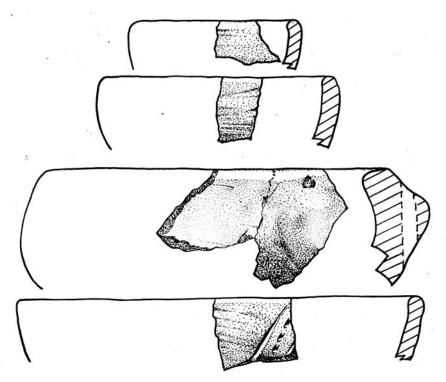


Рис. 22. Посуда (миски) ИКК

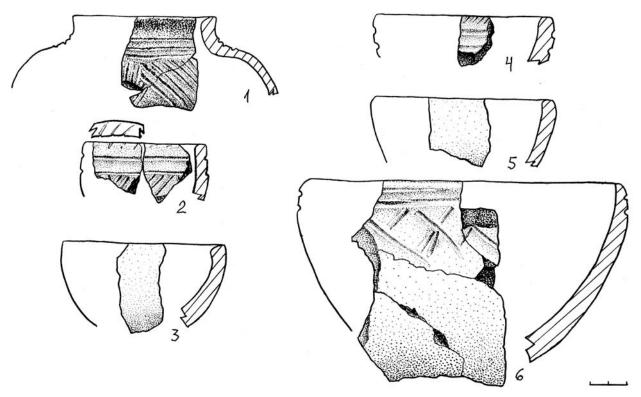


Рис. 23. Чашки-плошки ИКК (кроме миниатюрного сосуда 1)

Наиболее распространённый орнамент — это узкие горизонтальные врезные линии в несколько рядов, нанесённые на шейку сосуда, от которых вершинами вниз опущены треугольники, вписанные один в другом или заштрихованные косыми врезными линиями (рис. 24, 6-10; 25, 2-8, 13). Имеется также шнуровой орнамент с разными вариациями (рис. 25, 4, 10) и так называемые ручки-упоры, оттянутые из теста сосуда (рис. 26, 2).

Кроме этого, следует отметить ещё и такие находки: фрагмент керамического пряслица (рис. 26, 3) и фрагменты керамической воронки — одной из редких находок в Северо-Западном Причерноморье (рис. 26, I), хотя на Нижнем Дону в катакомбах курганов случаются находки такого типа посуды [2].

Следует также отметить, исходя из сравнительного анализа всей керамики памятника, что фрагменты посуды ИКК главным образом связаны с отложениями ракушки [3] и лишь в редких исключениях — вне их. Фрагменты керамики других культур или эпох встречаются значительно реже и выше залегания ракушки и совершенно не связаны с ней.

Среди 261 кремневого изделия, найденного на памятнике, следует отметить концевые и боковые подокруглые скребки (рис. 27, 1-8; 28, 1-3; 32, 1-3, 5-8), скобели (рис. 28, 4, 6, 10-12), резцы (рис. 29, 2, 3, 5), резак (рис. 29, 4), проколку-остроконечник (рис. 28, 5), ножи на пластинчатых отщепах (рис. 27, 10, 11; 29, 6, 7), а также кремнёвые отбойники подокруглой формы с хорошо фиксированной рабочей поверхностью (рис. 30, 3, 4; 31, 3).

Особого внимания заслуживает находка кремнёвого наконечника копья размером  $10.5 \times 3.7$  см. Форма его лавролистная, обработан он с обеих сторон плоской ретушью. Край наконечника с одного бока до половины обработан крутой ретушью, а с другой — лишь один край до середины такой же ретушью. Черенок у наконечника обломан (рис. 32, 4).

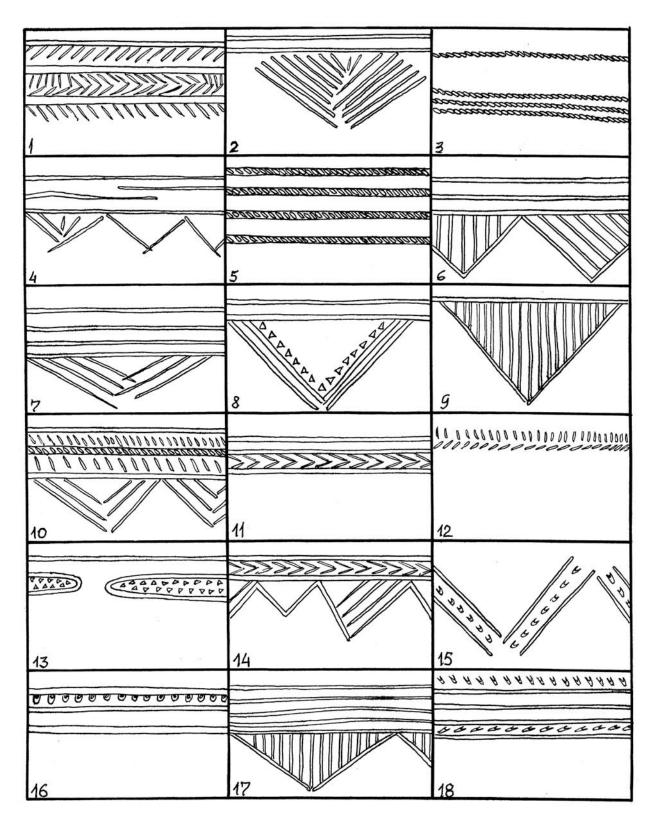


Рис. 24. Орнамент на посуде ИКК (Матвеевка 2 и 3)

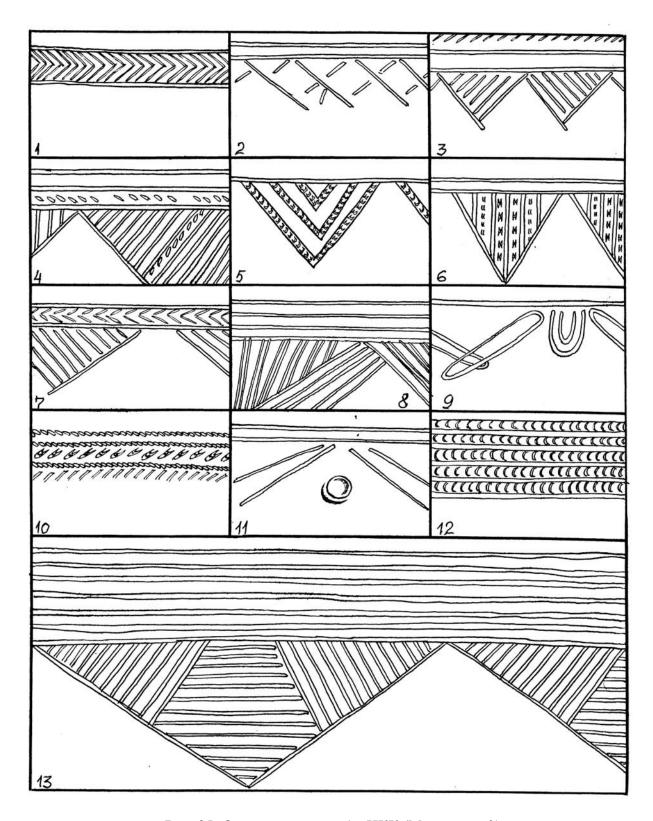


Рис. 25. Орнамент на посуде ИКК (Матвеевка 3)

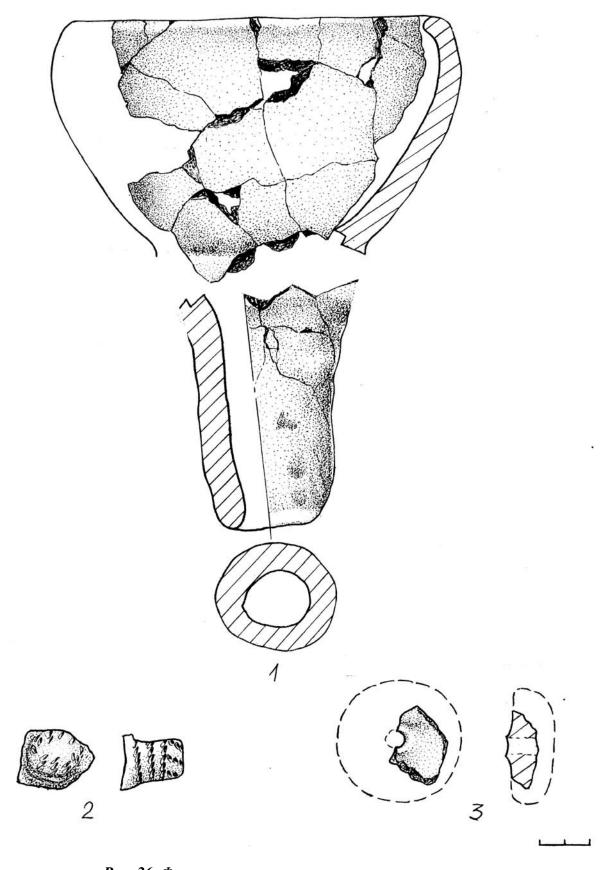


Рис. 26. Фрагменты воронки, ручки-упора и пряслица

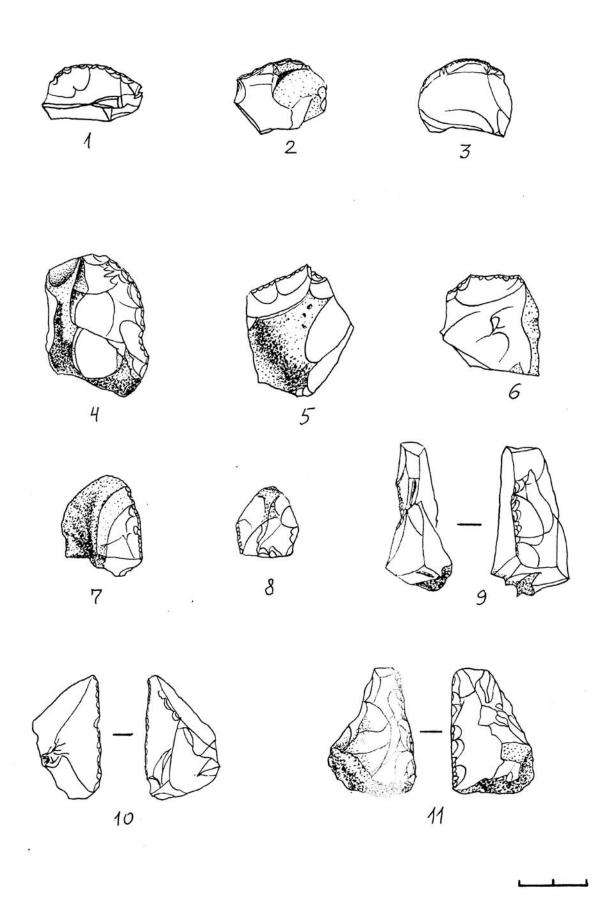
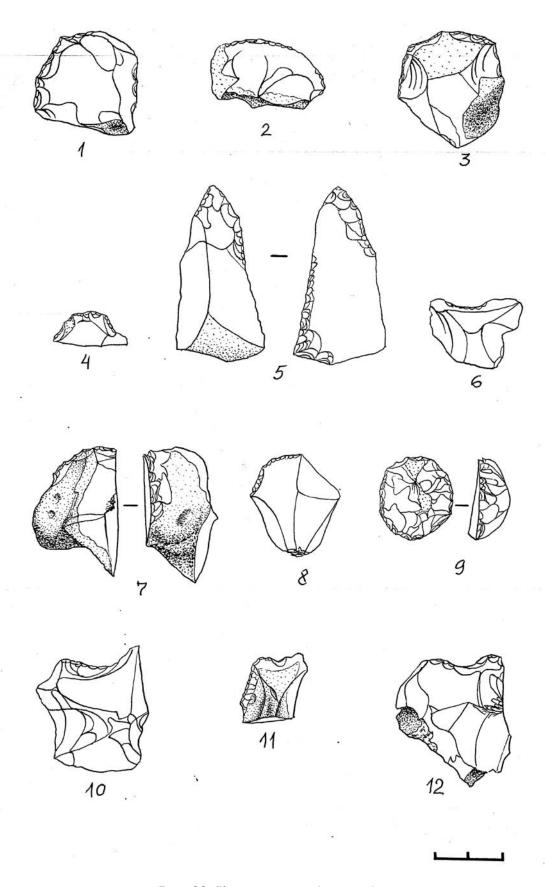


Рис. 27. Кремнёвые орудия труда



**Рис. 28.** Кремнёвые орудия труда

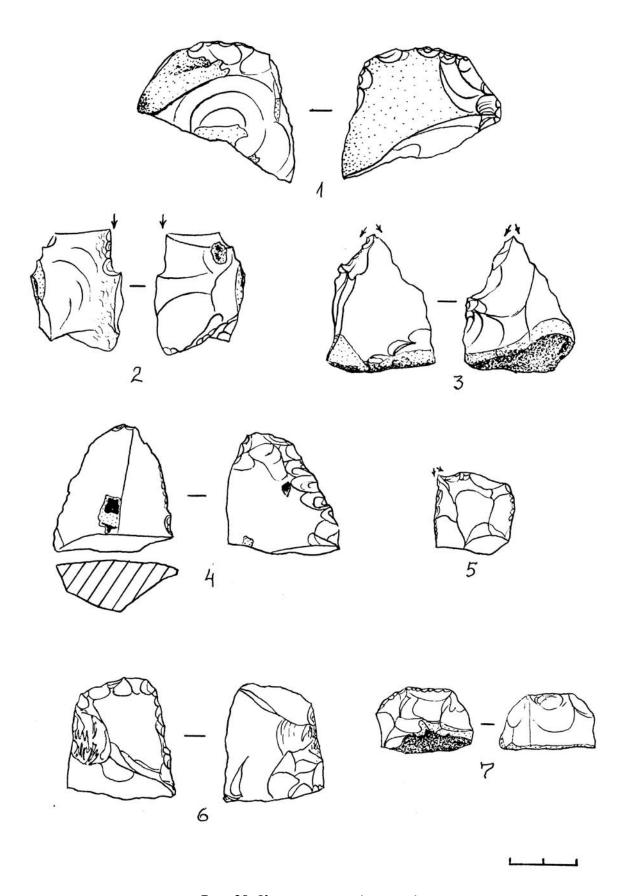


Рис. 29. Кремнёвые орудия труда

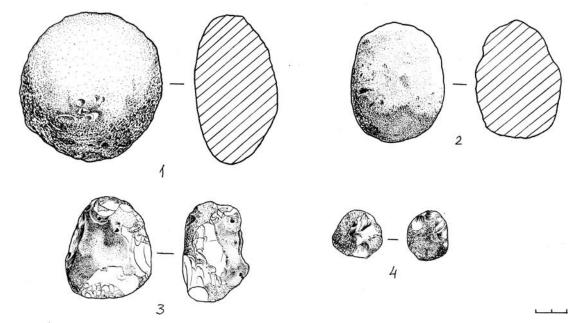


Рис. 30. Каменные и кремнёвые изделия

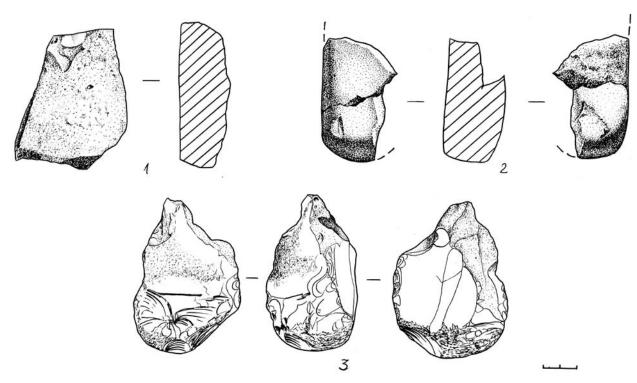


Рис. 31. Каменные и кремнёвые изделия (отбойник)

В составе изделий из камня следует отметить такие орудия, как топор-молоток (рис. 33, 2), плитки для растирания (рис. 33, 4-6), растиральник (рис. 33, 1), обломок подшипника для ручной дрели (рис. 34, 3), обломок пестика (рис. 35, 1).

Костяные изделия немногочисленны, но очень выразительны по своему назначению. Предварительно следует отметить, что некоторые из них были полифункциональны. Например, изделие из лопатки животного, которая тщательно обработана и заполирована до блеска. Это был, очевидно, шпатель-лекало-правило, который приобретал функции зачистки (гребенчатое сглаживание поверхности глиняного сосуда перед его обжигом). Верхняя боковая сторона орудия значительно сработана, имеет некоторую выемчатость и нарезной ряд зубчиков (рис. 36, 1).

В коллекции костяных орудий имеются также орнаментиры для нанесения на поверхности сосуда орнамента (рис. 36, 2, 3), проколки (рис. 36, 4; 37, 7; 38, 7), лощила (рис. 37, 1, 2), рашпили (рис. 36, 5; 38, 1, 2), заполированные рукоятки для ножей (рис. 37, 3, 5; 38, 3, 4), изделия, изготовленные из лопаток животных с поперечными срезами для сгонки мездры и жира с поверхности шкур животных (рис. 37, 6), позвонок животного со сквозным отверстием для протягивания и полирования тонких кожаных полос (рис. 38, 5).

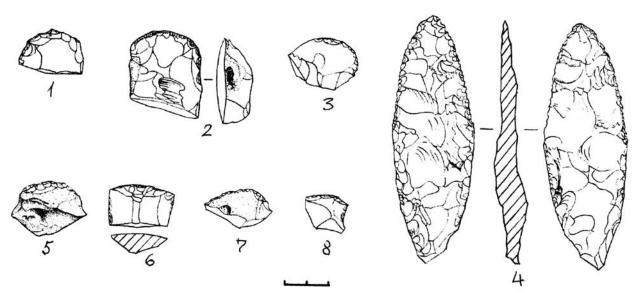


Рис. 32. Кремнёвые скребки и наконечник копья

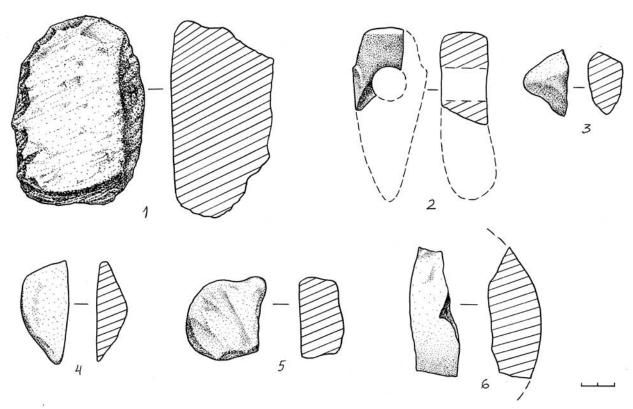


Рис. 33. Изделия из камня

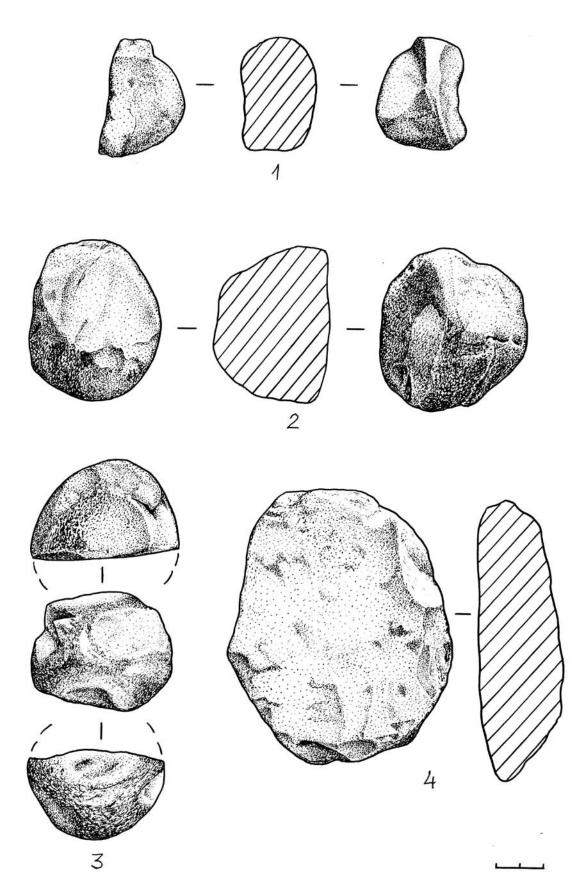


Рис. 34. Каменные изделия

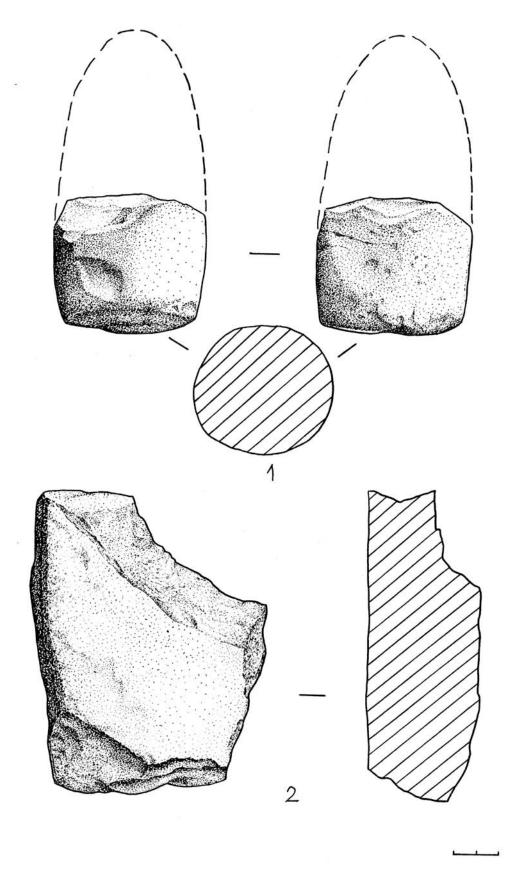
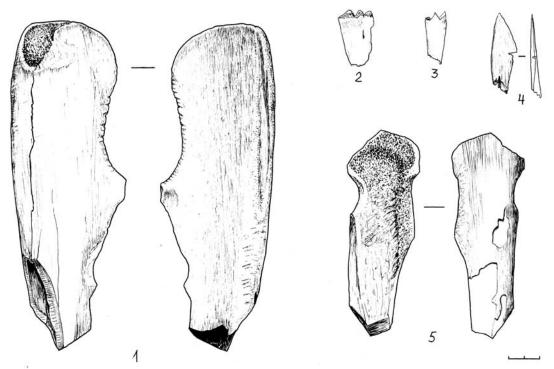


Рис. 35. Каменные изделия



**Рис. 36.** Костяные изделия

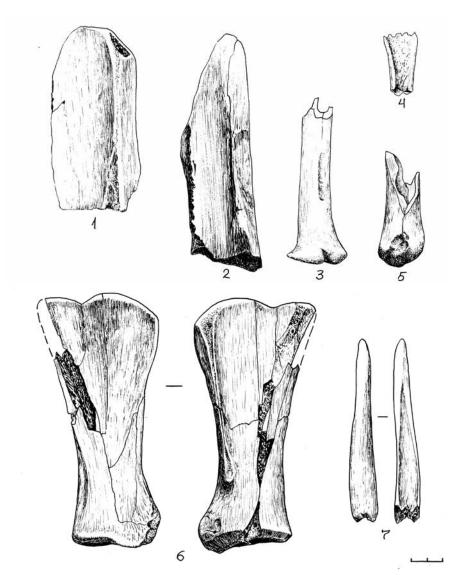


Рис. 37. Костяные изделия

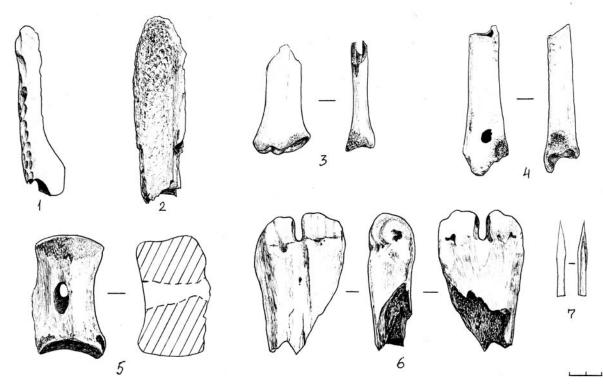


Рис. 38. Костяные изделия

\* \* \*

Среди 33167 костей животных с двух памятников удалось определить лишь 8159 костей\*\*, значительное количество которых принадлежало быку домашнему (5471 кость). В этом можно убедиться, обратившись к определению остеологического материала с Матвеевки II и Матвеевки III (см. Приложение 3). Остаток костей не поддавался определению. Следует также отметить, что среди костей животных встречаются горелые кости, которые могли использоваться как топливный материал.

Таким образом, исходя из напластований культурных остатков на местонахождениях Матвеевка II и Матвеевка III следует их рассматривать как стойбищелетовка.

Как свидетельствуют материалы исследований, проведённых на этих летовках, это памятники открытого типа, на которых располагались лагеря скотоводов для содержания животных в весенне-летне-осенний периоды на подножном корму. Здесь ещё следует добавить, что, должно быть, пастбище Матвеевка III во времена последующих культур и эпох не играло такой существенной роли, как во время существования ИКК. Ведь кроме нескольких фрагментов керамики и, возможно, какихто костей животных, относящихся к культурам последующих эпох, на памятниках Матвеевка II и Матвеевка III ничего другого обнаружено не было.

На этих памятниках никаких долговременных стационарных наземных или углублённых в землю построек выявить не удалось, что лишний раз может свидетельствовать о временном характере выпаса скота на месте пастбища и, очевидно, использовании скотоводами каких-то переносных жилищ типа юрт, палаток, а то и крытых повозок. А это как раз и перекликается с аналогичными явлениями, исследованными и зафиксированными в многочисленных этнографических источниках.

<sup>\*\*</sup> Определение остеологического материала осуществлено к.и.н. ст. научным сотрудником ИА НАНУ О.П. Журавлёвым. В то время, когда набирался текст монографии, пришло известие о кончине Олега Петровича.

#### Вместо заключения

Таким образом, в частично раскопанных стойбищах-летовках Матвеевка II и Матвеевка III подавляющее большинство материалов соответствует материалам Матвеевского поселения, а значит и ИКК.

Именно материалы, относящиеся к ИКК, лишний раз подчёркивают, в основном, скотоводческий характер хозяйства носителей ИКК. А если в среде скотоводов ИКК и сменивших их носителей БК отмечены трудно объяснимые явления, как, например, коллективное погребение в хозяйственной яме, то приходится примерно реконструировать такое явление, которое может, на наш взгляд, сводиться к следующему.

Если исходить из того, что пастбище (Матвеевка II) уже использовалось носителями БК, изгнавших с этого места обитателей Матвеевского поселения, выпасавших здесь постоянно свой скот, то можно предположить, что коллективное погребение, выявленное в хозяйственной яме на стойбище-летовке Матвеевка II, могло относится к БК. Тем более, если учесть, что скотоводы Матвеевского поселения содержали комолую породу быка домашнего, в отличие от обычной породы быков (череп такого быка с рогами и был обнаружен в погребении), то налицо, как нам представляется, захоронение семьи, возможно, пастуха БК в одном месте.

Исходя из присущего БК погребального обряда, он характерен, в основном, трупоположением на левом боку и в большинстве погребений с ориентировкой на восток. В данном случае нарушен этот обряд: трупоположение взрослых (мужчины и женщины) — на правом боку, головами на запад, подростка — на юг. Определить трупоположение младенца затруднено из-за растасканных костей скелета, хотя, если судить по положению in situ костей таза и черепа, то можно предположить, что этот костяк головой был сориентирован на северо-восток. Хотя в отдельных случаях подобные трупоположения с ориентацией на запад иногда встречаются в среде погребальных обрядов БК [4].

Но само погребение выглядит довольно странным. Во-первых, оно находится вне погребального комплекса (кургана, грунтового могильника); во-вторых, чувствуется поспешность захоронения, да ещё и в хозяйственной яме; и, в-третьих, погребальный обряд несколько отличен от принятого в среде БК.

По нашим предположениям, семья пастуха либо подверглась нападению стаи хищников, разорвавших членов семьи, либо скончалась от какой-то неизвестной скотоводам эпидемической болезни, например, тифа.

Спустя некоторое время после трагедии семьи пастуха, его соплеменники быстро и небрежно подвергли захоронению эту семью в одной из хозяйственных ям, присыпав тела покойников небольшим слоем земли.

Среди обнаруженных на стойбище-летовке Матвеевка III материалов обращают на себя внимание кремнёвый наконечник копья, воронка и костяные орудия, предназначавшиеся для различных трудовых процессов. Всё это свидетельствует о том, что на стойбищах-летовках Матвеевка II и Матвеевка III скотоводы занимались не только выпасом скота на подножном корму, но также приготовлением молочных продуктов (воронка), разделкой туш животных, обработкой их шкур и кож, гончарством (костяное правило-лекало для гребёнчатого сглаживания поверхности сосуда), прядением (фрагмент керамического пряслица и костяной кружок — элемент ручного веретена со стойбища-летовки Матвеевка II) и другими трудовыми операциями.

Занятие скотоводами охотой и собиранием моллюсков подтверждается культурными наслоениями в виде раковин моллюсков и костями диких животных (см. Приложение  $N \ge 2$ ).

Необычна находка в культурном слое Матвеевки III черепа мужчины, что заставляет обратиться к таким источникам как сакральные отношения скотоводов древности и отсталых племён современности к своим предкам.

Согласно исследованиям, проведённым В.И. Гуляевым, М.Б. Медниковой и другими авторами, появляется возможность определить находку черепа в неглубокой траншее как нечто сакральное. Такое явление как отделение головы от туловища и различные манипуляции над ней (удаление мягких тканей лица, задней части черепа, моделировка и обмазка лицевой части черепа и др.) может свидетельствовать о том, что голова (череп) являлась чем-то особенным, и в то же время неотделимым от тех, в среде которых при жизни обитал владелец черепа. В.И. Гуляев отмечает: «...Боязнь вредоносного воздействия мёртвых на живых не препятствовала желанию сохранить с ними определённые связи» [5].

А М.Б. Медникова определяет: «... Свод черепа... ассоциируется с небесным сводом. В этом культурологическом контексте археологические примеры сложного обращения с головой покойного могут быть интерпретированы как воссоздание древнейшего космогонического мифа» [6].

К сказанному следует добавить, что некоторые исследователи обряда моделировки лица по черепу приходили к выводу о том, что такие манипуляции могли иметь место в среде патриархально-родовой общины, в которой правили вождь-патриарх и жрец [7]. Именно таким особам уделялось особое внимание после смерти, выражаемое в почитании главного органа по представлениям древних — человеческой голове. Череп, найденный на стойбище-летовке Матвеевка III мог быть ещё и элементом каких-то синкретических действий скотоводов на этом месте.

Если же коснуться погребённых с моделировкой черепа, обнаруженных в курганах Надчерноморья, то число их достигает до полусотни. И относятся они к ИКК [8]. При рассмотрении статуса погребённых, обнаруженных в курганах бассейна р. Молочной Запорожской области, вызывает некоторое сомнение принадлежность их к составу вождей или жрецов. Дело в том, что обнаруженные в погребениях среди погребального инвентаря стрекала (а в других случаях посохи-герлыги) являются обычной принадлежностью пастуха. И вряд ли такое специфическое орудие труда пастуха как стрекало или герлыга могли класть в могилу вождю или жрецу. Но даже если допустить, что такие, сугубо пастушеские, орудия труда могли являться символами владения поголовья скота, то такой факт пока неизвестен.

Выпас домашних животных на пастбище для пастуха и его семьи был делом нелёгким и ответственным. Нельзя не учитывать такие факторы в тех условиях, как наличие степных хищников, попытки захвата пастбища неприятелем, угон скота, степные пожары и другие явления, способные погубить стадо, охранителем которого являлся пастух. Скот для пастушеско-скотоводческих племён, как известно, являлся высочайшей ценностью и поэтому его доверяли опытным и смелым пастухам, могущим постоять за сохранность стада при любых обстоятельствах. И от этого зависела жизнь рода, общины и семьи пастуха. Поэтому, на наш взгляд, при жизни и после смерти таким пастухам могли воздавать определённые почести. После их смерти моделировалось лицо, в погребальную камеру укладывались атрибуты пастушеского назначения: стрекало или герлыга, оружие (боевые топоры, стрелы и др.), традиционный сосуд с напутственной едой, чаша с питьём и др. А моделировка черепа пастуха, скорее всего, являлось признанием высокой заслуги пастуха или членов его семьи перед родовой общиной, способных сохранить и защитить поголовье скота.

### Литература

- 1. Граков Б.Н., Елагина Н.Г. Отчёт Скифской степной экспедиции МГУ за 1957 г. М., 1958. С. 29-30, рис. 42, 43, 46, 54.
- 2. Власкин М.В., Ильюков Л.С. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона. РА. № 3. 1992. С. 178-194; Федорова-Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шаховская ІІ на р. Маныче. Древности Дона. М.: Изд-во «Наука», 1983. С. 35-87; Иессен А.А. Раскопки курганов на Дону в 1951 году. КСИИМК. 1954. вып. 53. С. 61-79; Галкин Л.Л. Одно из древнейших практических приспособлений у скотоводов. СА. № 3. 1975. С. 186-192.
- 3. Журавель П.А. О расселении дрейссены бугской в искусственных водоёмах. Гидробиологический журн. 1967. № 32. С. 87-90; Харченко Т.А. Дрейссена: ареал, экология, биопомехи. Гидробиологический журн. 1995. —№ 31. С. 3-21.
- 4. Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинёв: Штиинца, 1992. С. 71-75, 90-91.
- 5. Гуляев В.И. Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. КСИА. 2013. № 229. С. 3-10.
- 6. Медникова М.Б. Обращение с головой умершего. Погребальная практика древности по данным палеоантропологии. КСИА. 2010. № 224. С. 98-106.
- 7. Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. Обряд моделировки лица по черепу у племён катакомбной культуры. Духовная культура древних обществ на территории Украины. К.: Наукова думка, 1991. С. 59-84.
  - 8. Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. ... С. 59-60.

# ПАЛЕОАНТРОПОЛОГІЧНИЙ МАТЕРІАЛ ЗІ СТІЙБИЩА-ЛІТОВКИ МАТВІЇВКА ІІІ НОВООДЕСЬКОГО РАЙОНУ МИКОЛАЇВСЬКОЇ ОБЛАСТІ

Кістки людини, виявлені в квадраті 7 (розкоп III) на різній глибині від 0,5 до 0,68 м належать одному індивідуумові.

На глибині 0,5-0,6 м виявлено дрібні фрагменти плічової та променевої кісток. Вони дуже масивні, м'язовий рельєф значно розвинений.

На глибині 0,68 м знайдено дрібні фрагменти черепа, уламки ліктьової й променевої кісток. Судячи по фрагментах, череп дуже масивний, стінки товсті, значно розвинений м'язовий рельєф: надбрівні дуги 2 бали, сосцевидний відросток 2 бали. Цілковита облітерація вінечного й сагітального шова. Стертість зубів значна: 3-5 балів, нижня щелепа масивна, значно розвинений підборіддєвий виступ.

Кістки верхніх кінцівок досить масивні, м'язовий рельєф значно розвинений. Кістки посткраніального скелету належать чоловікові віком 50-55 років.

Л.В. Літвінова

# Результати радіовуглецевого датування

<b>Матвіївка II</b> , р.І, госп. яма 1, кістки тварин, МКМ-2003, 13.06.2005, М. М. Ковалюх	Ki-12089	3950±70 BP	1σ 2499-2395 BC 2σ 2601-2271 BC (Βίκ BC/AD)
Те саме 21.06.2005, М. М. Ковалюх	Той самий	3950±70 BP	<b>Медіани:</b> 1σ 2447±70 BC 2σ 2436±70 BC

# О.П. Журавльов

# ОСТЕОЛОГІЧНІ МАТЕРІАЛИ З КАТАКОМБНИХ ПОСЕЛЕНЬ\* МАТВІЇВКА ІІ І МАТВІЇВКА ІІІ

#### Bcmyn

Кістки з катакомбних поселень Матвіївка 2 і Матвіївка 3 визначалися візуально за існуючими методиками (Громова, 1950; Громова, 1953; Громова, 1960; Журавлёв, 1982, с. 205-216; Boessneck, Müller, Teichert, 1964; Kratochvil, 1969, р. 483-490; Schramm, 1967b, s. 107-133).

Виміри кісток провадилися за загальноприйнятою методикою (Duerst, 1930) з точністю до 0,5 мм. Відсотки розраховувалися з точністю 0,5%. Біометрична обробка даних проведена за загальноприйнятою методикою (Лакин, 1973). Різницю я вважав достовірною тоді, коли при ступені достовірності P = 0,99 показник критерію оцінки t дорівнював або перевищував значення  $\pm 2,59$ . Такий високий показник достовірності (P = 0,99) я приймав зважаючи на велику мінливість кісток свійських тварин.

Перелік знахідок наведено в Таблицях 1 і 2, співвідношення між ссавцями — в Таблиці 3, біометрична обробка даних — в Таблицях 4 і 5.

Хочеться подякувати В.І. Нікітіна за надання матеріалів і можливість їх публікації, та Л.Ю. Тим і В.І. Яковенка за допомогу у визначенні кісток.

#### Огляд свійських тварин

**Бик свійський (Bos taurus L.)**. Цей вид за кількістю кісток посів перше місце на обох поселеннях. А от за кількістю особин — тільки на Матвіївці 3, поступаючись дрібній рогатій худобі на Матвіївці II (Таблиці 1-3). Слід зазначити, що я вживаю зоологічні назви видів, щоб уникнути плутанини.

Бика свійського у нас часто називають ще «великою рогатою худобою». Але останній термін треба вживати з обережністю, оскільки під ним в широкому розумінні слова мають на увазі два види буйволів і один — биків (Дмитриев, 1978, с. 6). Проте, оскільки рештки буйволів в остеологічних матеріалах тут не знайдено, то можемо вживати термін «велика рогата худоба» у вузькому значенні, маючи на увазі тільки нашого свійського бика. І ще одне. Термін «скотарство» часто вживають як синонім терміну «тваринництво». Але він означає лише розведення великої рогатої худоби, і більше нічого.

На жаль, цілих черепів або принаймні великих фрагментів їх, за якими можна було б спробувати дати краніологічну характеристику цьому видові, тут я не знайшов. Тільки на поселенні Матвіївка III був знайдений фрагмент від комолого черепу (Таблиця 3). Його розміри наведені в Таблиці 5.

<sup>\*</sup> О.П. Журавльовим стійбища-літовки помилково названі поселеннями.

**Таблиця 1.** Перелік знахідок кісток тварин з катакомбного поселення Матвіївка 2

Ознака	Бик свійський	Вівця свійська	Коза свійська	Вівця та коза
1. Частина скелету				
Рогові стрижні самки	2		1	
Мозкові частини	74			11
черепу	/4			11
Лицьові частини	41			9
черепу	71			9
Зуби верхні	55			35
Нижні щелепи	76			28
Зуби нижні	10			11
Хребці	115			17
Ребра	39			5
Лопатка	11	3		3
Плечова	24(3)*	3		3
Променева+ліктьова	41(6)	2(1)		7(1)
П'ясткова	20			2
Тазова	23			12
Стегнова	26(11)			1(1)
Великогомілкова	24(9)	3	1	3(2)
Таранна	13	4	2	1
П'яткова	16(5)	1	1	3
Центральна	4			3
Наколінок	3			
Інші суглобові	73			2
Плеснова	17(1)	1		4
Метаподії	37			8(5)
I фаланга	34(2)			2
II фаланга	28	1		
III фаланга	14			
Разом**	920	18	5	170
2. Число особин	1			I
Молоді	6			3
Напівдорослі	3	1		
Дорослі	10***	4	2****	
Разом	19	15	2	3
3. Стан зубного ряду і				
М <sub>3</sub> ще немає	8			
М <sub>3</sub> прорізується	1			
$M_3 \epsilon$	8			3
Всі постійні	2			6
Разом	19			9
1 asum	19			<u> </u>

<sup>\*</sup> В дужках тут і далі, а також в Таблиці 2, вказано кількість кісток, у яких ще не приросли епіфізи.

<sup>\*\*</sup> Крім того, знайдені:1 кістка птаха, не визначено 287 фрагментів кісток ссавців (25% всіх знахідок).

<sup>\*\*\*</sup> По роговим стрижням з них 2 самки.

<sup>\*\*\*\*</sup> По роговому стрижню з них 1 самка.

Свиня свійська	Кінь свійський	Собака свійський	Заєць русак	Лисиця звичайна
	T T		T	
				1
1	1			
1	1	1	1	
1	2	1	1	
	2		5	
	1		5	
			1	
			1	
			2	
	1		2	
	1		2	
			2	
	1			
	1			
	2			
1	Δ			
1				
	2			
	2			
3	10	1	11	1
J	10	1	11	1
1				
1				
1	1	1	1	1
2	1	1	1	<u> </u>
<u> </u>	1	1	1	1
	IIII			
	ЦЦ			
		1		
		1		
		1		

**Таблиця 2.** Перелік знахідок кісток тварин з катакомбного поселення Матвіївка 3

Ознака	Бик	Вівця	Коза свійська	Вівця
	свійський	свійська	110000 02111021111	та коза
1. Частина скелету				
Рогові стрижні самки	1			
Мозкові частини черепу	10*			19
Лицьові частини черепу	24			19
Зуби верхні	114			78
Нижні щелепи	65			42
Зуби нижні	118			57
Хребці	195	2		50
Ребра	53			7
Лопатка	31	10	1	7
Плечова	42(5)	11	1	9(3)
Променева+ліктьова	64(6)	2	1	13(2)
П'ясткова	36	2		9
Тазова	37	1		22
Стегнова	48(9)			13(3)
Великогомілкова	24(8)	11(2)	2	10(4)
Таранна	29	13	2	4
П'яткова	7(1)	2(1)	1	1
Центральна	4	, ,		8
Наколінок	5			1
Грифельна				
Інші суглобові	112			12
Плеснова	21(1)	9		9
Метаподії	36(2)			7(3)
I фаланга	69(1)	5		4
II фаланга	88(1)	5	1	
III фаланга	41			2
Разом**	1 386	73	9	403
2. Число особин				
Молоді	6			3
Напівдорослі	5	2		1
Дорослі	22***	8	2	
Разом	33	10	2	4
3. Стан зубного ряду ниж	кніх щелеп			
М2 ще немає	1			
М <sub>3</sub> ще немає	1			3
М <sub>3</sub> прорізується	1			3
$M_3 \epsilon$	10			4
Всі постійні	7			<del>1</del>
Разом	20			17
1 a3UM	20			1 /

<sup>\* 3</sup> них 1 від комолого черепа.

<sup>\*\*</sup> Крім того, знайдені: 1 кістка птаха, не визначено 287 фрагментів кісток ссавців (25% всіх знахідок).

<sup>\*\*\*</sup> По роговому стрижню з них 1 самка.

Свиня свійська	Кінь свійський	Собака свійський	Заєць русак	Борсук	Кабан	Сайга
	T	<u> </u>				T
	1					
1	1					
2		1				
2		1	1			
4		1	1		1	
1	1		4			
	2		3			
		2	1			
		1		1		
1			2	1	1	
			3(1)			
			1			
						2
1			2			
	1					
	1 2					
1	2					
1		2	4			
1	2	2	•			
	1					
1	1					
19	11	7	21	2	2	2
		'				
			1			
1	1	2	2	1	1	1
1	1	2	3	1	1	1
	1	<u> </u>				T
1						
1		1	1			
1		1	1			
2		1	1			

Таблиця 3. Співвідношення між ссавцями з поселень катакомбної культури Матвіївка 2 і Ма

	Матвіївка 2					
Вид	Кістки		О	собини		
	Абс.	%	Абс.	%		
1. Свійські						
Бик свійський	920	81,0	19	44		
Вівця свійська	18	2,0	15	35		
Коза свійська	5	0,5	2	5		
Вівця та коза	170	15,0	3	7		
Свиня свійська	3	0,3	2	5		
Кінь свійський	10	1,0	1	2		
Собака свійський	1	0,2	1	2		
Разом	1 127	100,0	43	100		
2. Дикі		•				
Заєць русак	11	92	1	50		
Лисиця звичайна	1	8	1	50		
Борсук						
Кабан						
Сайга						
Разом	12	100	2	100		
3. Співвідношенн	я між свійськи	ми та дикими	<u> </u>			
Свійські	1 127	99	43	96		
Дикі	12	1	2	4		
Разом	1 139	100	45	100		

## твіївка З

Матвії	вка 2	Матвіївка 3					
Жива ва	га в кг	Kio	Кістки Особини		бини	Жива	вага в кг
Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
				_			
8 366	87,0	1 386	73,0	33	62	14 019	90
240	2,5	73	4,0	10	19	600	4
120	1,3	9	0,5	2	4	120	1
90	1,0	403	21,0	4	7	150	1
300	3,0	19	1,0	1	2	200	1
452	5,0	31	0,3	1	2	452	2
25	0,2	7	0,2	2	4	50	1
9 593	100,0	1 908	100,0	53	100	15 391	100
	·			•			
5	22	21	79	3	50,0	15	4
18	78						
		2	7	1	16,6	18	5
		1	7	1	16,6	200	78
		2	7	1	16,6	50	13
23	100	27	100	6	99,8	383	100
		,		•	•		
9 593	99	1 908	99	53	90	15 591	98
23	1	27	1	6	10	383	2
9 616	100	1 935	100	59	100	15 974	100

**Таблиця 4.** Мінливість кісток ссавців з катакомбного поселення Матвіївка 2

Ознака (мм, %)	Бик свійський	Вівця свійська	Коза свійська
1. Ширина потиличних виростків черепу	1(-)102,50*		
Ширина потиличного отвору його	1(-)38,50		
3. Висота потиличного отвору його	1(-)38,50		
4. Альвеолярна довжина (далі — АД) АД М¹-М²			
<ol> <li>Довжина Р<sup>4</sup></li> </ol>			
6. Ширина Р <sup>4</sup>			
7. Довжина М <sup>1</sup>			
8. Ширина M <sup>1</sup>			
9. Довжина M¹- M² по коронці			
10. Довжина М <sup>3</sup>	3(29,5-31)30,83		
11. Ширина М <sup>3</sup>	3(21,5-23,5)22,33		
12. Артикулярна довжина нижньої щелепи (далі —			
н. щелепи)			
13. Ангулярна довжина її			
14. Довжина діастеми її			
15. Товщина діастеми її			
16. Висота діастеми її			
17. Висота перед АД зубно-			
го ряду її			
18. Висота позаду АД зубного ряду її			
19. Висота по суглобовій поверхні її			
20. АД зубного ряду її			
21. АД M <sub>1</sub> -M <sub>2</sub> ii	2(84,5-96)90,25		
22. Довжина М,	$7(36-40)38,37\pm0,56$		
23. Ширина М,	10(14-17,5)15,95±0,43		
24. Ширина нижнього кін- ця (далі — ШНК) лопатки	3(77-83)69,00	3(40-42)40,67	
25. Великий діаметр (далі — ВД) суглобової западини (далі — СЗ) її	3(68-70)69,00	3(31,5-32,5)32,17	
26. Малий діаметр (далі — МД) СЗ її	4(55,5-63,5)59,50±2,01	3(24,5-25,5)25,00	
27. Від гребеня до СЗ її		3(25-36,5)25,67	
28. Ширина шийки (далі — ШШ) її	3(58-71)63,67	3(24-25)24,33	
29. Відношення 26 до 24	3(72-73,5)72,67	3(60,5-62,5)61,50	
30. Відношення 26 до 25	3(81,5-87)84,17	3(75,5-79,5)78,33	
31. Відношення 27 до 28	- (,, ),	3(1,00-1,10)1,053	
32. Відношення 28 до 27		3(91,5-100)94,33	

Кінь свійський	Собака свійський	Заєць русак	Лисиця звичайна
			1(-)104,50
			1(-)14,00
			1(-)5,50
			1(-)10,00
			1(-)11,00
			1(-)14,00
			1(-)13,50
			1(-)10,50
		1(-)77,00	
		1(-)73,00	
		1(-)22,00	
		1(-)5,00	
		1(-)8,50	
		1(-)13,50	
		1(-)10,00	
		1(-)42,00	
		1(-)19,50	

Ознака (мм, %)	Бик свійський	Вівця свійська	Коза свійська
33. ШНК плечової	1(-)89,00	3(37-41)38,50	
34. Ширина нижнього	` '		
суглобового блоку (далі — ШБЛ) її	1(-)83,00	3(33,5-37,5)34,83	
35. Медіальна висота блоку (далі — МВБЛ) її	4(46-53,5)51,00	3(22-25)23,33	
36. Найменша висота посередині блоку (далі — НВБЛ) її	2(32,5-38,5)35,50	3(17,5-18,5)17,83	
37. Відношення 35 до 34	1(-)55,0	3(66,5-68,5)67,50	
38. Відношення 36 до 34	1(-)46,50	3(49,5-53)51,83	
39. ПДВ променевої		, ,	
40. Ширина верхнього кін- ця (далі — ШВК) її	1(-)85,00		
41. Ширина верхньої суглобової поверхні (далі — ВСП) її	1(-)67,00		
42. Медіальний поперечник (далі — МП) ВСП її	3(40,5-50,5)44,67		
43. Латеральний поперечник (далі — ЛП) ВСП її	4(24,5-31,5)28,50±1,41		
44. Ширина діафізу (далі — ШД) її		1(-)19,50	
45 Поперечник діафізу (далі — ПД) її		1(-)32,50	
46. ШНК її			
47. Поперечник нижнього кінця (далі — ПНК) її			
48. Відношення 40 до 39			
49. Відношення 44 до 39			
50. Відношення 46 до 39			
51. Відношення 42 до 41	1(-)51,50		
52. Відношення 43 до 42	1(-)70,50		
53. Відношення 45 до 44			
54. Відношення 47 до 46			
55. Поперечник на рівні (далі — ПНР) вінцевого відростку (далі — ВВ) ліктьової			
56. Поперечник верхньо-			
го кінця (далі — ПВК) п'ясткової	3(36-42,5)39,50		
57. ШНК її	2(60,5-77)68,75		
58. ПДВ тазу	2(00,5 11)00,15		
59. Повна ширина його			
60. Довжина клубової кіст-ки його			
61. Довжина сідничої кістки його			

# Продовження Таблиці 4

Кінь свійський	Собака свійський	Заєць русак	Лисиця звичайна
		1( )112 00	
		1(-)112,00	
		1(-)30,00	
		1(-)6,50	
		1(-)6,00	
		1(-)4,00	
		1(-)11,00	
		1(-)6,00	
		1(-)8,00 1(-)5,00	
		1(-)9,00	
		1(-)11,00	
1(-)31,50			
\ /- /- ·			
		1(-)104,00	
		1(-)35,00	
		1(-)51,00	
		1(-)46,50	

Ознака (мм, %)	Бик свійський	Вівця свійська	Коза свійська
62. Довжина кульшової западини (далі — КЗ) його	1(-)74,00	1(-)32,50	
63. Ширина КЗ його		1(-)30,00	
64. ШД великогомілкової		( ) /	1(-)14,00
65. ШНК її	3(63,5-41)66,00	3(32-33,5)32,33	1(-)25,00
66. Поперечник нижнього кінця (далі — ПНК) її	3(49-53,5)51,25	3(24,5-25,5)24,00	1(-)20,00
67. Відношення 66 до 65	2(75,5-77)76,25	3(76-79)77,33	1(-)78,50
68. Висота таранної			( ) : - )
69. Зовнішня довжина (далі — ЗДВ) її	5(68,8-74)70,60±1,14	3(33-34,5)34,00	2(29- 31,5)30,25
70. Внутрішня довжина (далі — ВНДВ) її	4(63-64)63,375±0,28	3(32-33)32,67	2(27- 29,5)28,25
71. ШВК її	4(42-48,5)44,75±1,61	4(22,5-23,5)23,00±0,24	2(19-20)19,50
72. ШНК її	5(42,5-51,5)46,30±2,00	2(21,5-22,5)23,00	2(19,5- 20,5)20,00
73. Підношення 72 до 68			
74. Відношення 72 до 69	5(60,5-70,5)65,50±2,08	2(62,5-654)63,75	1(65-67)66,00
75. ПДВ п'яткової	1(-)110,00	1(-)66,00	1(-)59,50
76. Ширина на рівні (далі — ШНР) ВВ її	2(47-50)48,50	1(-)18,00	1(-)19,00
77. ПНР ВВ її	4(48-57)52,25±2,10	1(-)22,50	1(-)19,00
78. Ширина центральної	3(54-67,5)61,33		
79. Поперечник її	2(58-61)59,50		
80. ШВК плеснової	2(53-57)55,00	1(-)24,00	
81. ПВК її	3(51-56,5)53,75	1(-)23,50	
82. ШД її	1(-)28,50		
83. ШНК її	1(-)58,00		
84. Відношення 81 до 80	2(36-39)37,50	1(-)98,00	
85. ПДВ І фаланги	6(61-77)70,17±3,25	1(-)28,00	
86. Довжина по середній лінії (далі — ДСРЛ) її	6(52-68,5)60,75±3,09	1(-)25,00	
87. ШВК її	9(29,5-38,5)34,06±1,34	1(-)14,50	
88. ПВК її	$7(34,5-46,5)39,71\pm1,94$	1(-)16,00	
89. ШД її	6(25-35)29,17±1,64	1(-)11,00	
90. ПД її	8(18,5-25)21,00±0,82	1(-)11,50	
91. ШНК її	8(28-37)31,44±1,18	1(-)11,50	
92. ПНК її	8(21,5-28)23-69±0,82	1(-)15,00	
93. Відношення 87 до 85	6(47-51,5)49,50±0,71	1(-)52,00	
94. Відношення 89 до 85	5(40-46)42,80±1,29	1(-)39,50	
95. Відношення 91 до 85	5(44-51)46,90±1,42	1(-)41,00	
96. Відношення 88 до 87	7(110,5-125,5)116,50±2,31	1(-)110,50	
97. Відношення 90 до 89	6(70-74,5)72,18±0,66	1(-)104,50	
98. Відношення 82 до 91	8(71,5-80,5)75,375±1,24	1(-)130,50	
99. ПДВ II фаланги (у коня — передньої)	11(41,5-52)46,50′1,26		
100. ДСРЛ її	16(37,5-47,5)42,875±0,81		
101. ШВК її	16(29,5-37,5)33,16±0,67		

# Продовження Таблиці 4

	Собака свійський	Заєць русак	Лисиця звичайна
		2(14,5-14,5)14,50	
		2(13-13)13,00	
		, , ,	
	1(-)30,50		
	1/\\10.50		
	1(-)18,50		
	1(-)61,50		
_			
1()//2 00			
1(-)48,00			
1(-)45,00 1(-)58,50			

Ознака (мм, %)	Бик свійський	Вівця свійська	Коза свійська
102. ПВК її	10(30,5-40)34,20±1,01		
103. ШД її	14(22,5-30,5)26,75±0,70		
104. ПД її	15(21,5-28)25,17±0,29		
105. ШНК її	14(24-31,5)27,875±0,76		
106. ПНК її	$12(17-33,5)30,31\pm0,72$		
107. Відношення 101 до 99	11(69-78,5)74,64±0,87		
108. Відношення 103 до 99	10(52-62)57,20±1,11		
109. Відношення 105 до 99	$8(55-67)60,56\pm1,48$		
110. Відношення 102 до 101	10(94,5-111)104,05±1,69		
112. Відношення 104 до 103	14(87,5-100)94,64±1,15		
113. Відношення 106 до 105	12(101-113,5)108,57±1,27		
114 Довжина переднього краю (далі — ДПКР) III фаланги	7(53-69)59,79±2,36		
115. Підошвенна довжина її	$6(67-81)74,42\pm2,11$		
116. Висота її	9(33-44)39,44±1,32		
118. Відношення 116 до 114	7(62,5-91)65,79±1,59		
119. Висота в холці по таранним в см	5(127,5-138,5)131,20±2,11		

<sup>\*</sup> Тут і далі в усіх Таблицях біометричної обробки даних вказано: кількість вимірів (межі мінливості) середнє арифметичне  $\pm$  його помилка.

### Закінчення Таблиці 4

Кінь свійський	Собака свійський	Заєць русак	Лисиця звичайна
1(-)51,00			
1(-)25,00			
1(-)57,00			
1(-)29,50			
1(-)122,00			
1(-)100,50			
1(-)119,00			
1(-)49,00			
1(-)52,00			

**Таблиця 5.** Мінливість кісток ссавців з катакомбного поселення Матвіївка 3

Ознака (мм, %)	Бик свійський	Вівця свійська
1. Ширина міжорбітна найбільша черепу	1(-)224,00	
2. Ширина міжорбітна найменша його	1(-)176,00	
3. Ширина заорбітна його	1(-)171,00	
4. Ширина там, де повинні	1()122.00	
бути роги його	1(-)122,00	
5. Висота черепу позаду	1(-)154,00	
6. Висота потиличної кістки його	1(-)112,00	
7. Ширина потиличної кістки його	1(-)200,00	
8. Ширина потиличних виростків його	1(-)100,00	
9. Ширина потиличного отвору його	1(-)44,50	
10. Висота його потиличного отвору	1(-)42,00	
11. АД Р <sup>2</sup> -Р <sup>4</sup>	1-)57,00	
12. АД M¹-M³	- /- /, - /	
13. Довжина М <sup>3</sup>	7(31-34)32,86±0,42	
14. Ширина М <sup>3</sup>	7(21-26,5)24,00±0,78	
15. Артикулярна довжина		
н. щелепи		
16. Ангулярна довжина її		
17. Довжина діастеми її		
18. Товщина діастеми її		
19. Висота діастеми її		
20. Висота перед АД зубного ряду її		
21. Висота позаду АД зубного ряду її		
22. Висота по суглобовій поверхні її		
23. АД зубного ряду її		
24. АД Р <sub>2</sub> -М <sub>3</sub> її	1(-)142,50	
25. АД Р <sub>2</sub> -Р <sub>4</sub> її	5(48-57,5)52,20±1,76	
26. АД М₁-М₃ її	2(93,5-101)97,25	
27. Довжина M <sub>3</sub>	5(38,5-42,5)42,20±0,82	
28. Ширина M <sub>3</sub>	11(14,5-17,5)16,05±0,26	
29. Довжина вентральної		1(-)27,50
дуги (далі — ВДГ) атланту		. ,
30. Ширина ВДГ його		1(-)37,50
31. Відношення 29 до 30		1(-)73,50
32. Довжина тіла із зубовид-		1(-)61,50
ним відростком епістрофею		1( )01,00
33. Повна висота його позаду		
34. Повна ширина його		
позаду		

Коза свійська	Свиня свійська	Кінь свійський	Собака свійський	Заєць русак
	1(-)79,00			
	1(-)40,00			
	1(-)20,00			
				1(-)76,00
				1(-)64,50
				1(-)22,00
				1(-)5,00
				1(-)8,00
				1(-)14,00
				1(-)16,50
				1(-)46,00
				1(-)21,00
	1(-)60,50			
	1(-)18,50			
				1(-)24,50
				1(-)16,00
				1(-)14,50
				1( )1 1,50

Ознака (мм, %)	Бик свійський	Вівця свійська
35 Ширина передньої сугло-		1(-)45,00
бової поверхні його		1(-)45,00
36. ШНК лопатки	5(74-80)74,40±1,44	5(40-47)42,80±1,71
37. ВД СЗ її	$3(59-70)63,50\pm1,80$	8(31-38)33,75±0,86
38. МД СЗ її	$6(56-62,5)57,75\pm1,90$	9(23-30)25,87±0,79
39. Від гребеня до СЗ її		9(21,5-30)25,82±1,04
40. ШШ її	3(57-68,5)63,17	9(21,5-28,5)24,67±0,76
41. Відношення 38 до 36	$5(70,5-79)75,70\pm1,66$	5(60,5-66,5)63,80±1,13
42. Відношення 38 до 37	$6(86,597)90,75\pm1,71$	8(74-88)78,81±1,57
43. Відношення 39 до 40		9(1,0-1,14)1,048±0,017
44. Відношення 40 до 39		9(91-100)96,72±1,12
45. ШД плечової		
46. ШНК її	3(83-99)89,67	9(36-45,5)39,94±0,93
47. ШБЛ її	4(76-92)83,375±4,80	9(31,5-38)35,88±0,74
48. МВБЛ її	10(42,5-57)48,00±1,62	9(22-26)24,17±0,41
49. НВБЛ її	5(33,5-39,5)36,20±1,32	9(16-19,5)18,06±0,41
50. Відношення 48 до 47	4(57-59)58,125±0,49	9(62,5-71)67,38±0,97
51. Відношення 49 до 47	4(39,5-45)42,87±1,78	9(46-54,5)50,56±0,81
52. ПДВ променевої		
53. ШВК її	3(85-96)89,67	2(38,5-39,5)39,00
54. Ширина ВСП її	3(78,5-88)81,67	2(36-36,5)36,25
55. МП ВСП або ПВК її	10(39,5-51,5)46,60±1,19	2(19-19,5)19,25
56. ЛП ВСП її	10(26-33)29,50±0,83	2(15-15,5)15,25
57. ШД її	4(44,5-47)45,50±0,71	2(21-22)21,50
58. ПД її	,	
59. ШНК її	3(71-92)83,17	
60. ПНК її		
61. Відношення 53 до 52		
62. Відношення 57 до 52		
63. Відношення 59 до 52		
64. Відношення 55 до 53		
65. Відношення 55 до 54	3(56,5-58,5)57,50	2(53-54,5)53,75
66. Відношення 56 до 55	3(58-66,5)62,83	2(77-81,5)79,25
69. Відношення 58 до 57		
70. Відношення 60 до 59		
71. Від ВВ до верхнього кін-	1( )111 00	
ця горбистості ліктьової	1(-)111,00	
72. Довжина горбистості її	1(-)69,00	
73. Ширина горбистості її	1(-)32,50	
73. ПНР ВВ її	1(-)72,00	
75. Відношення 72 до 71	1(-)47,00	
76. ШВК п'ясткової	3(57-70)61,50	2(28,5-30,5)29,50
77. ПВК її	3(35-46,5)41,00	2(21-22)21,50
78. ШД її	3(35-45)39,00	
79. ПД її	1(-)23,00	
80. ШНК її	2(60-74,5)67,25	
81. ПНК її	1(-)32,00	

Коза свійська	Свиня свійська	Кінь свійський	Собака свійський	Заєць русак
				1(-)12,50
				1(-)16,00
				1(-)13,50
1(-)21,50				1(-)10,50
1(-)29,00				
1(-)22,00				1(-)8,00
				1(-)65,50
				1(-)78,00
1(-)1,32				
1(-)76,00				
			1(-)15,50	
			2(29-31)30,00	
1(-)36,50			2(22-26)24,00	
1(-)20,00			2(17,5-19)18,25	
1(-)15,00			2(12,5-12,5)12,50	
1(-)63,00			2(73-79,5)76,25	
1(-)47,50			2(48-57)52,50	
				1(-)121,50
1(-)31,50	1(-)32,00		1(-)18,50	1(-)10,00
1(-)28,50				
1(-)17,00	1(-)23,50		1(-)12,50	1(-)7,00
1(-)12,00				
1(-)17,00	1(-)21,00		1(-)14,00	1(-)5,50
	1(-)13,00		1(-)7,00	1(-)4,50
				1(-)11,00
				1(-)6,00
				1(-)8,00
				1(-)4,50
	1/\72.50		1()(7.50	1(-)9,00
1()50.50	1(-)72,50		1(-)67,50	1(-)70,00
1(-)59,50				
1(-)70,50	1()(4.50		1()50.00	1()02.00
	1(-)64,50		1(-)50,00	1(-)82,00
				1(-)54,50
				1(-)14,00
				1(-)13,00
				1(-)6,50
				1(-)12,50
				1(-)54,50

Ознака (мм, %)	Бик свійський	Вівця свійська
82. Відношення 77 до 76	2(59,5-61,5)60,50	2(72-73,5)72,75
83. Відношення 79 до 78	1(-)62,00	,
84. Відношення 81 до 80	1(-)53,50,50	
85. Індекс медіальних вали-	1(-)76,50	
ків (далі — ІНДМВ) її	1(-)/0,30	
86. Індекс латеральних валиків (далі — ІНДЛВ) її	1(-)72,00	
87. Довжина КЗ тазу	2(78-78,5)78,25	1(-)33,00
88. Ширина КЗ його	1(-)65,00	1(-)28,50
89. ПДВ стегнової		
90. Фізіологічна довжина її		
91. ШВК її		
92. ШД її		
93. ШНК стегнової		
94. Відношення 91 до 89		
95. Відношення 92 до 89		
96. Відношення 93 до 89		
97. ПДВ великогомілкової		
98. ШВК її		
99. ШД її		4(14-19)15,625±0,98
100. ШНК її	5(62-73)66,50±2,35	9(26-32,5)29,61±1,07
101. ПНК її	4(48-51)49,75±0,76	9(20,5-26)23,11±0,22
102. Відношення 98 до 97		
103. Відношення 99 до 97		
104. Відношення 100 до 97		
105. Відношення 101 до 100	3(70,5-82,5)77,33	9(74-81)78,22±0,89
106. ЗДВ таранної	13(68-79)72,42±0,85	7(32,5-36)34,29±0,54
107. ВНДВ її	16(66,5-73)66,03±0,66	9(31-35,5)32,50±0,54
108. ШВК її	14(48,5-51,5)45,89±0,75	6(20-24)22,33±0,86
109. ШНК її	14(42,5-51)46,32±0,73	8(21,5-24,5)23,00±0,41
110. Відношення 109 до 106	12(61-72)64,58±0,82	6(65-69)67,08±0,82
111. ПДВ п'яткової		
112. ШНР ВВ її		2(21,5-24)22,75
113. ПНР ВВ її		2(23,5-24)23,75
114. Ширина центральної	2(62-64)63,00	
115. Поперечник її	1(-)50,00	
116. ПДВ плеснової (у свині		
— плеснової-IV)		
117. ШВК її	3(47-55)52,00	
118. ПВК її	4(45-55)55,625±2,20	
119. ШД її	2(29-31,5)30,25	
120. ПД її	1(-)37,00	
121. ШНК її	1(-)69,00	
122. ПНК її	1(-)37,50	
123. Відношення 117 до 116		

Коза свійська	Свиня свійська	Кінь свійський	Собака свійський	Заєць русак
				1(-)142,00
				1(-)135,00
				1(-)30,00
				10,50
				2(20,5-21)20,75
				1(-)21,00
				1(-)7,50
				1(-)14,50
				1(-)155,00
				1(-)21,00
				1(-)7,50
				1(-)16,50
				1(-)10,50
				1(-)13,50
				1(-)5,00
				1(-)10,50
				1(-)63,50
				2(33,5-35,50)34,50
				2(11-11,5)11,25
				2(11-11,5)11,25 2(13-13,5)13,25
	1(-)93,00			
	1(-)17,00			
	1(-)28,001			
	(-)16,50			
	1(-)11,50			
	1(-)19,50			
	1(-)18,50			
	1(-)18,50			
	1(-)17,50			

Ознака (мм, %)	Бик свійський	Вівця свійська
124. Відношення 119 до 117		
125. Відношення 121 до 117		
126. Відношення 118 до 117	1(0(98,00	
127. Відношення 120 до 119		
128. Відношення 122 до 121	1(-)54,50	
129. ІНДМВ її	1(-)80,00	
130. ІНДЛВ її	1(-)78,50	
131. ПДВ І фаланги	20(63-76)69,90±0,76	2(41,5-42,5)42,00
(у коня — задньої) 132. ДСРЛ її	22(54-66)60,50±0,71	2(37,5-38,50)38,00
133. ШВК її	29(28-42)34,60±0,71	5(12,5-17)13,80±0,91
134. ПВК її	$29(28-42)34,00\pm0,71$ $22(29,5-44)38,89\pm0,70$	4(15-20)17,125±1,21
135. ШД її	30(25-40,5)29,42±0,44	$\frac{4(13-20)17,123\pm1,21}{3(10-10)10,00}$
, ,	,	, , ,
136. ПД її 137. ШНК її	31(17,5-28)21,73±0,40 32(28,5-42)32,83±0,57	3(8,5-9)8,67 2(12,5-13)12,75
138. ПНК її		
139. Відношення 133 до 131	26(21,5-29)24,71±0,44 20(43-55,5)49,175±0,75	2(11-11)11,00 2(29,5-31,5)30,50
	20(43-33,3)49,173±0,73 20(37-50)42,375±	23,5-24)23,75
140. Відношення 135 до 131	, , ,	· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·
141. Відношення 137 до 131	19(44,5-53)46,71±0,75	2(29,5-31,5)30,50
142. Відношення 134 до 133	19(104-123,5)114,30±1,00	4(115,5-136)124,00±5,45
143. Відношення 136 до 135 144. Відношення 138 до 137	28(65,5-81,5)73,08±0,87 25(70,5-82,5)76,42±0,66	3(85-90)86,67 2(84,5-88)86,25
145. ПДВ II фаланги	28(40-52,5)44,96±0,52	4(26,5-28)27,125±0,36
(у коня— передньої) 146. ДСРЛ її	38(36,5-46)40,78±0,43	4(24-26)24,75±0,55
147. ШВК її	46(27-42)33,50±0,52	5(12,5-15)13,40±0,51
148. ПВК її	$\frac{40(27-42)33,30\pm0,32}{26(30,5-42)34,04\pm0,54}$	$5(12,5-13)13,40\pm0,51$ $5(13,5-17)14,70\pm0,68$
149. ШД її		5(8,5-11)9,60±0,48
150. ПД її	42(23-24,5)26,41±0,41 38(21-32,5)25,70±0,36	
151. ШНК її	25(24-36,5)26,76±0,52	5(8,5-12)9,80±0,72 5(9,5-12)10,40±0,54
152. ПНК її		
152. ППК II 153. Відношення 147 до 145	33(26,5-36,5)30,98±0,43	4(11,5-14,5)12,875±0,72
	26(64-84,5)73,21±0,92	4(47-55,5)50,125±2,19
154. Відношення 149 до 145	26(49-65,5)58,23±0,77	4(34-40,5)36,375±1,79
155. Відношення 151 до 147	24(52-72,5)62,40±1,05	4(36-44,5)39,25±2,19
156. Відношення 148 до 147	26(98,5-111)104,27±0,70	5(107,5-113)109,6±1,34
157. Відношення 150 до 149 158. Відношення 152 до 151	38(86-112)97,68±1,07	4(94,5-109)101,80±2,20
158. Відношення 152 до 151 159. ДПКР III фаланги	32(100-123,5)109,77±1,16	4(118-125)121,25±1,55
(у коня — передньої)	8(52,5-67)58,625±1,80	
160. Підошвенна довжина її	7(67,5-84)70,86±2,09	
161. Висота її	19(34-49)40,50±1,11	
162. Відношення 161 до 159	8(59,5-76,5)65,81±2,22	
162. Висота в холці самки в см		1(-)75,50
164. Висота в холці по таранним в см	12(136,5-147)134,25±1,66	

### Закінчення Таблиці 5

Коза свійська	Свиня свійська	Кінь свійський	Собака свійський	Заєць русак
	1(-)21,00			
	1(-)164,50			
	1(-)69,50			
	1(-)95,00			
	1(-)45,50			
	1(-)41,50			
	1(-)18,00	1(-)53,50		
	1(-)19,50	1(-)34,50		
	1(-)14,00	1(-)36,00		
	1(-)12,00	1()30,00		
	1(-)17,00			
	1(-)12,50			
	1(-)39,50			
	1(-)31,00			
	1(-)37,50			
	1(-)108,50	66,50		
	1(-)85,50	00,20		
	1(-)73,50			
1(-)28,50		1(-)49,50		
1(-)26,50		1(-)48,00		
1(-)14,50		1(-)56,00		
1(-)15,50		1(-)33,50		
1(-)10,50		1(-)19,50		
1(-)10,50		1(-)23,50		
1(-)11,00		`,		
1(-)13,50		1(-)27,00		
1(-)51,00		1(-)113,00		
1(-)37,00		1(-)100,00		
1(-)38,50				
1(-)107,00		1(-)60,50		
1(-)100,00		1(-)47,50		
1(-)122,50				
	1(-)30,00	1(-)52,00		
	1(-)33,00			
	1(-)17,00	1(-)30,00		
	1(-)56,50	1(-)57,00		
	-			

Свого часу В.Й. Цалкін (Цалкин, 1966, с. 11-12) запропонував визначати комолість чи рогатість популяції або породи свійського бика за відсотком рогових стрижнів від загальної кількості кісток цього виду. Він вважав, що якщо цей відсоток перевищує значення більш ніж на 1%, то породу можна вважати рогатою. При значеннях менших за 1% породу можна розглядати як комолу. На Матвіїці ІІ цей показник становив 0,22% (Таблиця 1), а на Матвіївці ІІІ — 0,07% (Таблиця 2). Тобто тут ми маємо справу з комолими породами цього виду.

Біометрична обробка даних показала таке. Бик свійський з Матвіївки II був меншим, ніж з Матвіївки III (Таблиці 4 і 5), з верхнього комплексу степового ямного Михайлівського поселення (Бібікова, Шевченко, 1962, с. 208-221, Таблиці 4 і 6) та катакомбних поселень Альошин Ручей, Кайдащино, Серебрянське, розташованих в лісостепу, й степового поселення Матвіївський Ліс (Журавлёв, 2001, с. 111-115, Таблица 28). Різниці з ямним лісостеповим поселенням Десятини (Журавлёв, 2001, с. 118-110, Таблица 27) немає. Отже, в катакомбний час бик свійський зі степової Матвіївки II був меншим, ніж зі степового ямного поселення, й більшим, ніж із лісостепових поселень і степового Матвіївського Лісу.

Бик свійський з Матвіївки III (Таблиця 5) мав менші розміри кісток, ніж у биків з верхнього комплексу ямних Михайлівського поселення (Бібікова, Шевченко, 1962, с. 208-221, Таблиці 4 і 6) та Десятини (Журавлёв, 2001, с. 118-110, Таблица 27). Але більші, ніж з катакомбних поселень Альошин Ручей та Серебрянське, різниці з Матвіївським Лісом не було (Журавлёв, 2001, с. 111-115, Таблица 28). Отже, спостерігається схожість (єдність?) порід у вказаних катакомбних поселеннях лісостепу й степу. Висота в холці по таранних кістках розрахована за коефіцієнтом В.І. Цалкіна 1,86 (Цалкин, 1970, с. 162).

Можна було б ще провести порівняння зі зрубними й сабатинівськими поселеннями доби бронзи. Але між катакомбниками й зрубниками та сабатинівцями  $\epsilon$  ще й багатоваликова (бабина) культура, даних по якій я не маю. Отже, такі порівняння я вважаю поки що некоректними.

Перевага в кухонних залишках (а саме вони представлені даними остеологічними матеріалами) кісток бика й інших свійських тварин від дорослих тварин свідчить про наявність на досліджених поселеннях хорошої кормової бази тваринництва.

Вівця свійська (Ovis aries L.) та коза свійська (Capra hircus L.). Цих тварин часто об'єднують під назвою «дрібна рогата худоба». І не в останню чергу через труднощі з визначенням їх кісток до виду. За кількістю кісток дрібна рогата худоба поступається бику свійському і займає друге місце (Таблиці 1-3). Але за числом особин на Матвіївці ІІ вона є лідером (Таблиця 1).

На жаль, даних щодо біометричної обробки з Михайлівського поселення немає. Вівця свійська з Матвіївки II (Таблиця 4) розмірами своїх кісток не відрізнялася від вівці згаданих катакомбних поселень. Теж саме можемо сказати й про вівцю з Матвіївки III (Таблиця 5). Отже, на цих локаціях могли розводити однакові породи овець. Коза свійська дала такі малі вибірки, що будь-які порівняння просто неможливі. Висота в холці та статевий склад наведені за даними відповідної літератури (Цалкин, 1961, с. 115-132; Boessneck, Müller, Teichert, 1964, S. 110-114).

Свиня свійська (Sus domestica Grau). Цей вид дав таку малу вибірку (Таблиці 1-3), що будь-яка характеристика його неможлива.

**Кінь свійський (Equus caballus L.)**. Теж саме можна сказати й про коня свійського (Таблиці 1-3). Єдине, що можна сказати, це те, що ці кістки належать саме свійському коню, а не тарпану (Таблиці 4 і 5). На це вказують їх розміри й особливо пропорції.

Собака свійський (Canis familiaris L.). Кісток і цього виду небагато (Таблиці 1-3). Але, я думаю, що насправді собак було більше, ніж на це вказують кухонні залишки. Бо цих тварин без крайньої потреби (скажімо, голодний рік) в їжу не вживали. А так важко уявити господарство без охоронних собак. Напевне, вони були й помічниками пастухів, а, може, і мисливців.

#### Огляд диких тварин

Диких тварин я розглядаю в тому систематичному порядку, який подано в останній відомій мені роботі («Каталог млекопитающих СССР. Плиоцен-современность», 1981). На жаль, кісток цих тварин настільки мало, що будь-які порівняння поки що неможливі (Таблиці 1-5).

Заєць русак (**Lepus europaeus Pallas**). Заєць русак є дуже поширеним видом. Зустрічається у всіх природних зонах України. Нір цей заєць не риє, а влаштовує собі нічліг у неглибоких ямках, захищених рослинністю («Природа Украинской ССР. Животный мир», 1985, с. 207). Маса дорослого зайця русака досягає 5 кг (Флинт, Чугунов, Смирин, 1970, с. 242-243). Розміри знайдених кісток наведені в Таблицях 4 і 5.

Заєць русак є цінним промисловим видом, який дає і хутро, і м'ясо. До того ж полювання на нього було доступне практично всьому населенню за допомогою таких нехитрих пристроїв, як сильці, тенета, ловчі ями тощо. Отже, не дивно, що цей вид зустрічається досить часто і складає істотну частку в мисливській здобичі на багатьох поселеннях. Здобували його, швидше за все, переважно взимку, коли зайці мають добре хутро. Зимою долини південного Дніпра, Інгульця, Бугу з їх плавнями й очеретами є місцями, де скупчується сила зайців з суміжного степу (Мигулін, 1938, с. 222). Хоча їх могли ловити і влітку — на м'ясо. А от висновки про оточуюче те чи інше поселення природне середовище по знахідкам його кісток робити, на жаль, не можна, як свідчать наведені вище дані про його спосіб життя.

Лисиця звичайна (**Vulpes vulpes L.**). Цей звір дотримується відкритих ландшафтів та гірських лісів. У лісовій зоні мешкає на відкритих біотопах, уникаючи великих лісових масивів та боліт («Каталог млекопитающих СССР», 1981, с. 244).

Лисиця звичайна — це звір з масою до 10 кг, поширений по всій території України, включаючи навіть населені пункти. Селиться в глибоких норах, які риє самостійно, або використовує старі покинуті нори інших тварин, наприклад, борсуків. Поїдає зайців, птахів, може нападати на молодь козуль і навіть на молодих оленят. Але основною їжею лисиці є мишовидні гризуни, ось чому можна вважати її дуже корисним регулятором кількості сільськогосподарських шкідників. Маючи досить великий потенціал розмноження, лисиці є масовим об'єктом хутряного промислу та спортивного полювання («Природа Украинской ССР. Животный мир», 1985, с. 223).

Таким чином, за знахідками кісток лисиць в остеологічних матеріалах неможливо скласти уявлення про оточуюче середовище біля тих археологічних пам'яток, де були знайдені ці матеріали. Оскільки лисиці мають дуже цінне хутро, то, очевидно, полювали на цих тварин переважно восени та до середини зими, бо влітку хутро лисиць, як, до речі, й інших хутрових звірів, мало на що придатне. Ось вказівка на сезон полювання. Незначна чисельність лисиць може бути пояснена тим, що, як правило, хутро з хутрових звірів намагаються зняти якомога швидше, часто навіть на місці полювання, інакше воно може зіпсуватися. Отже, в таких випадках тушки «чисто» хутрових звірів, зрозуміло, разом із кістками, залишаються за межами поселень чи городищ, де мешкають мисливці. І на поселення потрапляють лише тоді,

коли звіра впольовують біля поселення або в самому поселенні, наприклад, коли лисиця або куниця намагаються напасти на свійських птахів тощо.

Розміри знайденої кістки такі (скорочення тут і далі такі ж самі, що і в Таблиці 4): АД М1-М2 14,5 мм, довжина Р4 14 мм, ширина його 5,5 мм, довжина М1 10 мм, ширина його 11 мм, довжина М1-М2 по коронці 14 мм.

Борсук (Meles **meles L.**). Цей звір може досягати маси 18 кг, за межами України навіть більше. На території України борсуки мешкають всюди, але в багатьох районах стали дуже не чисельними. В Лісовій зоні борсук селиться переважно по узліссях, перелісках, віддаючи перевагу схилам, які заросли деревною та чагарниковою рослинністю. В лісостепу та степу зустрічається в заплавних та байрачних лісах, ярах та лісосмугах. У горах підіймається високо до пояса криволісся. Нори борсук риє сам, влаштовуючи складну систему з багатьма (до 20) виходами. В одній колонії можуть жити кілька борсуків, часто по сусідству з єнотовидним собакою. У норі борсук залягає в зимову сплячку, яка триває до перших весняних таловин. На півдні України може бути активним цілий рік. Їжа борсуків складається з рослинних (кореневища, бульби, плоди, насіння, листя, бруньки) та тваринних (безхребетні, гризуни, земноводні, плазуни, птахи та їх яйця) компонентів. Борсуки — моногами. Господарське значення борсуків визначається тим, що вони дають цінні м'ясо, хутро, жир. Останній має цілющі властивості. Полювання на борсука на України заборонено через його невелику чисельність («Природа Украинской ССР. Животный мир», 1985, c. 227-228).

Таким чином, за знахідками кісток борсука в остеологічних матеріалах неможливо робити висновки про природне середовище, яке оточувало те чи інше стародавнє поселення чи городище. В той же час борсук був цінним промисловим звіром, що давав і смачне м'ясо, і цінне хутро, і цілющий жир. Правда, не знаю, чи використовували тоді борсучий жир як лікувальний засіб. Полювати на нього могли з весни до осені, якщо потрібні були м'ясо й жир, та восени, якщо потрібно було хутро.

Розміри знайдених кісток: ШВК плечової 17,5 мм, ШВК променевої 13,5 мм, ПВК — 11,00 мм.

Кабан (Sus scrofa ferus L.). Дикий кабан може досягати маси 250-300 кг і більше. Кабан мешкає по всій території України. Зустрічається в різних лісах, по ярах, байраках, штучних лісонасадженнях, очеретяних заростях, болотах, плавнях, в інших місцях. Харчуються кабани надземними та підземними (бульбами, молодими коренями, цибулинами, коренеплодами) частинами рослин, плодами дерев і чагарників, а також тваринною їжею — наземними молюсками, дощовими черв'яками, іншими безхребетними. Їдять і хребетних: ящірок, змій, жаб, рибу, мишовидних гризунів, яйця птахів, які гніздяться на землі. Можуть поїдати і більш крупних ссавців та птахів. Помічено і переслідування кабанами підранків мисливських тварин. Восени велике значення для нагулу жиру має харчування горішками буку та жолудями дубу, а також сільськогосподарськими культурами (кукурудзою, зерновими, картоплею, овочами). Кабан є цінною мисливською твариною, що дає м'ясо, шкіру, щетину («Природа Украинской ССР. Животный мир», 1985, с. 230).

Влітку кабан є активним від заходу сонця до світанку. Взимку він годується в світлий час доби. Кабан веде груповий або стадний спосіб життя. Старі самці тримаються поодинці. Кабан легко пересувається по болотяному грунтові, прекрасно плаває. Нюх та слух у кабана дуже розвинені, зате зір слабкий. Він влаштовує лежку серед каміння, кущів, в кучах очерету. Самка перед родами робить лігво з сухої трави, часто з боковими стінками і навіть дахом (Флинт, Чугунов, Смирин, 1970, с. 204-205).

Отже, за знахідками кісток кабана робити висновки про оточуюче середовище не доводиться. Але, без сумніву, кабан був однією з основних промислових тварин і бажаною здобиччю мисливців. Правда, полювання на нього було дуже небезпечним і вимагало і спеціальної підготовки, і мужності, та ще і багато вільного часу. Всім відоме прислів'я, що на ловця і звір біжить. Але який звір? Зоолог та мисливець дадуть, мабуть, однакову відповідь: легко поранений дикий кабан. Отже, виникає питання, чи все населення полювало на цих звірів, чи тільки якась спеціально підготовлена частина мешканців поселення.

Сайга (Saiga tatarica L.). Сайга мешкає в степах і напівпустелях, тільки на рівних ділянках з твердим ґрунтом, що покриті різними засухостійкими дерноутворюючими злаками (типчак, ковила) та напівчагарниковими (полин, солянками). Взимку тяжіє до долин річок та пісків, в тому числі і горбистих. Сайга годується різними трав'янистими рослинами (злаками, цибулями, тюльпанами, різнотрав'ям). Взимку, навесні та пізньої осені сайга виходить на пастьбу з перервами протягом всього світлого часу доби, влітку під час спеки — на світанку та надвечір. Вона завжди веде стадний спосіб життя. Сайга бігає дуже швидко, як правило, низько нагнувши голову. Вона добре плаває. У неї чудово розвинені зір та нюх, проте поганий слух. Для сайги характерні далекі перекочування в залежності від глибини снігового покрову та посухи (Флинт, Чугунов, Смирин, 1970, с. 225).

Довжина тіла сайги від 100 до145 см, висота — 55-80 см, маса — 20-50 кг. Самки менші, ніж самці («Жизнь животных. Млекопитающие, или звери», 1971, том 6, с. 521-522).

Таким чином, по знахідках сайги можна казати про степове розташування Матвіївок.

Розміри знайдених кісток: ЗДВ таранної 31 і 32,5 її. ВНДВ її — відповідно 29 і 29,5, ШВК — 19 і 20 мм, ШНК — 18,5 і 20,5 мм.

Зараз відомо, що жир сайги і особливо її молоді роги, мають цілющі властивості (Федорович, 1948, с. 111). Цікаво, чи знали про це в ті часи?

Отже, на цьому можна закінчити детальний огляд способу життя тих диких ссавців, кістки яких були знайдені в остеологічних матеріалах з розглянутих поселень на території України.

#### Особливості тваринництва й мисливства

На Матвіївці II перевагу віддавали розведенню дрібної рогатої худоби, на Матвіївці III — великої (бика свійського). І, здається, на Матвіїіці II приділяли більшу увагу розведенню овець, ніж на Матвіївці III (Таблиці 1-3). Цікаво, що між нижнім і верхнім комплексами степового ямного Михайлівського поселення (Бібікова, Шевченко, 1962, с. 207, Таблиця 1) теж була різниця. В нижньому комплексі Михайлівського поселення відсоток дрібної рогатої худоби був вищім, ніж в Матвіїіці II. Що стосується лісостепового ямного поселення Десятини, то на ньому спостерігається дуже великий відсоток бика свійського й відсутність кісток вівці свійської, дрібна рогата худоба представлена лише козою (Журавлёв, 2001, с. 77, Таблица 1).

У катакомбних лісостепових і степових поселеннях спостерігається така картина. Всюди можемо казати про перевагу бика свійського, але з меншим відсотком, ніж в Матвіїці III. Тільки лісостепове Кайдащино дало приблизно такий же відсоток цього виду. Але на лісостепових поселеннях набагато більше свиней (Журавлёв 2001, с. 18-107, Таблицы 2-26). Це цілком зрозуміло, якщо не забувати, що в Лісостеповій

зоні набагато більше соковитих кормів, ніж в степу. В степовому Матвіївському Лісі відсоток бика свійського менше, ніж в Матвіївці III за рахунок дрібної рогатої худоби.

Мисливство було розвинене дуже слабо. Дикі ссавці складали 4-10% від загального числа особин (Таблиця 3).

Археологи часто мені кажуть, що порівнювати одну вівцю з одним биком просто некоректно, бо другий дає набагато більше м'яса. Виходить шашлик із рябчиків: один кінь і один рябчик. Такі археологи не розуміють, що вони плутають два показники: співвідношення між тваринами по числу особин і співвідношення між ними по живій вазі. Тому в Таблиці З я навів обидва показники. Жива вага дорослих диких ссавців наведена у відповідних місцях. Вагу молодих я вважаю за 50% дорослих. Вихід м'яса (разом із кістками) становить приблизно 50% живої ваги. Вага бика віком від 6 до 18 місяців (М2 ще немає) становить близько 215 кг, від 18 до 24 місяців (М3 ще немає) — близько 390 кг (Справочник животновода-любителя, 1982, с. 31, Таблица 9). Дорослого і напівдорослого бика — 452 кг (Топачевський, 1956, с. 63). Дорослої й напівдорослої вівці й кози — 60 кг (Топачевський, 1956, с. 63). Свині свійської віком 6-7 місяців — близько 100 кг (Большая советская энциклопедия, 1976, т. 23, с. 78), напівдорослої та дорослої — від 150 до200 кг (Підоплічка, 1937, с. 112). Дорослого коня свійського — 400 кг (Підоплічка, 1937, с. 112). Собаки свійського дорослого й напівдорослого — 25 кг. Отже, всюди переважала яловичина. М'ясо інших тварин мало такі незначні долі, то їх порівнювати між собою я вважаю непотрібним.

#### Висновки

Спостерігається різниця між Матвії кою ІІ і Матвії вкою ІІІ і в тваринництві, і в полюванні. Є різниця також і в порідному складі між лісостеповими і степовими поселеннями Катакомбної культури на території України.

#### Література

- 1. Бібікова В.І., Шевченко А.І. 1962. Фауна Михайлівського поселення // Лагодовська О.Ф., Шапошнікова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. Київ: АН УРСР. С. 206-246.
- 2. Большая советская энциклопедия. Третье издание. 1976. Москва: «Советская энциклопедия». Том 23. 647 с.
- 3. Громова В.И. 1950. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Выпуск 1. Определитель по крупным трубчатым костям (с альбомом рисунков) // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Том IX. 116 с.
- 4. Громова В.И. 1953. Остеологические отличия родов Сарга (козлы) и Ovis (бараны). Руководство для определения ископаемых остатков // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва: АН СССР. Том X. Выпуск 1. 124 с.
- 5. Громова В.И. 1960. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Выпуск 2. Определитель по крупным костям заплюсны // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Том XVI.  $107~\rm c.$ 
  - 6. Дмитриев Н.Г. 1978. Породы скота по странам мира. Ленинград: «Колос». 332 с.
- 7. Жизнь животных. Млекопитающие, или звери. 1971. Москва: «Просвещение». Том 6. 627 с.
- 8. Журавлёв О.П. 1982. О методике полевых определений костей скелета домашних овец и коз из археологических памятников // Новые методы археологических исследований. Киев: «Наукова думка». С. 205-216.

- 9. Журавлёв О.П. 2001. Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы Лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. Киев: Институт археологии НАН Украины. 198 с.
- 10. Каталог млекопитающих СССР. Плиоцен-современность. 1981. Москва: «Наука». 455 с.
  - 11. Лакин Г.Ф. 1973. Биометрия. Москва: «Высшая школа». 344 с.
  - 12. Мигулін О.О. 1938. Звірі УРСР (матеріали до фауни). Київ: АН УРСР. 383 с.
- 13. Підоплічка І.Г. 1937. До питання про свійських тварин трипільських поселень Халеп'я, Андріївка, Усатове // Наукові записки Інституту історії матеріальної культури. Київ: АН УРСР. Книга 2. С. 111-120.
  - 14. Природа Украинской ССР. Животный мир. 1985. Киев: «Наукова думка». 239 с.
  - 15. Справочник животновода-любителя. 1982. Днепропетровск: «Промінь». 204 с.
- 16. Топачевський В.О. 1956. Фауна Ольвії. // Збірник праць Зоологічного музею. № 27. С. 61-129.
  - 17. Федорович Б.А. 1948. Лик пустыни. Москва: Госкультпросветиздат. 214 с.
- 18. Флинт В.И., Чугунов Ю.Д., Смирин В.М. 1970. Млекопитающие СССР. Москва: «Мысль». 420 с.
- 19. Цалкин В.И. 1961. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел биологический. Москва. Т. LXVI. Выпуск 5. С. 115-132.
- 20. Цалкин В.И. 1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии СССР. Москва: «Наука». № 135. 157 с.
- 21. Цалкин В.И. 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии СССР. Москва: «Наука». № 161. 278 с.
- 22. Boessneck J., Müller H.-H., Teichert M. 1964. Osteologische Unterscheidungsmerkmale zwischen Schaf (Ovis aries Linne) und Zige (Capra hircus Linne) // Kuhn-Archiv. Bd. 78. H. 1-2. 125 S.
- 23. Duerst U. 1930. Vergleichende Untersuchungsmethoden am Skelett bei Säugern // Methoden der vergl. morf. Forschung 1. Berlin–Wien. 530 S.
- 24. Schramm Z. 1967. Róźnice morfologiczne niektorych kości kozy i owzy // Róźniki Wyzszej Szkoly w Poznaniu. Poznan. XXXVI. S. 107-133.

#### **ЛИТЕРАТУРА**

- 1. Гудкова А.В., Фокеев М.М. Поселения первой половины I тыс. н.э. на степной речке Дракуля (низовья Дуная). Северное Причерноморье. К.: Наукова думка, 1984. С. 65-66.
- 2. Никитин В.И. Катакомбные поселения и стойбища в Нижнем Побужье. Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Херсон, 1991. С. 34-48.
- 3. Погребова Н.Н. Пересадовское поселение на Ингуле. СА. 1960. № 4. С. 76-90; Бураков А.В. Поселення епохи бронзи біля с. Зміївка. АП. 1961. 10. С. 26-39; Отрешко В.М. Раскопки Периферийного отряда Ольвийской экспедиции. АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 317.
- 4. Черняков И.Т. Материалы бронзового века из верхнего слоя Усатовского поселения. Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. К.: Наукова думка, 1979. С. 177-180; Бербек Ю.Г. Денисюк В.Л. Археологические разведки побережья Хаджибейского лимана. МАСП. Вып. 9. Одесса: Печатный дом «Фаворит», 2009. С. 175-179; Кожухарь В.К. Новый памятник периода средней бронзы в Нижнем Поднестровье. КСОАО. 90 лет НАНУ. Одесса, 2008. С. 81-84.
- 5. Ієвлєв М.М. Природа України у давнину і сьогодні. Золото степу. Археологія України. Автори-упорядники: П.П. Толочко і В.Ю. Мурзін. К.: Шлезвіг, 1991. С. 17, 19-21; Физико-географическое районирование Украинской ССР. Под редакцией профессора В.П. Попова. К., 1968. С. 377-488; Воейков А.И. Воздействие человека на природу. М., 1949. С. 43-64.
- 6. Пачоский И.К. Описание растительности Херсонской губернии. Материалы по исследованию почв и грунтов Херсонской губернии. Вып. III. Херсон, 1927. С. 115-136.
- 7. Гармашев Л. Николаевщина в геологическом отношении. Лагута П., Гармашев Л. Географический очерк Николаевщины. Краеведческий сборник. Николаев, 1926. С. 3-24, 36-37.
- 8. Никитин В.И. Катакомбные поселения... С. 35 См. карту.
- 9. Никитин В.И. Константиновка 2 стойбище-летовка Ингульской катакомбной культуры (ИКК) на Ю. Буге. Актуальні проблеми історії та культури України. Миколаїв-Одеса, 2000. Ч. І. С. 12-21.
- 10. Нікітін В.І. Поселення доби середньої бронзи поблизу с. Мала Корениха Миколаївської області. Археологія. 1986. № 54. С. 52-58.
- 11. Отрешко В.М. Раскопки Периферийного отряда Ольвийской экспедиции. АО 1979 года. М., 1980. С. 317.
- 12. Клюшинцев В.Н. Новые памятники бронзы Нижнего Побужья. Открытия молодых археологов Украины. К., 1976. Ч. І. С. 15-16.
- 13. Нікітін В.І. Вплив географічного фактора на Інгульську катакомбну культуру. Археологія. 2008. № 3. С. 20-24.
- 14. Гоч В. Причина и карма. Севастополь, 1991. С. 95-102; Украинцев Б. По гиблому месту... ощупью. Свет. № 2. 1991. С. 40-42; Смирнова И. Древнее ис-

- кусство геомантия. Наука и религия. № 8. 1991. С. 40-45; Сафонов А. Спросите науку. Природа и человек. № 4. 1990. С. 52-53; Леонтьева Н.Я. Я лозоходец. Природа и человек. № 10. 1990. С. 21-23.
- 15. Никитин В.И. Катакомбные поселения... С. 37, 44; Отрешко В.М. Раскопки... С. 317.
- 16. Никитин В.И. Матвеевка 1 поселение катакомбной культуры на Южном Буге. CA. 1989. № 2. C. 136-150.
- 17. Нікітін В.І. Деякі особливості домобудівництва на поселенні Матвіївка 1. СМ. Миколаїв, 2002. С. 23-42.
- 18. Мовчан Г.Я. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ. 1947. № 4. С. 198; Никольская З.А. Из истории аварского жилища. СЭ. 1947. № 2. С. 155-166; Ильина М. Древнейшие типы жилищ народов Закавказья и их значение в истории архитектуры. СИИТА. 1946. Вып. 5. С. 1-48.
- 19. Воронина В.Л. Заметки о народной архитектуре Южного Таджикистана. СЭ. 1957. № 1. С. 138-145; Кобычев В.П. Жилище народов Восточного Закавказья в XIX веке. СЭ. 1957. № 3. С. 57-76.
- 20. Васильева Г.П. Формы оседлого жилища Южной Туркмении в XIX начале XX в. Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 193-210; Архитектурные памятники Киргизии. М.-Л. 1950. С. 128-129.
- 21. Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат. Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982 С. 48-69.
- 22. Вайнберг Б.И. К истории туркменских поселений XIX века в Хорезме. СЭ. 1959. № 5. С. 39.
- 23. Писарчук А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX XX вв. Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 82.
- 24. Фролец В. Большая семья и её жилище в Западной Болгарии. СЭ. 1965. № 3. С. 48; Хачатуров К. Курды. Черты их характера и быта. СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып. 20. С. 66-67; Ганцкая О.А., Грацианская Н.Н. и др. Общая систематика народного жилища в странах Европы. Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968. С. 363, 365.
- 25. Хачатуров К. Курды... С. 66-67; Ганцкая О.А. и др... Общая систематика... С. 363, 365.
- 26. Николов Васил. Строителството с абсиден план в българските земи: ретроспективен анализ. Интердисциплинарни изследвания. София, 1981. VII VIII. С. 99-109.
- 27. Отрешко В.М. Раскопки... С. 317.
- 28. Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К.: Наукова думка, 1976. С. 12-52.
- 29. Никитин В.И. Матвеевка 1 поселение катакомбной культуры на Южном Буге. CA. 1989. № 2. C. 136-150; Никитин В.И. Катакомбные поселения... С. 34-48.
- 30. Кларк Грэхем. Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 138.
- 31. Мелларт Джеймс. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982. С. 114-115; Ллойд Сетон. Археология Месопотамии. М.: Наука, 1984. С. 84-85.
- 32. Николов В. Традицните в строителството с абсиден план. Студентски проучвания. Т.4. София, 1976. С. 18; Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. М.,-Л., 1937. Т.1. С. 6, 7-15, 144-145.
- 33. Лагодовська О.Ф., Шапошнікова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. К.: Видавництво Академії наук Української РСР, 1962. С. 47-79.

- 34. Чабанов І.Г. Лічба і облік у чабанів. СМ. Миколаїв, 2002. С. 75-76.
- 35. Никитин В.И., Балушкин А.М. Экспериментально-трассологический анализ орудий с поселения Ингульской катакомбной культуры Матвеевка 1 (р. Южный Буг). Тез. докл. Всесоюзного семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». Запорожье, 1990. С. 57-58.
- 36. Семенов С.А. Первобытная техника. МИА. № 54. М.: Наука, 1957; Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.
- 37. Алексеева И.Л. Элементы культур шнуровой керамики в памятниках ранней поры бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Северное Причерноморье. К.: Наукова думка, 1984. С. 23-24; Субботин Л.В. Орудия труда, оружие и украшения племён ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: «Полис», 2003. Вып. 1. С. 76-77, 200-201.
- 38. Никитин В.И. Константиновка 2... С. 12-21.
- 39. Никитин В.И., Балушкин А.М. Экспериментально-трассологический анализ... С. 57-58.
- 40. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология... С. 187-190.
- 41. Братченко С.Н., Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая общность. Археология Украинской ССР. Т. 1. К.: Наукова думка, 1985. С. 403-420.
- 42. Погребова Н.Н. Пересадовское поселение на Ингуле. СА. 1960. № 4. С. 76-90; Граков Б.Н., Елагина Н.Г. Отчёт Скифской степной экспедиции истфака МГУ за 1957 г. С. 28-29, рис. 40, 41, 45, 46; Елагина Н.Г., Погребова Н.Н. Археологическая разведка по берегам Ингула. КСИИМК. 1959. Вып. 77. С. 21-34; Лесков А.М. Кировское поселение. Древности Восточного Крыма. К.: Наукова думка, 1970. С. 7-59; Отрешко В.М. Раскопки Периферийного... АО 1979 года М., 1980. С. 317; Никитин В.И. Катакомбные поселения... С. 34-48.
- 43. Никитин В.И. Катакомбные поселения... С. 34-48.
- 44. Шапошникова О.Г., Бочкарёв В.С., Шарафутдинова И.Н. О памятниках эпохи меди ранней бронзы в бассейне Ингула. — Древности Поингулья. — К.: Наукова думка, 1977. — С. 29-36; Шапошникова О.Г., Шарафутдинова И.Н., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Некоторые итоги изучения погребальных памятников эпохи меди – бронзы на р. Ингул. — Археологические памятники Поингулья. — К.: Наукова думка, 1980. — С. 10-13; Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Раскопки курганов у с. Ковалёвки. — Курганы на Южном Буге. — К.: Наукова думка, 1978. — С. 131; Фоменко В.Н. Об одной группе погребений времени катакомбной культуры в Степном Побужье. — Проблема изучения катакомбной культурно-исторической общности. — Запорожье, 1990. — С. 99-101; Яровой Е.В. К вопросу о западной границе катакомбной культурноисторической общности. — Запорожье, 1990. — С. 114-116; Тощев Г.Н. Западный ареал памятников катакомбной культуры. — Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — К., 1991. — С. 85-100; Иванова С.В. Катакомбные культуры. — Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. — Одесса, 2013. — С. 255-275; Іванова С.В. Культурно-історичні процеси в Північно-Західному Причорномор'ї (кінець IV-III тис. до н.е. — Археологія. — 2015. — № 4. — С. 3-21.
- 45. Значко-Яворский И.Л., Белик Я.Г., Иллиминская В.Т. Экспериментальное исследование древних строительных растворов и вяжущих веществ. СА. № 4. 1959. С. 140-151.
- 46. Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007. C. 33.
- 47. Никитин В.И. Каменные и кремневые орудия труда с поселения катакомбной культуры Матвеевка 1 на Южном Буге. Человек в истории и культуре. Вып. 3. Одесса: Ирбис, 2017. С. 270.
- 48. Малинова Рената, Малина Ярослав. Прыжок в прошлое. М.: Мысль, 1988. С. 94-99.

- 49. Властов Б.В., Матекин П. Класс: брюхоногие моллюски. Отряд мезогастроподы; Зацепин В.И., Филатова З.А., Шилейко А.А. Класс: двустворчатые моллюски. Отряд Униониды. Жизнь животных. Т. 2. М.: «Просвещение», 1988. С. 28, 82-83, 89, 101, 106.
- 50. Осадчий А.А. Животноводство для всех. Донецк: Изд-во «Донбасс», 1986. С. 80.
- 51. Березовець Д.Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. АП УРСР. Т. ІХ. К., 1960. С. 73, 75.
- 52. Вязьмітіна М.І., Іллінська В.А., Покровська Є.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». АП УРСР. Т. VIII. К., 1960. С. 113.
- 53. Смирнов К.Ф. Кургани біля м. Великого Токмака (розкопки 1952 р.). АП УРСР. Т. VIII. К., 1960. С. 186, 188.
- 54. Качалова Н.К. Ильменские курганы. АС ГЭ. 1979. Вып. 12. С. 12, 31; Погорелов В.И. Ямно-катакомбные погребения среднего Дона. СА. 1989. № 2. С. 111, 113, 119; Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. С. 7-11, 79, 80, 94, 107, 147, 166, 190.
- 55. Яровой Е.В. Курганы энеолита эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев: «Штиинца», 1990. С. 207.
- 56. Михайлов Б.Д. Курганы эпохи бронзы в Северо-Западном Приазовье. ДСПК. Т. V. Запорожье, 1995. С. 180; Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). Запорожье: Дикое поле, 2004. С. 64.
- 57. Гаврилюк Н.А., Черных Л.А. Курган у с. Васильевка Запорожской области. ДСПК. Т. 1. Запорожье, 1990. С. 93-97.
- 58. Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. Кн. IV. Запорожье, 2009. С. 40,42, 43, 46, 208.
- 59. Козачок Н.Л. Памятники эпохи бронзы на о. Хортица. ДСПК. Т. II. Запорожье, 1991. С. 93.
- 60. Ковпаненко Г.Т., Качалова Н.К., Шарафутдинова И.Н. Курганы у с. Новочерноморье Херсонской области. Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. К.: Наукова думка, 1967. С. 66.
- 61. Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V-I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Изд-во «Крым», 1969. С. 50-51, 206.
- 62. Шахров Г.И., Гречаный В.М. Раскопки кургана на трассе Москва-Симферополь близ города Васильевка. ДСПК. Т. II. Запорожье, 1991. С. 79; Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991-1992 гг.). Запорожье, 1994. С. 66, 93-95; Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007. С. 139; Копьева Т.А. Курган у села Акимовка в Крыму. ДСПК. Т. 1. С. 130-131, 134-135.
- 63. Шарафутдинова И.Н. Курган у с. Пелагеевки. Древности Поингулья. К.: Наукова думка, 1977. С. 88; Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Раскопки курганов у с. Ковалёвки. Курганы на Южном Буге. К.: Наукова думка, 1978. С. 74;.
- 64. Шарафутдинова И.Н. Северная курганная группа у с. Соколовка. Археологические памятники Поингулья. К.: Наукова думка, 1980. С. 94.
- 65. Смирнов Ю.А. Погребения мастеров изготовителей древков и кремневых наконечников стрел. Древности Дона. М.: «Наука», 1983. С. 171; Субботин Л.В. Некоторые аспекты хозяйственно-производственной деятельности ямных и катакомбных племён степной зоны Северо-Западного Причерноморья. Древности причерномор-

- ских степей. К.: Наукова думка, 1993. С. 15; Кравец Д.П. О хозяйстве племён донецкой катакомбной культуры. ССПК. Т. IX. Запорожье, 2001. С. 42.
- 66. Журавлёв О.П., Сычёва Л.В. Палеозоологические исследования поселения катакомбной культуры Матвеевка І. СА. 1989. № 2. С. 150-152; Бибикова В.И. Фауна из поселения у с. Кирово. Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы). К.: Наукова думка, 1970. С. 97-112.
- 67. Бібікова В.І., Шевченко А.І. Фауна Михайлівського поселення. Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. К.: Вид-во Академії наук УРСР, 1962. С. 206-246.
- 68. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. С. 249-250.
- 69. Цалкин В.И. Древнейшие... С. 252-253.
- 70. Журавлёв О.П. Домашние и дикие млекопитающие по костным останкам из поселения катакомбной культуры Матвеевка І. ДСПК. Запорожье, 1991. Т. 2. С. 188-199; Журавльов О.П. Фауна України. Археозоологічні дослідження. К.: Видавець Олег Філюк, 2017. С. 156.
- 71. Журавлёв О.П., Сычёва Л.В. Палеозоологические... С. 152.
- 72. Кожин П.М. К проблеме происхождения колёсного транспорта. Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 169-182; Кузьмина Е.Е. Колёсный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. ВДИ. № 4. 1974. С. 68-87; Ляшко С.Н. Об использовании тягловой силы быков в колёсном транспорте эпохи бронзы. ДСПК. Запорожье, 1997. IV. С. 68-71; Ковалёва И.Ф. О новом типе деревянных катакомбных повозок. Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ: ДДУ, 1999. Вип. 2. С. 97-104; Андреева М.В. Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени. СА. № 3. 1984. С. 201-205; Синицын И.В. Раскопки в долине Восточного Маныча. АО 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 69-70.
- 73. Узянов А.А. Нижнесальские курганы. АО 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 146-147; Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. К.: Наукова думка, 1976. С. 81, 191; Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. С. 73; Евдокимов Г.Л. Работы Краснознаменской экспедиции. АО 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 259-260; Синицын И.В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА. 1948. № Х. С. 143-160.
- 74. Гулишамбаров С.О. Войлочное производство или валяние шерсти. ЭС Брокгауза и Эфрона. СПб, 1892. Т. VI-а (12). С. 933-937.
- 75. Никитин В.И. Курганы Нижнего Поингулья. Николаев: «Илион», 2018. С. 120-122, 137.
- 76. Антипина Е.Е. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы. PA. 1997. № 3. C. 20-32.
- 77. Никитин В.И. Катакомбные поселения и стойбища в Нижнем Побужье. ПАСП. Херсон, 1991. С. 34-48.
- 78. Погребова Н.Н. Пересадовское поселение на Ингуле. СА. 1960. № 4. С. 76-90.
- 79. Граков Б.Н., Елагина Н.Г. Отчёт скифской степной экспедиции истфака МГУ за 1957 г. Архив ИА НАН Украины. Ф. №57/1. С. 4-5, 28-29.
- 80. Отрешко В.М. Раскопки Периферийного отряда... С. 317.
- 81. См. Приложение 1.
- 82. Семёнов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983. С. 135-190.

- 83. Семёнов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология... С. 137-140.
- 84. Никитин В.И. Курганы Нижнего Поингулья. Николаев: «Илион», 2018. С. 56.
- 85. Никитин В.И. Курганы... С. 120-122.
- 86. Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX III вв. до н.э.). Николаев, 2008. С. 90, 178.
- 87. Североамериканские индейцы. М.: Изд-во «Прогресс», 1978. С. 54.
- 88. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. С. 198.
- 89. Шварц Г.А., Філатова Л.С., Іванов А.І., Малюкіна В.К., Комбарова К.М., Яковенко А.П. Державна геологічна карта України масштабу 1:200 000, аркуш L-36-1 (Любашівка). Центральноукраїнська серія. Пояснювальна записка. Міністерство охорони навколишнього природного середовища України. Державна геологічна служба. Причорноморське державне регіональне геологічне підприємство. К., 2008. С. 16-19, 30-31, 54-60, 67-72, 91.
- 90. НЭС Брокгауза и Эфрона. СПб, б, г. Т. 7. С. 214; https: -indicator.ru/label/bolas
- 91. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М.: Росспэн, 2006. С. 176, 411; Гилен Жан. Культура Западного Средиземноморья в эпоху неолита. История человечества. Европа в эпоху неолита. М.: Изд-во Магистр Пресс, 2003. Т.1. С. 546.
- 92. Мелларт Джеймс. Западная Азия в период неолита и халколита (около 12000-5000 лет назад). История человечества. Европа в эпоху неолита. М.: Изд-во Магистр Пресс, 2003. Т.1. С. 453.
- 93. См. Приложение 3.
- 94. Гимбутас М. Цивилизация... С. 315, 319, 333, 443.
- 95. Черных Л.А. Деревянная повозка из катакомбного погребения у с. Каменка-Днепровская. Катакомбные культуры Северного Причерноморья. К., 1991. С. 137-149; Лесков А.М., Кубышев А.И., Румянцев А.Н. Исследования Каховской экспедиции. АО 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 336-338; Фёдорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А., Евтюхова О.Н., Ерохин О.Г., Фомичёв Н.М., Штиглиц М.С.. О работе Нагаевского отряда Донской экспедиции. АО 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 148-149; Меллорі Д.Р., Телегін Д.Я. Поява колесного транспорту на Україні за радіокарбонними даними. Проблемы хронологии культур энеолита бронзового века Украины и юга Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции. Днепропетровск, 25-28 апреля 1994 г. Дн-ск: Вид-во ДДУ, 1994. С. 30-31.
- 96. Советов А. Скот рогатый крупный. ЭС Брокгауза и Эфрона. СПб, 1900. Т. XXX. С. 260-265.
- 97. Бочкарёв В.С. О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы. Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб ИИМК РАН: «Периферия», 2012. Кн. 2 С. 13-24.
- 98. Ковалёва И.Ф. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1983. С. 58-59; Бидзиля В.И., Яковенко Э.В. Рало из позднеямного погребения конца III начала II тыс. до н.э. СА. 1973. № 3. С. 146-152; Никитенко М.М. О датировке балкинского рала. Новые исследования археологических памятников на Украине. К.: Наукова думка, 1977. С. 45-46; Лихачёв В.А. Рало из погребения у с. Верхняя Маевка. Древности Степного Поднепровья (III I тыс. до н.э.). Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1982. С. 51-53.
- 99. Шарафутдинова И.Н. Северная курганная группа у с. Соколовка. Археологические памятники Поингулья. К.: Наукова думка, 1980. С. 94-97.

- 100. Шарафутдинова И.Н. Курган у с. Пелагеевки. Древности Поингулья. К.: Наукова думка, 1977. С. 89-91.
- 101. Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинёв: «Штиинца», 1992. С. 71-73, 110-116.
- 102. Литвиненко Р.А. Посткатакомбная эпоха Восточной Европы: миграции или военные походы. Stratum plus. № 2. 2020. С. 333-357.
- 103. Шмаглій М.М., Черняков І.Т. Про проникнення катакомбних племен в Північно-Західне Причорномор'є. — Археологія. — Вип. 4. — К., 1971. — С. 65-72; Тощев Г.Н. О памятниках катакомбной культуры на территории Северо-Западного Причерноморья. — Древности Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1981. — С. 63-71; Тощев Г.Н. Западный ареал памятников катакомбной культуры. — Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — К., 1991. — С. 85-100.
- 104. Борисов А.В., Мимоход Р.А. Аридизация: формы проявления и влияния на население степной зоны в бронзовом веке. РА. № 2. 2017. С. 63-75; Мимоход Р.А. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. РА. № 2. 2018. С. 33-48.
- 105. Шпиндлер И. Чёрное море. ЭС Брокгауза и Эфрона. Т. XXXVIII-а. СПб, 1903. С. 630-641; Брэм А.Э. Жизнь животных. Т. Х. СПб, 1896. С. 440-442; Лагута Н., Гармашев Л. Николаевщина в геологическом отношении. Географический очерк Николаевщины. Краеведческий сборник. Николаев, 1926. С. 13, 20; Физико-географическое районирование Украинской ССР. К., 1968. С. 474, 488.
- 106. Литвиненко Р.А. Посткатакомбная эпоха... С. 352-353.
- 107. Иванова С.В., Островерхов А.С., Савельев О.К., Остапенко П.В. Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья. — К.: КНТ, 2012. — С. 159-162; Иванова С.В., Петренко В.Г. Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. — Одесса, 2005. — С. 147-160; Тощев Г.Н. Западный ареал... С. 85-100; Иванова С.В. Катакомбные культуры. — Древние культуры Северно-Западного Причерноморья. — Одесса, 2013. — С. 255-275; Тощев Г.Н. Ещё раз о стратиграфии Одесского кургана. — Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинёв: Штиинца, 1984. — С. 175-183; Агульников С.М., Редина Е.Ф. Могильник эпохи ранней бронзы на Тилигульском лимане (предварительная информация). — ДСПК. — XIII. — Запорожье, 2006. — С. 43-46; Бербек Ю.Г., Денисюк В.Л. Археологические разведки побережья Хаджибейского лимана. — МАСП. — Вып. 9. — Одесса: «Печатный дом «Фаворит», 2009. — С. 175-179; Черняков И.Т. Материалы бронзового века... С. 177-180; Петренко В.Г., Носова Л.В., Кожухарь В.К., Денисюк В.Л. Археологические исследования в Южном Поднестровье. — ABУ 2001-2002 pp. — K., 2003. — C. 224-228; Петренко В.Г., Кожухарь В.К. Новые археологические памятники, разведанные в долине Кучургана. — МАСП. — Вып. 12. — Одесса: «Печатный дом «Фаворит», 2011. — С. 349-366; Зирра Влад. Культура погребений с охрой в закарпатских областях РНР. — Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской народной республики. — Кишинёв: Гос. изд-во «Картя молдовеняскэ», 1960. — С. 97-127; Сакеллариу М. и Думас Х. Средний и поздний бронзовый век (2100 – 1100 гг. до н.э.). Исторический обзор: экономика, общество и государство. — С. 156-161; Экрем Акургал. Анатолия (Малая Азия). — История человечества. — Т. II. — III тысячелетие до н.э. — VII век до н.э. — ЮНЕСКО, М.: ООО Изд-ский дом «Магистр Пресс», 2003. — С. 209-216.
- 108. Тощев Г.Н. Катакомбные комплексы Северо-Западного Причерноморья с оружием. Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара). Тирасполь, 2000. С. 99-103; Пустовалов С.Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. К.: «Шлях», 2005. С. 86-89.

- 109. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье. Одесса: Унда ЛТД, 1998. С. 46, 49, 53; Субботин Л.В., Островерхов А.С., Дзиговский А.Н. Археологические древности Буджака. Курганы Восточного побережья озера Сасык. Одесса, 1995. С. 16, 47, 56, 58, 68; Дворянинов С.А., Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. Раскопки курганной группы у с. Вишневое. Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1985. С. 149, 154, 159; Петренко В.Г., Островерхов А.С., Сапожников И.В. Новый курган эпохи энеолита бронзы в Нижнем Поднестровье. ССПК. Х. С. 48-49, 60-61; Яровой Е.В. Погребальный обряд некоторых скотоводческих племён Среднего Прута (по материалам раскопок кургана у С. Корпач). Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 1984. С. 71-72; Дергачев В.А. Раскопки в Данченах и некоторые вопросы изучения памятников позднего Триполья и катакомбной культуры. Археологические исследования в Молдавии (1974-1976 гг.). Кишинёв: Штиинца, 1981. С. 42-44.
- 110. Малюкевич А.Е., Агульников С.М., Попович С.С. Раскопки кургана у с. Садовое. Курганы правобережья Днестровского лимана у с. Молога. Одесса-Кишинев, 2017. С. 31-32; Яровой Е.В. Курганы энеолита... С. 182; Дергачев В.А. Курганы у с. Гура-Быкулуй. Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 1984. С. 23; Яровой Е.В. Погребальный обряд... С. 65, 72; Манзура И.В. Исследование курганов у пос. Светлый. Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 1984. С. 135.
- 111. Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Курганы на левобережье Нижнего Днестра. Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1985. С. 98, 104, 107, 108, 124; Дергачёв В.А. Курганы у с. Гура-Быкулуй... С. 10, 14, 32, 35; Манзура И.В. Исследование курганов... С. 129, 133.
- 112. Дворянинов С.А., Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. Раскопки курганной группы... С. 151-153, 164; Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Археологические древности Буджака... С. 33-34, 44-46, 88.
- 113. Дворянинов С.А., Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. Раскопки курганной группы... С. 152-154.
- 114. Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С., Тельнов Н.П. Курган бронзового века № 2 группы ДОТ у с. Глиное на Нижнем Днестре. Revista de Arheologic, Antropologia si studii interdisciplinare. № 1. 2019. С. 123-124; Разумов С.Н. Памятники катакомбных культур на реке Красная (левобережье Нижнего Днестра). Человек в истории и культуре. Вып. 3. Одесса: Ирбис, 2017. С. 257-265.
- 115. Тощев Г.Н. Ещё раз о стратиграфии Одесского кургана. Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 1984. С. 175-183; Яровой Е.В. Курганы энеолита... С. 14, 128, 220-221.
- 116. Иванова С.В., Петренко В.Г. Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса, 2005. С. 158-159.
- 117. Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев: «Штиинца», 1985. С. 115; Иванова С.В. Катакомбные культуры. Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013. С. 268-273, 274-275.
- 118. Черняков И.Т., Тощев Г.Н. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная. Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1985. С. 5-31.
- 119. Гумилёв Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. История СССР. 1967. № 1. С. 53-66.

### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия

АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БК — Бабинская культура; она же — Культура многоваликовой керамики (КМК)

ВДИ — Вестник древней истории

ДГУ — Днепропетровский государственный университет

ДДУ — Дніпропетровський державний університет

ДСПК — Древности Северного Причерноморья и Крыма

ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины

ИКК — Ингульская катакомбная культура

КК — Катакомбная культура

КСОАО — Краткие сообщения Одесского археологического общества

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья

МГУ — Московский государственный университет

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НЭС — Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона

ПАСП — Памятники археологии Северного Причерноморья

РА — Российская археология

РНР — Румынская народная республика

СА — Советская археология

СИИТА — Сообщения Института истории и теории архитектуры

СМ — Старожитності Миколаївщини

СПб ИИМК РАН — Санкт-Петербургский Институт истории материальной культуры Российской академии наук

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СППК — Старожитності Північного Причорномор'я і Криму

СЭ — Советская этнография

ЭС — Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона



# Василий Иванович Никитин

Потомственный николаевец. В 1968 г. окончил факультет журналистики МГУ. Увлекся археологией, ученик николаевского археолога и краеведа Ф. Т. Каминского. Являлся сотрудником экспедиций, работающих на территории Одесской, Николаевской и Херсонской областей.

С 1964 по 1988 год работал в Николаевском краеведческом музее на должности научного сотрудника. С 1972 г. получил официальное разрешение от полевого комитета Института археологии академии наук УкраинЫ на проведение разведок и раскопок. Им был раскопан и исследован ряд курганов области в Нижнем По-ингулье и Побужье, а также поселение эпохи ранней бронзы у с. Матвеевка и несколько стойбищ-летовок в Нижнем Побужье и Поингулье.

С 1989 по 1993 годы — заведующий южным отделом Киевских реставрационных мастерских республиканской лаборатории охранных исследований памятников археологии, истории и культуры.

Преподавал на кафедре истории факультета политических наук Николаевского государственного гуманитарного университета им. П. Могилы.

С 1994 года — преподавал историю искусств в Николаевской средней школе № 58. Участник научных и краеведческих конференций в 60-80 гг. XX века. Им опубликовано 5 книг и около сотни научных статей по вопросам археологии и краеведения.